

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

1931.11.2

Sm 12031

79799/3

ТЕЛЕСКОПЪ

15

1836.

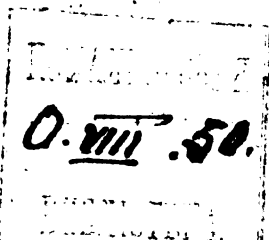
ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ ПИСЬМА къ г-жѣ "... Письмо I.	276
ДОЧЬ КУПЦА , Изъ новыхъ записокъ медика	314
ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЦѢРКИ. I. АВГУСТЪ - ЦЕЗАРЬ (Окончаніе).	
МНѢНІЕ ИНОСТРАНЦА О РУССКОМЪ ПРАВЕ Изъ Писемъ объ Англіи РАУМЕРА.	
УНИВЕРСИТЕТЪ НА ВУМАГЪ , безъ членій, классовъ, безъ студенцовъ.	
МОЛВА. Московскія Записки. Библиографія: (Госу- спственная внѣшняя торговля 1835 года въ раз- ныхъ видахъ—Серапионовы Брашна. Собраніе повѣ- стей и сказокъ Гофмана. 8 томовъ—Іоанна Грей. Ро- манъ историческій, 4 части—Игра судьбы или опецъ по неволѣ. Соч. А. Е-р-ова. 2 части—Таблицы игоръ въ просныя шашки—Бабушкины внуки, непере- мѣна. Соч. Ланскаго—Бѣглець, повѣсть А. Вельмана, изд. 2 — Красавица и Чудовище, волшеб. нрав. по- вѣсть—Бракъ въ царствованіе Петра I, истор. по- вѣсть—Таблицы логарифмовъ чиселъ и тригономе- трическихъ линій, сост. Лаландомъ—Г. К. Цимбалъ— спина). Л моды (съ в	

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРАГА

1888.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

къ ГЖЪ ***.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ. *

Я уважаю, я люблю въ васъ, болѣе всего, ваше чистосердечіе, вашу искренность. Эти прелестныя качества очаровали меня съ первыхъ минутъ нашего знакомства и навели

* Письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ составляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія, даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникъ онѣ писаны на французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отделки. Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить нашъ журналъ и другими изъ этого ряда писемъ. *Изд.*

Телеск. XXXIV.

18

на разговоръ о религіи, тогда-какъ все васъ окружающее налагало на меня молчаніе. Представьте-же мое удивленіе, когда я получилъ ваше письмо. Вотъ все, что могу я сказать о мнѣніи, которое, по вашему предположенію, долженъ соспавить о вашемъ характерѣ. Но перейдемъ-те къ важнѣйшей части вашего письма.

Отчего это возмущеніе въ вашихъ мысляхъ, которое, какъ вы говорите, волнуешь, утомляетъ васъ до-того, что разстроиваетъ самое здоровье? Неужели это слѣдствіе нашихъ разговоровъ? вмѣсто спокойствія, мира, которые должно было воцарить новое чувствіе, возбужденное въ вашемъ сердцѣ, оно пробудило сомнѣнія, почти угрызенія совѣсти. Впрочемъ, чюдъ-жъ шупъ удивительнаго? Это естественное слѣдствіе насоящаго порядка вещей, которому покорены всѣ сердца, всѣ умы. Вы уступили только вліянію причинъ, движущихъ всѣми, начиная съ самыхъ высшихъ членовъ общества до самыхъ нисшихъ. И вы не могли воспротивиться ихъ вліянію. Самыя качества, которыми вы отличаетесь отъ толпы, дѣлають васъ еще воспримчивѣе къ вредному вліянію воздуха, которымъ вы дышите. Немногое, что я могъ сказать вамъ, не могло дать должнаго направленія вашимъ мыслямъ посреди всего васъ окру-

жающаго. Могъ-ли я очистишь атмосферу, въ копорой мы живемъ? Я долженъ былъ предвидѣть послѣдствія, и въ-самомъ-дѣлѣ я ихъ предвидѣлъ. Вотъ причина частыхъ моихъ умолчаній, копорыя не только не могли проникнуть вашу душу убѣжденіемъ, напротивъ должны были привести васъ въ недоумѣніе. Еслибъ я не былъ увѣренъ, что спраданія, копорыя можетъ возбудить религіозное чувство не вполнѣ развитое, всегда лучше совершеннаго равнодушія, я раскаявался-бы въ своей излишней ревнипелъности. Но облака, копорыя затемняютъ теперь ваше небо, преобразяпсь въ благотворную росу, копорая возраспитъ сѣмена запавшія въ ваше сердце. Дѣйствіе на васъ немногихъ словъ служило мнѣ вѣрнымъ ручательствомъ, что ваше собственное разумѣніе доведетъ васъ въ послѣдствіи до полнѣйшаго развитія. Предавайтесь безбоязненно религіознымъ чувствованиямъ: изъ этого чистаго источника не могутъ родиться чувства нечистыя.

Чтобъ касаетса до предметовъ внѣшнихъ, то на этошъ разъ вамъ довольно знать, что ученіе, основанное на высшемъ началѣ единства и на прямой передачѣ истинны священнослужителями непрерывно слѣдующими одинъ за другимъ, совершенно согласно съ истиннымъ духомъ религіи; попому - что

вполнѣ соотвѣтствующею идеѣ слитія всѣхъ нравственныхъ силъ въ одну мысль, въ одно чувство, и постепеннаго образованія въ обществѣ духовнаго единства, или церкви, которая должна водворить истину между людьми. Всякое другое ученіе, однимъ уже отдѣленіемъ отъ ученія первоначальнаго, уничтожаетъ значеніе высокаго воззванія Спасителя: «*Ониже да будутъ едино, якоже и мы!*», и противодѣйствуетъ осуществленію на землѣ царствія Божія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы васъ обязывали проявлять эту истину на землѣ; нѣтъ, не въ томъ состоитъ ваше призваніе. Напротивъ, по вашему положенію въ свѣтѣ, самое начало, изъ котораго истекаетъ эта истина, обязываетъ васъ почищать ее не болѣе, какъ внутреннимъ свѣщильникомъ вашего вѣрованія. Я счастливъ, что могъ содѣйствовать религіозному направленію вашихъ мыслей; но почелъ-бы себя несчастнымъ, если-бы, въ такое время, возбудилъ укоры совѣсти, которые въ послѣдствіи могли-бы охладить вашу вѣру.

Кажется, я говорилъ вамъ однажды, что религіозное чувство поддерживается лучше всего выполненіемъ постановленій церкви. Это упражненіе въ покорности, которое заключаетъ въ себѣ гораздо больше нежели предполагаютъ, которое налагаютъ на себя величай-

шіе умы, по арѣломъ разсужденіи, съ полнымъ сознаніемъ, есть настоящее чествованіе Бога. Ничто такъ не укрѣпляетъ ума въ его вѣрованіяхъ, какъ строгое выполненіе всѣхъ налагаемыхъ ими обязанностей. Кромѣ-того большая часть обрядовъ христіанской религіи, поставленные самимъ Верховнымъ Умомъ, существенно дѣйствительны для каждаго, кто умѣетъ проникнуться истинами, которыя онѣ выражаютъ. Горе тому, кто приметъ обольстительные призраки своего тщеславія, суемудрствованія своего разсудка за высшее просвѣпленіе, и возмечтаетъ, что оно освобождаетъ его отъ общаго закона! И для васъ, сударыня, что можетъ быть приличіе одежды смиренія? Облекитесь въ нее: она такъ идетъ вашему полу. Повѣрьте, это средство всего скорѣе укропитъ волненія вашего ума, разольетъ сладостное спокойствіе по всему существу вашему.

Для женщины, которой образованный умъ находитъ прелесть въ ученіи и въ важныхъ занятіяхъ созерцанія, что можетъ быть естественнѣе, даже по свѣтскимъ понятіямъ, какъ жизнь нѣсколько серьезная, посвященная преимущественно благочестивымъ помысламъ и выполненію обязанностей, налагаемыхъ религіей? Вы пишете, что ничто не говоритъ вашему воображенію такъ сильно, какъ описанія

эпѣхъ мирныхъ, ясныхъ существованій, взгляды на которые, какъ взглядъ на прелестное сельское мѣстоположеніе, озаренное послѣдними лучами солнца, успокоиваетъ душу и уноситъ ее на-мгновеніе изъ міра нашей болѣзненной или безцвѣтной существенности. Чтѣмъ мѣшаетъ вамъ осуществити одно изъ эпѣхъ прелестныхъ созданій фантазіи? Вы одарены всѣмъ, что для этого нужно. Вы видите, какъ я снисходителенъ: я отыскиваю успокоивающія средства въ собственныхъ вашихъ вкусахъ, въ пріятнѣйшихъ мечтахъ вашего воображенія.

Въ жизни есть сторона совершенно невещественная, относящаяся собственно къ разумной стихіи нашего бытія: этой стороны никакъ не должно пренебрегать. Для души есть діаметрическое содержаніе, точно такъ же какъ и для тѣла; умѣнье подчинять ее этому содержанію необходимо. Знаю, что повторю старую поговорку; но въ нашемъ отечествѣ она имѣетъ всѣ достоинства новости. Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ, и даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ, менѣе насъ образованныхъ, у насъ только - что открываются. И это оттого что мы никогда не шли

вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того ни другаго. Мы существуемъ какъ - бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. Тѣ, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до-сихъ-поръ есть только умствование, теорія. Примѣры не далеки; вы сами, созданныя такъ счастливо, что можете совмѣщать въ себѣ все что есть въ мірѣ благого и истиннаго, одаренныя сознаніемъ всего что доставляетъ изящнѣйшія и чистѣйшія душевныя наслажденія, скажите, далеко-ли ушли вы со всеми этими достоинствами? Вы ищете даже того, чѣмъ наполнить вашъ день, не то-что цѣлую жизнь. Вамъ не доставаетъ даже тѣхъ предметовъ, которые въ другихъ странахъ составляютъ эту необходимую рамку жизни, гдѣ всѣ произшествія дня размѣщаются такъ естественно: условіе столь-же нужное для здоровья нравственнаго, какъ чистый воздухъ для здоровья тѣлеснаго. Вы понимаете,

что я говорю здѣсь не о нравственныхъ или философическихъ правилахъ, а просто о хорошемъ разпредѣленіи жизни, о тѣхъ обыкновеніяхъ, тѣхъ навыкахъ, которые даютъ уму какое-то приволье, душѣ правильное движеніе.

Посмотрите вокругъ себя. Все какъ-будто на-ходу. Мы всѣ какъ-будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни на что добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего, что бы привязывало, что бы пробуждало наши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего посіподняго, непремѣннаго: все проходишь, проходишь, не оставляя слѣдовъ ни на вѣщности, ни въ васъ самихъ. Дома мы будто на постой, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ, и даже больше чѣмъ племена блуждающія по нашимъ степямъ, потому что эти племена привязаны къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. Не воображайте, чтобъ эти замѣчанія были ничтожны. Бѣдные! неужели къ прочимъ нашимъ несчастіямъ мы должны прибавить еще новое: несчастіе ложнаго о себѣ понятія? Какъ добиваться намъ жизни чистыхъ духовъ! Научимся прежде жить благоразумно въ нашей данной существенности.

Для всѣхъ народовъ бываетъ періодъ сильной, страстной, безсознательной дѣятельности. Люди блуждаютъ иногда и тѣломъ и духомъ. Это время великихъ страстей, великихъ ощущеній. Народы движутся въ то время сильно, безъ видимой причины; но не безъ пользы для будущихъ поколѣній. Всѣ общества проходили чрезъ этотъ періодъ. Онъ даровалъ имъ ихъ живѣйшія воспоминанія, ихъ чудесное, ихъ поэзію, всѣ ихъ высшія и плодотворнѣйшія идеи. Онъ необходимъ для жизни общества. Безъ него что сохранилось-бы въ памяти народовъ, къ чему могли-бы они привязаться, приспособиться; безъ него они дорожили-бы только прахомъ родной земли. Эта чрезвычайно занимательная эпоха въ исторіи народовъ, есть время ихъ юности; время, когда способности ихъ развиваются съ наибольшою силою, время, воспоминаніе о которомъ, въ возрастѣ возмужаломъ, служило имъ наслажденіемъ и урокомъ. Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, запѣтъ жестокое, унизительное владычество завоевателей; владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не нагладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой

безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка нами прожитые, все пространство земли нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который-бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ безъ прошедшаго и будущаго. Еслижъ иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлю достигнуть истиннаго, существенно нужнаго и приличнаго намъ блага; а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія.

Истинное общественное развитіе не начиналось еще для народа, если жизнь его не сдѣлалась правильнѣе, легче, удобнѣе неопредѣленной жизни первыхъ годовъ его

существованія. Какъ можешь процвѣтать общество, которое, даже въ отношеніи къ предметамъ ежедневности, колеблется еще безъ убѣжденій, безъ правилъ; общество, въ которомъ жизнь еще не составила? Міръ нравственный находится здѣсь въ хаотическомъ броженіи, подобномъ переворошамъ, которые предшествовали настоящему состоянію планеты. И мы находимся еще въ этомъ положеніи.

Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда на умахъ нашихъ. Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что могла бы опереться наша мысль. Разобщенные, какою-то странною судьбою, отъ всемірной жизни человѣчества, мы ничего не извлекли даже изъ идей, которыя сообщаются человѣчеству преданіями. А на этихъ-то идеяхъ основывается частная жизнь народовъ; изъ нихъ развивается ихъ будущность, ихъ нравственное образованіе. Чтобы сравниться съ прочими образованными народами, намъ надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого, передъ нами исторія народовъ и плоды движенія вѣковъ. Конечно, великъ этотъ трудъ, и можешь-быть одно поколѣніе людей не въ состояніи совершить его;

но прежде-всего необходимо узнать: въ чемъ дѣло, что это за воспитаніе человѣческаго рода, и какое мѣсто занимаемъ мы въ общемъ порядкѣ міра?

Народы живутъ только мощными впечатлѣніями временъ прошедшихъ на умы ихъ и соприкосновеніемъ съ другими народами. Такимъ образомъ каждый человѣкъ чувствуетъ свое соотношеніе съ цѣлымъ человѣчествомъ. «Что такое жизнь человѣка, говоритъ Цицеронъ, если памятъ о предшествовавшемъ не соединяетъ настоящаго съ прошедшимъ?» Мы явились въ міръ, какъ незаконнорожденные дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которой мы соединялись съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно молодцами вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ. Нашимъ воспоминаніямъ не далѣе вчерашняго дня; мы, такъ-сказать, чужды самимъ себѣ. Мы идемъ по пути временъ и такъ странно, что каждый сдѣланный шагъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Все это есть слѣдствіе образованія совершенно привознаго, подражательнаго. У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго, совершенствованія

логического. Старыя идеи уничтожаются новыми, потому-что послѣднія не исходятъ изъ первыхъ, а западаютъ къ намъ Богъ-знаетъ откуда; наши умы не браздятся неизгладимыми слѣдами послѣдовательнаго движенія идей, которое соснавленяетъ ихъ силу, потому-что мы заимствуемъ идеи уже равнинныя. Мы росшемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому-то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли. Мы подобны дѣпимъ, конюрыхъ не заставляли разсуждать; возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго; все ихъ знаніе во вѣншности ихъ существованія; во вѣншности вся душа ихъ.

Народы сущесва нравственныя, точно также какъ и люди. Они образуются вѣнами, какъ люди годами. Но мы, почти можно сказать, народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя кажутся не соснавляютъ еще необходимой части челоѣчества, а существуютъ для того чтобы со-временемъ преподавать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это предназначеніе принесетъ свою пользу; но кпо знаешь, когда это будетъ?

Народы Европы имѣютъ одну общую фзіономію, какой-то отблескъ односемеиности. Не смонря на раздѣленіе ихъ на вѣтви латинскую и шевшоническую, на южную и

сверхнюю, между ними есть связь общая, которая соединяетъ ихъ, связь видимая для всякаго, кто углублялся въ ихъ общую исторію. Давно-ли вся Европа называлась «христіанствомъ», и это названіе имѣло мѣсто въ ея публичномъ правѣ? Но кромѣ этого общаго характера, каждый изъ нихъ имѣетъ еще свой особенный, придаваемый ему исторіей и преданіями. И то и другое составляетъ родовое наслѣдіе идей этихъ народовъ. Каждое частное лицо пользуется плодами этого наслѣдія; безъ упоминенія, безъ труда, собираетъ на жизненномъ пути свѣденія, разсѣянные въ обществѣ, и употребляетъ ихъ въ свою пользу. Теперь сравните сами: много-ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя, какимъ-бы то ни было образомъ, могли-бы руководствовать насъ въ жизни? Замѣтите, что здѣсь дѣло не объ ученіи, не о литературѣ, или наукѣ; но просто о соприкосновеніи умовъ, объ ихъ идеяхъ, которыя овладѣвають ребенкомъ еще въ колыбели, которыя окружаютъ его въ играхъ, которыя мать вдыхаетъ въ него своими ласками; которыя въ видѣ различныхъ чувствованій проникаютъ въ его существо вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышетъ, и образуютъ его нравственное бытіе

еще до вступленія въ міръ и въ общество. Хопите-ли знать, чѣмъ это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка. Онѣ развиваются изъ произшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ чѣмъ составляетъ атмосферу Запада; это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физиологія Европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?

Не знаю, можно-ли вывести изъ сказаннаго чѣмъ - нибудь совершенно безусловное и основать на немъ непремѣнное правило; но очевидно, какое сильное вліяніе на духъ каждаго отдѣльнаго лица должно имѣть это странное положеніе народа, по которому онъ не можетъ остановить своей мысли ни на одномъ рядѣ идей, развивавшихся въ обществѣ постепенно одна изъ другой; по которому онъ принималъ участіе въ общемъ движеніи человѣческаго разума, только слѣпымъ, поверхностнымъ и часто дурнымъ подражаніемъ другимъ націямъ. Опъ-этого, вы найдете, что всѣмъ намъ не достаетъ нѣкотораго рода основательности, методы, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что - то больше чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи, опъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ

бесплодные призраки, цѣплютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ ищется, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководитъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерѣвшіяся существа вспрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая. Это не та легкомысленность, которою нѣкогда упрекали французовъ, которая, не отрицая ни глубины, ни многообъемлемости ума, зависѣла только отъ способности понимать все съ чрезвычайною легкостью, что придавало обращенію болѣе прелестны и любезности; нѣтъ! это вѣтреность жизни безъ опыта и предвидѣнія; жизни, которая ограничивается эфемернымъ существованіемъ недѣлимаго, опорваннаго отъ своей породы; жизни, которая не заботится ни о славѣ, ни о разпространеніи какихъ-либо общихъ идей или выгодъ, ни даже о пѣхъ семейныхъ, наслѣдственныхъ интересахъ, о томъ иномъ жестѣ припазаній и надеждъ, освященныхъ давностью, которыя въ обществѣ, основанномъ на памяти прошедшаго и на понятіи будущаго, составляютъ жизнь общественную и жизнь чистую. Въ нашихъ головахъ

рѣшительно нѣтъ ничего общаго; все въ нихъ частно, и кътому еще не вѣрно, не полно. Даже въ нашемъ взглядѣ я нахожу что-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ фізіономією народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Находясь въ другихъ странахъ и вособенности южныхъ, гдѣ лица такъ одушевлены, такъ говорящи, я сравнивалъ не-разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ.

Чужестранцы спавили намъ въ достоинство нѣкотораго рода безпечную отважность, которую встрѣчали особенно въ низшихъ классахъ. Но по нѣсколькимъ отдѣльнымъ проявленіямъ народнаго характера они не могли вѣрно судить о цѣломъ. Они не видятъ, что поже самое начало, которое иногда придаетъ намъ эту смѣлость, дѣлаетъ насъ въ поже время неспособными ни къ глубокому слію, ни къ поспоынству; они не видятъ, что это равнодушіе къ матеріальнымъ опасностямъ дѣлаетъ насъ также равнодушными ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи, и что тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ насъ всѣ сильныя возбужденія, которыя спремятъ людей по пути совершенствованія; они не видятъ, что,

по милости эпохи — по безпечной опиваги, у насъ и въ высшихъ классахъ, къ прискорбію, существующъ пороки, которые въ другихъ странахъ принадлежатъ только низшимъ; не замѣчаютъ, что имѣя нѣкоторыя изъ добродѣтелей народовъ юныхъ, еще необразованныхъ, мы лишены всѣхъ достоинствъ народовъ зрѣлыхъ, наслаждающихся высшимъ просвѣщеніемъ. Я совсѣмъ не хочу сказать, что у насъ только пороки, а добродѣтели у европейцевъ; избави Боже! Но я говорю, что для вѣрнаго сужденія о народахъ надобно изучить общій духъ, ихъ живопоряцій; ибо не та или другая черта ихъ характера, а только эпохъ духъ можетъ довести ихъ до совершеннѣйшаго нравственнаго состоянія, до развитія безконечнаго.

Массы находятся подъ вліяніемъ особеннаго рода силъ, развивающихся въ избранныхъ членахъ общества. Массы сами не думаютъ; среди ихъ есть мыслители, которые думаютъ за нихъ, возбуждаютъ собиравельное разумнѣе націи, и заставляють ее двигаться впередъ. Между-тѣмъ какъ небольшое число мыслитъ, остальное чувствуетъ, и общее движеніе проявляется. Это истинно воплощеніи всѣхъ народовъ, исключая нѣкоторыхъ поколѣній, у которыхъ человѣческаго

осталось только одно лицо. Первоначальные народы Европы, Цельты, Скандинавы, Германцы, имѣли Друидовъ, Скальдовъ, Бардовъ; это были сильные мыслители, разумѣется въ своемъ родѣ. Посмотрите на народы Сѣверной Америки, истребленіемъ которыхъ такъ равноснѣно занимается матеріальное просвѣщеніе Соединенныхъ-Штатовъ: между ними есть люди дивнаго глубокомыслія. Теперь спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время?

По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны - бы соединять въ себѣ два великія начала разумнѣія: воображеніе и разсудокъ; должны-бы совмѣщать въ нашемъ гражданскомъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не приобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумнѣія, и иска-

*

знали все что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общечеловеческаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли ни возрасло на безплодной нашей почвѣ; ни одной великой истинны не возникло изъ-среди насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдуманно другими; заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь.

Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ. Если-бъ орды варваровъ, возмущившихъ міръ, не прошли, прежде-нежели наводнили Западъ, страны нами обитаемой, мы не доставили-бы и одной главы для всемірной исторіи. Чтобы обратить на себя вниманіе, мы должны были разпространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образоватъ, и чтобы заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, но не коснулись просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь приобщилъ насъ своему великому посланію, проводя побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣ-

ценнѣйшія снраны свѣта, и что-же принесли домой? Оди дурныя понатія, гибельныя заблужденія, которыя оподвинули насъ назадъ еще на полстолѣтіе. Не знаю, въ крови у насъ есть что - то оппалкивающее, враждебное совершенствованію. Повторю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для опдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непременно, но въ настоящемъ времени, что бы ни говорили, мы соспавляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумнія. Для меня нѣтъ ничего удивительнѣе этой пустоты и разобщенности нашего сущеснвованія. Конечно, въ этомъ виновата опчаспи какая-то непоспнжимая судьба; но, не правы и люди, копорыхъ содѣйснвіе, во всемъ что свершается въ нравсвенномъ мірѣ, неизбѣжно. Заглянемъ еще разъ въ исторію: она объясняетъ быніе народовъ лучше всего.

Что дѣлали мы въ то время, какъ изъ жестокой борбѣ варварства сѣверныхъ народовъ, съ высокою мыслію религіи, возникало величественное зданіе новаго образованія? Ведомые злою судьбою, мы заиснвовали первыя сѣмена нравсвеннаго и умсвеннаго просвѣщенія, у расплѣнной, презираемой всеми народами, Византіи. Мѣлкая суепносншь полько-что оппорвала ее опъ всемірнаго брашства; и мы приняли опъ ней идею, искажен-

ную человѣческою страстію. Въ это время животворящее начало единства одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала; все сосредоточивалось; всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль; всякое побужденіе проявлялось могучею потребностью отыскать одну всемірную идею: это самое и составляетъ духъ новѣйшихъ временъ. Чуждые этому дивному началу, мы сдѣлались добычею завоевателей. Свергнувъ иго чужемое, мы могли-бы воспользоваться идеями, которыя развились между тѣмъ у нашихъ западныхъ братьевъ; но мы были оторваны отъ общаго семейства.

Сколько свѣтлыхъ лучей прорѣзало въ это время мракъ, покрывавшій всю Европу! Большая часть познаній, которыми умъ человѣскій теперь гордится, были уже предчувствуемы тогдашними умами; характеръ новѣйшаго общества былъ уже опредѣленъ; міру христіанскому не доставало только формъ прекраснаго, и онъ отыскиалъ ихъ, обративъ взоры на древности языческаго. Уединившись въ своихъ пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы опасались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и

которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышають ихъ надъ древними народами, такъ-же какъ эти послѣдніе возвышаются надъ Гошпентонами и Лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, поперявшихъ свое первобытное звѣрство опъ покорности власти безоружной. Не смотря на названіе христіанъ, мы не проникли съ мѣста, тогда-какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества; не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства.

Послѣ этого, скажите, справедливо-ли у насъ почти общее предположеніе, что мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе, развивавшееся такъ медленно, и припомъ подъ прямымъ и очевиднымъ вліяніемъ одной нравственной силы, съ-разу, даже не затрудняясь розысканіемъ, какъ это дѣлалось?

Тотъ рѣшительно не понимаетъ христіанства, кто не замѣчаетъ въ немъ спорныя чисто исторической; спорныя, которая показывая, что сдѣлало оно для людей и что

должно еще сдѣлать, заключаетъ въ себѣ всю его философію и составляетъ необходимую часть его догматики. Такимъ образомъ христіанская религія является не только нравственною системою, выразившеюся въ переходящихъ формахъ человѣческаго ума; но силою божественною, вѣчною, дѣйствующею во всемъ пространствѣ міра умственного; силою, которою видимыя дѣйствія должны намъ служить вѣчными уроками.

Въ мірѣ христіанскомъ все необходимо должно содѣйствовать, и въ самомъ - дѣлѣ содѣйствуетъ учрежденію на землѣ совершеннаго порядка. Въ противномъ случаѣ дѣйствительность противурѣчила-бы слову Господа: онъ не былъ-бы среди своей церкви до скончанія вѣковъ. Новый порядокъ, царствіе Божіе, которое должно было осуществиться искупленіемъ, не опличалось-бы опъ прежняго перядка, опъ царства зла, которое искупленіе должно было уничтожить: тогда существовала-бы одна вообразительная усовершенность, о которой мечтаетъ философія и которую обличаетъ во лжи каждая страница исторіи; суешное волненіе ума, удовлетворяющее только нуждамъ существа матеріальнаго, которое если когда и вознесло человѣка на нѣкоторую высоту, то

для того только, чтобы низвергнуть ложь въ глубочайшія пропасти.

Но вы возражаете: развѣ мы не христіане, развѣ образованіе возможно только по образцу европейскому? Безсомнѣнія, мы христіане: но развѣ Абиссинцы не христіане - же? Разумѣется, можно образоваться оплочно опъ Европы: развѣ Японцы не образованы и, если вѣришь одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже болѣе насъ? Но неужели вы думаете, что христіанство Абиссинцевъ и образованность Японцевъ могутъ воссоздать хоть порядокъ, о которомъ я говорилъ сію-минушу, порядокъ, который составляетъ конечное предназначеніе человѣчества? Неужели вы думаете, что эти жалкія отклоненія опъ божественныхъ и человѣческихъ истинъ низведутъ небо на землю?

Въ христіанствѣ есть два направленія, рѣзко опличающіяся одно опъ другаго: это его дѣйствіе на чловѣка и дѣйствіе на всемірное разумнѣе. Онѣ сливаются оба въ Верховномъ Разумѣ и ведутъ къ одной и той-же цѣли. Но наше ограниченное зрѣніе не можетъ объять время, впродолженіе котораго должны осуществиться вѣчныя предначертанія божественной мудрости. По-этому мы должны различать божественное дѣйствіе, про-

являющееся въ данное время въ жизни человека, опъ проявляющагося только въ безконечности. Конечно, въ день окончательнаго исполненія великой пайны искупленія всѣ сердца и всѣ умы соединятся въ одно чувство и въ одну мысль, и всѣ преграды, раздѣляющія народы и вѣроисповѣданія, исчезнутъ; но, въ настоящее время, каждый долженъ знать свое мѣсто въ порядкѣ общаго призванія христіанъ, то-есть долженъ знать, чѣмъ и какъ можетъ содѣйствовать онъ и все его окружающее конечной цѣли, предположенной всему человечеству.

По-этому необходимо долженъ быть особенный кругъ идей, гдѣ должны двигаться умы общества; въ которомъ должна достигаться эта конечная цѣль, то-есть гдѣ возбужденная мысль должна созрѣть и достигнуть всей полноты своей. Этотъ кругъ идей, эта нравственная сфера дають обществу особенный родъ существованія, особенный взглядъ, которые не будучи совершенно пождественны для каждаго недѣлимаго этого общества, какъ воиновеніи насъ, такъ и воиновеніи другихъ не-европейскихъ народовъ, составляють одинаковый способъ ихъ бытія; слѣдствіе огромной умственной работы осьмнадцати вѣковъ, работы въ которой участвовали всѣ

спраспи, всѣ выгоды, всѣ страданія, всѣ меч-
ты, всѣ усилія разума.

Всѣ европейскіе народы проходили этѣ столѣтія рука-въ-руку, и въ настоящее время, не смотря на всѣ случайныя отклоненія, онѣ всегда будутъ сходились на одной и той-же дорогѣ. Чтобы понять семейное развитіе этихъ народовъ не нужно даже изучать исторію: прочтите только Тасса; и вы увидите какъ всѣ они склоняются въ прахъ передъ Іерусалимомъ; вспомните, что въ продолженіе пятнадцати вѣковъ они молились Богу на одномъ языкѣ, покорялись одной нравственной власти, имѣли одно убѣжденіе; вспомните, что въ продолженіе пятнадцати вѣковъ, каждый годъ, въ одинъ и тотъ-же день, въ одинъ и тотъ-же часъ, одними и теми же словами, всѣ вдругъ они возносили хвалебные гимны Всевышнему, торжествуя величайшее изъ его благодѣяній: дивный концертъ, въ тысячу разъ изящнѣйшій, возвышеннѣйшій всѣхъ гармоній міра физическаго! И такъ если эта сфера, въ которой живутъ европейцы, сфера единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія, есть плодъ религіи; если напротивъ враждебныя обстоятельства отспранили насъ отъ общаго дви-

женія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если эти причины отбросили насъ въ категорію народовъ, которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства; то не очевидно-ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами? Вошь что я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода.

Вся исторія новаго общества совершается въ области мнѣнія. Слѣдовательно здѣсь настоящее воспитаніе. Новое общество, основанное на этомъ началѣ, двигалось впередъ только мыслію. Выгоды всегда слѣдовали за идеями, но никогда имъ не предшествовали. Мнѣнія рождали выгоды, но выгоды никогда не рождали мнѣній. Всѣ успѣхи Запада въ сущности были успѣхи нравственные. Искали истину, и нашли благосостояніе. Вошь какъ объясняется явленіе новаго общества и его образованіе; иначе оно совершенно непонятно.

Первыя столѣтія новой исторіи наполняются: гоненіями за вѣру, мученичествомъ, распростираніемъ христіанской вѣры, ересями и соборами. Движеніе всей этой эпохи, не исключая и нашествія варваровъ, связано тѣс-

но съ усиліями новѣйшаго разума еще въ дѣйствѣ. Вторую эпоху наполняютъ: образованіе іерархіи, сосредоточеніе духовной власти и непрерывное распространеніе религіи на Сѣверѣ. Затѣмъ слѣдуютъ: усиленіе религіознаго чувства до высочайшей степени и упроченіе религіозной власти. Философическое и либеральное развитіе ума и образованіе нравовъ подъ вліяніемъ религіи оканчиваютъ эту исторію, которая имѣетъ точно такоеже право на названіе священной, какъ и исторія древняго избраннаго народа. Наконецъ, и настоящее положеніе общества заимствуетъ свой характеръ отъ религіознаго противодѣйствія, отъ новаго направленія, которое религія дала человѣческому духу. Такимъ образомъ, можно сказать, что у новѣйшихъ народовъ мнѣніе было единственнымъ могучимъ дѣйствіемъ; оно поглощало всѣ матеріальныя, положительныя и личныя выгоды.

Знаю: вмѣсто-того чтобъ дивиться этому дивному порыву человечества къ возможному совершенству, его называли фанатизмомъ, суевѣріемъ. Но что бы ни говорили, подумайте, какъ сильно должно впечатлѣться на характерахъ этихъ народовъ, какъ въ добромъ, такъ и въ дурномъ отношеніи, это развитіе обществѣнности, вполне совершенное

однимъ чувствомъ! Пусть поверхностная философія вопієтъ, чѣмъ хочетъ, пропивъ войнъ за вѣру, пропивъ костровъ зажженныхъ неперпимостію: мы можемъ только завидовать народамъ, которые въ этой сшибкѣ мнѣній, въ этой кровопролитной борьбѣ за истину, создали себѣ цѣлый міръ идей, міръ, который мы не можемъ представить себѣ воображеніемъ, не только перенеслись въ него шѣломъ и душой, какъ у насъ предполагають.

Повторяю еще: въ Европѣ не все было умно, добродѣтельно, религиозно; но въ ней все проникнуто таинственной силой, которая царила самодержавно цѣлый рядъ столѣтій; въ ней все слѣдствіе того безконечнаго сцѣпленія идей и явленій, которыя образовали настоящее общество. Изъ многихъ доказательствъ, вотъ одно. У народа, фізіономія котораго оплѣнена рѣзче прочихъ, постановленія котораго проникнуты наиболее новѣйшимъ духомъ, словомъ у Англичанъ, почти одна религиозная исторія. Чѣмъ такое бурная эпоха Карла I и Кромвелля, предшествовавшая ихъ настоящему благосостоянію, и весь этотъ длинный рядъ происшествій, ее породившихъ, до самаго Генриха VIII, какъ не развитіе чисто религиозное? Во всемъ этомъ періодѣ, выгоды чисто

политическія появляются въпороспепенными побудишелями, и часпо исчезаютъ совершенно, или приносятся въ жерпву мнѣнію. Даже въ эту самую минушю, какъ я пишу *, чпѣ волнуешъ эту привилегированную землю? Выгоды религіозныя. Коротко, есть-ли въ Европѣ народъ, который не нашелъ-бы въ своемъ національномъ сознаніи, еслибъ только захопѣлъ поискать, эпого особеннаго начала, которое, подъ видомъ священной мысли, постоянно было животворящимъ дѣятелемъ, душою общественнаго бытія, во все продолженіе его существованія?

Дѣйствіе христіанства опнюдъ не ограничивается его прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ на умы людей. Исполниское предназначеніе его должно быть слѣдствіемъ множества нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ сопряженій, въ которыхъ челоѣчество должно найти возможный просторъ для всѣхъ направленій своей дѣятельности. Отсюда понятно, чпѣ все свершившееся съ перваго дня нашей эры, или лучше съ той минушю, какъ Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: *«идите, проповѣдуйте Евангеліе всей твари!»* неисключая и самыхъ гоненій на христіанство, совершенно согла-

суется съ эпимъ общимъ понятіемъ объ его вліаніи. Чтобъ убѣдиться въ дѣйствительномъ осуществленіи пророческихъ изреченій Христа, довольно одного взгляда на повсемѣстное проявленіе его царствія въ сердцахъ людей, проявленіе сознательное или безсознательное, вольное или невольное. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ несовершенства, на все что есть дурнаго и порочнаго въ настоящемъ европейскомъ обществѣ, частное осуществленіе царствія Божія въ немъ неоспоримо, потому-что оно заключаетъ въ себѣ начало безконечнаго совершенствованія и содержитъ въ зародышѣ и въ начальныхъ проявленіяхъ все нужное для конечнаго осуществленія его на землѣ.

Теперь позвольте мнѣ заключить это разсужденіе о вліаніи религіи на общество выпискою изъ одной вамъ неизвѣстной стащи, написанной мною гораздо прежде.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорилъ я, что тошъ, кто не замѣчаетъ дѣйствій христіанства, вездѣ, гдѣ человѣческая мысль приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, какимъ бы то ни было образомъ, даже пропиво-дѣйствуя ему, тошъ не имѣетъ объ немъ настоящаго понятія. Вездѣ, гдѣ произносятся имя Христа, одно это имя увлекаетъ людей пропиво ихъ воли. Ничто не обнаружи-

ваетъ пакъ божественнаго начала этой религіи, какъ этою отблескъ безусловной всемирности, которымъ она проникаетъ въ душу всѣми возможными способами; овладеваетъ умами, даже въ то время, когда они, кажется, пропиваются ей наиболѣе; покарываетъ, сообщая разумѣнію истины, дополь ему неизвѣстныя, возбуждая въ сердцѣ ощущенія, до-сихъ-поръ имъ не испытанныя, вдыхая въ насъ чувства, которыя безъ нашего вѣденія вводятъ насъ въ порядокъ общій. Такимъ образомъ она опредѣляетъ кругъ дѣйствій каждаго вособенности, устремляя въ то же время дѣйствія всѣхъ къ одной цѣли. При разсматриваніи христіанства съ этой точки, каждое изъ пророческихъ изреченій Христа дѣлается осязаемою истиною. Отсюда можно видѣть ясно игру всѣхъ рычаговъ, которые приводитъ въ движеніе его всемогущая рука, ведя человѣка къ его предназначенію, никакъ не ограничивая его дѣятельности, никакъ не подавляя ни одной изъ силъ ему врожденныхъ, но напротивъ удвояя ихъ, возвышая до безконечности. Ниодно изъ нравственныхъ началъ не оспаривается бездѣйственнымъ; оно пользуется всѣми способностями мысли, всею пламенною расширимостію чувства, героизмомъ души сильной и преданностію ума покорнаго. Доступное всякому со-

Телеск. XXXIV.

20

зданію, одаренному разумѣніемъ, сливаясь съ каждымъ біеніемъ нашего сердца, оно поглощаєтъ все, роспѣтъ и даже укрѣпляется препяпствіями, которія вспрѣчаєтъ. Съ геніальнымъ человѣкомъ, оно возносится на высоту недосягаемую для другихъ; съ умомъ робкимъ, идетъ по землѣ мѣрнымъ шагомъ: въ умѣ мыслящемъ, безусловно, глубоко; въ душѣ преобладаемой воображеніемъ, аэирно, творитъ мириады образовъ; въ сердцѣ нѣжномъ, любящемъ, проявляется милосердіемъ и любовью. Оно идетъ всегда вѣстѣ съ разумѣніемъ ему преданшимся, сообщая ему силу, шеплоу, ясность. Посмотрите, какъ разнообразны природы, какъ многочисленны силы, которія оно приводитъ въ движеніе; сколько различныхъ дѣятелей сливается во-едино, сколько сердець, совершенно несходныхъ одно съ другимъ, бьется для одной единствен- мой идеи!»

«Еще удивительнѣе общее дѣйствіе христіанства. Взгляните на картину полного развитія новаго общества, и вы увидите, что христіанство преобразуетъ всѣ чело- вѣческія выгоды въ свои собственныя; по- шребность вещественную вездѣ замѣняетъ пошребностію нравственной; возбуждаетъ въ мірѣ мыслительномъ этъ великія пре-

вія, копорыхъ вы не вѣспрѣишпне вѣ испно-
рїи другихъ эпохъ, другихъ обществъ; вос-
пламеняешъ это ужасное бореніе мнѣній, въ
которомъ цѣлая жизнь народовъ стано-
вится одною великою идеею, однимъ беско-
нечнымъ чувствованіемъ. Вы увидите, что
все создано имъ, и подвѣко имъ: и жизнь
часпная и жизнь общеспвенная, и семейство
и опечество, и наука и поэзія, и умъ и во-
ображеніе, и воспоминанія и надежды, и вос-
торги и горести. Счастливы тѣ, которые
во глубинѣ души сознають свои дѣйствія
въ этомъ великомъ движеніи міра, движеніи
возбужденной самимъ Богомъ!

Но время обратиться къ вамъ, сударыня.
Признаюсь, мнѣ тяжело опорваться опъ
этихъ общихъ взглядовъ. Карпина, которая съ
эпою высоты представляется мнѣ, есть для
меня источникъ всего утѣшительнаго. Слад-
остное вѣрованіе въ будущее благоденствіе
человѣчества живить мою душу, когда,
сдавленный жалкою, окружающею меня су-
щественностію, я жажду подышать возду-
хомъ чистѣйшимъ, взглянуть на небо яснѣй-
шее. Впрочемъ, мнѣ кажется, что я не
употребилъ вашего терпѣнія во зло. Преж-
де всего надобно было показати вамъ поч-
ку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть
на христіанскій міръ и на наши дѣйствія въ

*

нашемъ мірѣ. Можетъ-быть вамъ покажется, что я слишкомъ нападаю на насъ: нѣтъ, я говорилъ истину, и еще не высказалъ ее вполне. Впрочемъ духъ христіанства не терпитъ никакого ослѣпленія, а тѣмъ болѣе народныхъ предрасудковъ, потому-что они разъединяють людей болѣе всего.

Это письмо довольно длинно. Вначалѣ я полагалъ, что выскажу все въ немногихъ словахъ, но въ послѣдствіи увидѣлъ, что разсмотрѣніе этого предмета можетъ составить цѣлый томъ. Вы мнѣ напишете, согласны-ли вы съ моими мнѣніями. Но во всякомъ случаѣ, вы не забавитесь втораго письма, потому-что мы только приступили къ предмету нашего разсужденія....

Некрополисъ.

1829, декабря 1.

ДОЧЬ КУПЦА.

ИЗЪ

НОВЫХЪ

ЗАПИСОКЪ МЕДИКА *.

Сильный дождь стучалъ по кровлямъ зданій и разливался потоками по улицамъ Лондона: это было около половины марта 1827 года. Въ кабинетѣ у себя ждалъ я многихъ больныхъ, обыкновенно приходившихъ ко мнѣ на-домъ за консультаціями; никто однако не являлся. Безсомнѣнія, самые спращающіе изъ паціентовъ не имѣли духу выспиться по на-

* Въ «Blackwood's Magazine» появился новый рядъ «Записокъ Медика», служащій продолженіемъ шѣхъ, которые выходили съ 1830 по 1834 годъ, и изъ которыхъ нѣкоторые опрѣзки были помѣщаемы въ разные времена въ «Телескопѣ». Предполагаемъ дославить удовольствіе читателямъ, помѣщая здѣсь первую изъ спашей; выходящихъ вновь подъ этимъ заглавіемъ, которое получило уже европейскую извѣстность, и върошно принадлежащихъ тому же самому автору. Изд.

водненными улицамъ, и тѣмъ подвергнувъ новой опасности свое разспроенное здоровье. Тогда я былъ еще молодъ. Привычка не обтерла моего сердца ; я умѣлъ еще чувствовать и сосирадать. Опытность не ожесточила еще моей души ; и одинъ въ кабинетѣ, облокотясь на каминъ , съ глазами устремленными на небо , откуда лились потоки дожда , я грустно сравнивалъ безсиліе медицины съ безсиліемъ законодательства , когда первая хочеть врачевать болѣзни тѣла , а послѣднее болѣзни души.

Въ числѣ больныхъ , ходившихъ ко мнѣ я вспомнилъ вособенности одного бѣднаго каменщика , который обыкновенно каждое утро водилъ ко мнѣ золотушнаго ребенка, и у котораго жена спирадала падучей болѣзною. Это бѣдное семейство было очень жалко. Разсудивъ , что сдѣлать имъ визитъ , навѣстить это грустное убѣжище безизвѣстнаго спираданія, не будетъ стоить мнѣ ничего , я расположился ѣхать къ нимъ самъ, не смотря на дождь, продолжавшій липъ какъ изъ ведра. Кабриолетъ споялъ уже у подъѣзда, какъ вдругъ вошла ко мнѣ молодая женщина, лѣтъ около двадцати. Въ чертахъ лица ея выражалось чрезвычайное волненіе. Судя по наружности и приѣмамъ , она принадлежала къ высшему сословію общества,

Спанъ гибкій и спройный; поступъ легкая, свободная; платье, взмокшее отъ дождя, обрисовывало своими складками изящныя формы.

—Я не надолго задержу васъ, сударь, сказала она: вы ужъ ѣдете.

—Покорно прошу присѣсть.

И я подвелъ ее къ спулу, на который она упала, а не сѣла.

—Иванъ, разведи огня. Дождь промочилъ васъ насквозь, сударыня. Не худо бы вамъ выпить нѣсколько канель бордосскаго. Подвиньтесь поближе къ камину. Побесѣдуемъ немножко, хопя, признаюсь, я очень занятъ сегодня.

—О! будьте увѣрены, сударь, что я не употреблю во зло вашего снисхожденія. Позвольте мнѣ только отогрѣть ноги. Не обо мнѣ идетъ дѣло, а объ одной пріятельницѣ, очень мною любимой. О ея болѣзни хотѣлось-бы мнѣ поговорить съ вами. Она боится, что ее обманываютъ на-счетъ опасности ея положенія. Письмомъ изъ деревни просилиъ она меня посовѣщываться съ искуснымъ медикомъ. Надѣюсь, что вы не упаваете отъ меня истины.

— Не выдавши больной, признаюсь, это будетъ очень трудно. Лучшій медикъ, въ этомъ случаѣ, долженъ ограничиться однимъ предположеніями.

— Я сообщу вамъ, сударь, всѣ нужныя подробности. Онѣ мнѣ совершенно извѣсны. Я ее оставила очень недавно.

— Готовъ слушать, сударыня.

Я сѣлъ противъ ней, бросивъ на часы, которыя держалъ въ рукѣ, одинъ изъ тѣхъ предувѣдомительныхъ взглядовъ, которые такъ часто употребляются въ жизни медика и адвоката.

— Особа, о которой хочу я говорить, сударь, старше меня нѣсколькими годами. Ей лѣтъ тридцать, или около. Жестокія и весьма недавнія огорченія распростили ея здоровье. Въ-самомъ-дѣлѣ она очень много спрдала.

— Ваша пріятельница, вѣрно разочаровалась въ какихъ-нибудь надеждахъ, которыя для ней были очень дороги. Смѣю-ли догадываться!... Можеть - быть, скорби сердечныя,...

— Почти такъ, вы угадали. Въ-самомъ-дѣлѣ пріятельница моя имѣла сердечную склонность, продолжительную, нѣжную склонность... впрочемъ не дѣлающую ей безчестія... Она должна была выдти за-мужъ, но стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ воспрепятствовало исполненію ея желанія. Что еще сказать вамъ? Исторія эта длинна, а мнѣ не хотѣлось-бы все время сви-

данія нашего посвятивъ однимъ рассказамъ, хотя весьма проглательнымъ, но романическимъ. Бѣдная пріятельница моя почувствовала грудные припадки. Мы начинали ужъ бояться чахотки, какъ одинъ несчастный случай довершилъ ея разстройство.

Съ начала разговора я приподнялся-было со стула, и прислонясь къ камину, съ часами въ рукѣ, ожидалъ открытія одной изъ тѣхъ пустыхъ, ничтожныхъ тайнъ, которыми молодыя женщины обыкновенно надѣдають медику, похищая у истинныхъ страдальцевъ его драгоценное время. Но при словѣ «слушай», я переменныхъ мысли и спалъ думать, что въ самомъ дѣлѣ могло случиться какое-нибудь несчастіе, гдѣ помощь моя можетъ быть полезна; почему сѣлъ снова. Смущеніе молодой незнакомки возбудило во мнѣ недоумѣніе. Въ ея рассказѣ не было вовсе послѣдовательности, и участіе, съ которымъ она говорила о больной, казалось мнѣ слишкомъ нѣжнымъ и слишкомъ глубокимъ для пріятельницы.

— Какой-же это случай, сударыня? спросилъ я.

— Паденіе, послѣ котораго эта особа, о которой я говорю, осталась на мостовой за-мертво. Кабриолетъ переѣхалъ ей по

самой груди; нѣсколько часовъ счипали ее мертвою.

— Не повреждены ли были ребра?

— Нѣтъ, сударь, только она чрезвычайно спрaдaла.

— Не харкаетъ ли она кровью?

— Кажется, или по-крайней-мѣрѣ я такъ думаю.

Потомъ она начала искасть письма, въ копоромъ, по ея словамъ, обстоятельно изложены были всѣ подробности. Но наблюдая за ней внимательнѣе, я примѣшилъ, что эшимъ движеніемъ она только хотѣла скрыть глаза свои, налившіеся слезами. Такого сильнаго участія я никакъ не могъ согласишь съ первыми ея словами.

— Позвольте, сказалъ я, взглянушь на это письмо, заключающее въ себѣ нужныя объясненія о болѣзни вашей пріятельницы.

— Извините, сударь, я не могу вамъ показать его, отвѣчала она. Въ немъ много такихъ обстоятельствъ, которыя вовсе неимѣютъ связи съ тѣмъ, о чемъ я говорила вамъ. Впрочемъ я такъ недавно читала его, что могу дать вамъ подробный отчетъ о состояніи здоровья больной.

— Все ли чувствуетъ она грудную боль?

— Чувствуетъ, въ правой сторонѣ.

— Не бываетъ-ли у ней по-ночамъ, или даже и по-утрамъ, лихорадочныхъ припадковъ?

— Бываютъ. Тогда руки у ней чрезвычайно горятъ. Она чувствуетъ повсемѣстную поть и безпокойство.

— Потъ бываетъ?

— Бываетъ, особенно по-ночамъ.

— И кашляетъ?

— Чрезвычайно сильно, съ болью — какъ сама говоришь.

— А съ котораго времени начался этотъ кашель? Прежде, или послѣ паденія?

— Право не знаю.... Кажется, что съ годъ спустя послѣ ея замужства.

— Замужства! вскричалъ я.

Она забыла, что говорила за минушу. По прежнимъ словамъ, пріятельница ея не могла выйти за мужъ согласно желанію. Она тогда замѣтила, что *срѣзалась*, какъ говорятъ въ простонародіи, и блѣдное лице ея покрылось яркимъ румянцемъ.

— Я ошиблась.... я хотѣла сказать: годъ спустя послѣ того, какъ этому браку надо было совершиться.

— Какого рода этотъ кашель?... Сухой, очень частой?

— Прежде былъ не слишкомъ мучительнъ, но впоследствии спраданія чрезвычайно усилились.

Безпрестанно увеличивавшаяся блѣдность незнакомки, подобно лучу молніи, освѣтила умъ мой подозрѣніемъ.

— Послушайте, будьте опикровениѣе, сударыня! — Не вы-ли *сами* эта пріятельница! — Вы, вѣроятно, въ-самомъ-дѣлѣ нездоровы. Отвѣчайте, сдѣлайте милоснѣ! —

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, смущеніе ея видимо увеличивалось. Но ей все еще хотѣлось скрыть отъ меня свое смятеніе; она даже пролепетала новый вопросъ. Но вопросъ этотъ не имѣлъ никакого смысла. Скоро не спало у ней голоса; она сдѣлала новое усиліе скрыть отъ меня свое смущеніе, или по-крайней-мѣрѣ дать ему другой предлогъ.

— Если-бъ вы знали, сказала она, какъ гореснѣ для меня ея состояніе, какъ оно меня пугаетъ! — И какой ангелъ! Какая доброта! — Ахъ сударь! Еслибъ я могла расказатъ вамъ, какъ я люблю ее....

— Успокойтесь, сударыня, сберитесь съ силами, и продолжайте вашъ расказъ. Можеть-быть я и придумаю какое-нибудь средство помочь этой особѣ, въ которой вы принимаете сполько участія. Да сдѣлайте милоснѣ, ободритесь.

— Итакъ скажите-жъ мнѣ, докторъ, продолжала она все еще дрожащимъ гола-

сомъ, скажите мнѣ откровенно, надѣетесь-ли вы? . . . Можно-ли помочь?

— Признаки, вами рассказанные, важны. . . . и опасны.

— Такъ нѣтъ никакой надежды? спросила она едва слышнымъ голосомъ.

— Не могу отвѣчать утвердительно, не видавъ, не разспросивши самой больной о множествѣ бездѣлицъ, для врача чрезвычайно важныхъ. Вѣрно у ней есть медикъ?

— Какъ-же, есть. . . .

Смущеніе ея все продолжалось. Я видѣлъ, что это происходило отъ неумѣнья обманывашь, неумѣнья врожденного душамъ добрымъ и благороднымъ.

— Позволяетъ-ли ей состояніе ея путешествовать—посѣтить на-примѣръ Италію или южную часть Франціи? — Это лучшее, что можно ей посовѣтывать.

— Я опасаясь, что этому воспрепятствуютъ нѣкоторые обстоятельства, вовсе не касающіяся до ея болѣзни.

— Не могутъ-ли какъ-нибудь помочь ей родственники?

— О! родственники не сдѣлають ничего. . . . ничего, что бы могло послужить для ея спасенія. . . .

Тутъ сильное судорожное движеніе потрясло всѣ ея члены; она хотѣла встать

со стула, но упала опять, и залилась слезами.

— Теперь вижу, вскричала она, что мы погибли, погибли!... Бѣдный мужъ мой! Все кончено! Нѣтъ никакой надежды!..

Черты лица ея измѣнились еще болѣе, глаза закрылись, она лишилась чувствъ. Я съ трудомъ привелъ ее въ себя, и шутъ только понялъ невинную хипирость этой женщины, чтобы удостовѣриться въ настоящемъ положеніи своего мужа. Пришедши въ чувство, она продолжала плакать; ея рыданія перзали мое сердце.

— Простите меня, простите ради Бога, говорила она. Я обманула васъ: вы видите, что я не привыкла обманывать, сжалыпесь надо мною, я никакъ несчастлива!... И зачѣмъ, безумная, спрашивала я васъ о всѣхъ этѣхъ подробностяхъ? Пусть лучше остава-лась-бы я въ совершенномъ невѣденіи; тогда по-крайней-мѣрѣ я сохраняла-бы хоть какую-нибудь надежду... Боже, Боже мой. Итакъ все погибло! Бѣдный, бѣдный Евгений!...

Судороги начались снова. Въ то время, какъ она билась въ рукахъ служителя моего, приближавшаго на шумъ, плапокъ ея упалъ на-земь, и гиня, завернулая бережно въ бумажку, покапилась по полу. По нѣжному-

рымъ часпямъ ея туалета, плашку въ нѣсколькихъ мѣстахъ заштопанному и нѣкоторымъ словамъ разговора, я возымѣлъ подозрѣніе, что подъ этой щеголеватой наружностью скрывается крайняя бѣдность. Я завязалъ въ уголокъ плашка опять эту гинею, которая, по-всему, была назначена медику за консультацію; эту гинею, плодъ можетъ-быть долговременной и горькой бережливости. Потомъ попросилъ ее сѣсть со мной топчасть въ мой кабріолетъ и свесилъ меня къ себѣ. Она опшазалась, изъ боязни, какъ говорила, чтобы внезапнымъ появленіемъ медика не испугать мужа, все еще не знающаго всей опасности своего положенія. Чрезвычайно разпроганный, я заставилъ ее по-крайней-мѣрѣ обѣщать скорѣ побывать у меня, и едва упротсилъ до другаго раза опложитъ плашу, которую она хотѣла мнѣ опдатъ непременно.

— Еще одна темная страница изъ жизни человѣческой! говорилъ я самъ себѣ, затворяя дверь послѣ ея ухода. Скорбь душевная и скорбь тѣлесная, съ самоотверженіемъ, которое не служило ни къ чему, съ добродѣтелью, которой никто не знаетъ! все продолженіе одной и той же главы общественнаго бытія! тѣже спраданія и тѣже несправедливости, перешедшія въ привычку и въ законъ!

Спустя нѣсколько дней, ужасный ливень —

(весь мартъ мѣсяцъ былъ погда чрезвычайно дождливъ)—захватилъ меня около Ченсери-Лена. По карточкѣ, выпавшей изъ плапика молодой женщины, я зналъ, что ее зовутъ гжею Эллиотъ, и что она живетъ: Туръ-Куртъ № 4, въ переулкѣ выходящемъ на Ченсери-Ленъ. Я шелъ пѣшкомъ, дождь пробилъ меня насквозь. Тупъ мнѣ пришло въ голову завернуть въ какую-нибудь лавку, съ тѣмъ чтобы при этомъ случаѣ спросить и о незнакомкѣ, столько меня занимавшей, которая вѣроятно была известна въ сосѣдствѣ. Большая красная вывѣска, съ черною надписью, обратила мое вниманіе, и возвѣстила, что *Виллиамъ Фаренъ* уполномоченъ торговать почти всѣми товарами, отъ шафты до веревокъ включительно. Я вошелъ въ эту маленькую темную лавочку, со всякою всячиной, раскладеной весьма фаншаспически. Хозяинъ, маленькой, хромой человекъ, съ плутовскимъ сморщеннымъ лицомъ, завязывалъ съ удивительнымъ искусствомъ разные пакеты. Не было никакой возможности различить между собой табакъ и свѣчи, которые толкались другъ-о-друга въ этой теснотѣ, если бы два душившіеся огарка, стоявшіе на конторкѣ, не освѣщали и не коптили ее вмѣстѣ. Почтеннѣйшій походилъ на старую крысу, запрятавшуюся въ свою подземную кладовую. Я попро-

силъ у него позволенія, до окончанія дожда, посидѣть на скамейкѣ, стоявшей въ углу. Онъ вѣжливо согласился. Это былъ спраш- ный болшунъ, неиспощимый особенно на- счешъ сосѣдей и сосѣдокъ, только бы не мѣ- шали ему при каждой фразѣ расхваливать свои свѣчи и первый сортъ кофе. Я навелъ его на Элліоповъ.

—О, знаю, сказалъ онъ: Тукъ-Курпъ, п^о 4; они тушь не больше двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Мужъ хворой, да и жена не здо- ровѣе.

—Вы знаете, чѣмъ они занимающся, како- во ихъ состояніе?

—На эмотъ счешъ, сказалъ старый лавоч- никъ, закусывая нижнюю губу и приподнимая очки на свою лысину, какъ будто желая про- яснить свою память, я не могу сказать вамъ ничего вѣрнаго. Молодой человѣкъ, кажется, занимался торговлей, онъ также училъ му- зыкѣ; а жена работаетъ иглою.

Въ карманъ у меня была карпочка, на ко- торой г-жа Элліопъ написала свое имя; и на- писала тѣмъ мѣлкимъ и красивымъ почер- комъ, въ которомъ малѣйшая черпочка об- наруживается отличное воспитаніе. Чтобы такимъ почеркомъ могла писать какая-ни- будь порпниха, или швея—это мнѣ казалось удивительнымъ.

— Они вѣрно не очень счастливы? сказалъ я.
Дѣла ихъ идутъ не такъ хорошо?

— А вы служите по полиціи? сказалъ старикъ, прищутивъ глазъ, и выраженіемъ голоса обнаруживая невольное отвращеніе, которое всякой полицейскій внушаетъ даже скръзь, прибѣгающему къ его содѣйствію.

— Совсѣмъ нѣтъ! Я спрашиваю васъ изъ одного участія къ Элліопамъ. Я ихъ вовсе почти не знаю; но вы, кажется, говорили, что они нуждаются...

— Достатка большаго нѣтъ, сказать правду. Впрочемъ исправно плащатъ... ничего не берутъ въ долгъ... надо опдаться справедливостъ. Только и покупаютъ немного, очень, очень немного. Бывало пол-унца чаю, претій сорпъ, да фунтъ сахару, черезъ каждые два дни; теперъ ужъ черезъ чепыре дни, да и сорпъ пониже. Однако все на наличные, и для меня тѣмъ лучше. Впрочемъ мой послѣдній сорпъ чаю лучше всякаго высокаго сорпа — не угодно-ли вамъ самимъ посмотрѣть...

И съ проворствомъ, удивительнымъ въ хромомъ, но весьма обыкновеннымъ въ лавочникѣ, вскочилъ онъ на лѣсенку, вытащилъ небольшой лакированный ящикекъ, крышка котораго тотчасъ уступила опытности его указательнаго перста, и насыпалъ на свою

лѣвую ладонь негодной смѣси винограднаго и сливоваго листу, поддѣланнаго подъ чай. На этошъ *высокой* сорпъ спожло-бы выхлопопашъ привиллегію; и я далъ почтенному фабриканту пересыпашъ этошъ необыкновенный сборъ назадъ въ ящикъ, не перерывая краснорѣчивыхъ похвалъ цѣлебнымъ его свойствамъ.

—Цѣны мои такъ умѣренны, продолжалъ онъ, что мнѣ совершенно непонятно, почему г-жа Элліотъ не ходишь ко мнѣ чаще; вѣрно мужъ и жена оба живутъ крѣпко — очень крѣпко! — Чортъ возьми! продолжалъ онъ; вотъ не больше получаса, какъ эта бѣдняжка была здѣсь. Ей понадобилось немного саго для мужа, а у меня какъ на грѣхъ не случилось ни зерна. Моя лавчонка хоть небольшая, а расходу ужасъ; рисъ у меня чрезвычайно полезенъ для здоровья. Я покажу вамъ первой сорпъ.

— Не безпокойшесь. Вы кажется говорили, что г. Элліотъ давалъ уроки музыки?

— Да, онъ масперъ на флейпъ; я даже одолжалъ его: принималъ на имя его письма, когда онъ публиковалъ о себѣ въ журналахъ. Да! это все было по моей милости; публикація была на мой домъ; прибавилъ лавочникъ, поправляя галстухъ и охо-

рашиваясь. Впрочемъ у него, кажется, всего и былъ одинъ ученикъ.

— А теперь?

— Ни ученика, ни флейты; а флейта прекрасная, чернаго дерева, съ серебряными клапанами. Точно такая же, а можетъ-быть и она сама, у г. Бровинга, ростовщика и барышника, что тамъ за угломъ, на лѣвой рукѣ. Сто пропивъ одного, что это та самая, и молодой человѣкъ вѣрно заложилъ ее за безцѣнокъ. Скверный народъ эти ростовщики.

— Да, вы правы, очень скверный.

— А впрочемъ, продолжалъ болтливыи лавочникъ, потеря небольшая; флейта разстроивается грудъ, какъ вамъ и самимъ извѣстно, а молодой человѣкъ не болѣе здороваго сложенія; оно и лучше. Жена его и такъ часто бывало говаривала своимъ поненькимъ голоскомъ: милой Евгеній! не играй пожалуйста на этой проклятой флейтѣ! сдѣлай милость не играй! У г-жи Элиопъ голосъ почто у герцогини, или у первой пѣвицы Дрюри-Ленскаго театра. Бывало такъ и хотѣлся взглянуть, не ждетъ ли ее карета у крыльца, а она пришла лѣзть къ купить бичевки на два су.

Вошедшій покупатель занялъ все вниманіе и обратился на себя продажныя учтивости стапаго лавочника, который опустилъ опять

очки на коспьявый горбъ своего носа. Наконецъ дождь переспалъ, я ушелъ изъ лавки, поблагодаривъ хозяина за пріюмъ. Прошла недѣля. Въ пятницу вечеромъ, воропившись домой, я нашелъ на столѣ записку, написанную наскоро г-жею Элліопъ на оборотѣ одного стараго письма: она просила меня пріѣхать къ нимъ въ Тукъ - Курпъ н^о 4, не говоря ей мужу, что она приходила ужъ ко мнѣ совѣтоваться о его здоровьи. На другой день первый мой выѣздъ былъ къ нимъ. Нижній этажъ дома занятъ былъ мѣлочной лавочкой; во второй, гдѣ жилъ Элліопъ, вела узкая лѣспница. Вошедши на площадку, я нашелъ дверь отворенною, и остановился на нѣскольکو минутъ.

Почти противъ самой двери, за столомъ, заваленнымъ полными стѣпными кнѣгами въ зеленомъ переплетѣ, съ мѣдными застѣжками, спалъ сидя молодой человекъ. Перо, выпавшее изъ его слабыхъ, изсохшихъ пальцевъ, лежало на полу. Видно было, что это единственное оружіе, которымъ онъ сражался съ нищетою, покинуло его только при послѣдней крайности, что оно вырвано у него совершеннымъ изнеможеніемъ среди утомительнаго труда. Противъ него, на томъ же столѣ, между двухъ огромныхъ шапradeй, маленькое дѣшя, въ зеленой блузѣ,

играло другимъ перомъ, занимавшимъ все его вниманіе. Спящему было лѣтъ около тридцати. Въ лицѣ его, физическая красота заимѣвалась красотою внушенной и нравственной, возбуждающей участіе, въ которомъ не дашь себѣ опчесть. Впалыя щеки были почти прозрачны; изъ-подъ черныхъ волосъ, закинутыхъ на високъ, выказывался во всемъ развитіи широкій, возвышенной лобъ; рука, изъ которой выпало перо, касалась почти земли. Не смотря на суровость времени, въ комнатѣ не было огня; г. Эллионъ (это не могъ быть никто кромѣ его) заснегнулъ до самаго верху свой черный фракъ, вѣроятно чѣмъ предохранить себя отъ холода. Въ комнатѣ не было ничего, кромѣ мебели самой необходимой, впрочемъ весьма опрятной, изъ бѣлаго дерева. Шумъ походки моей заставилъ ребенка обернуться; онъ разбудилъ отца.

—Войдите, сдѣлайте милость, сказалъ онъ еще сквозь сонъ, я не совсѣмъ кончилъ, вывесить балансъ скоро не лзя... Впрочемъ я не терялъ напрасно времени, работалъ почти весь день.

—Я докторъ В., сказалъ я, прерывая его.

—Ахъ! давините! сдѣлайте милость. Садитесь, пожалуйста садитесь. Жена моя вышла; мнѣ очень жаль, что ея нѣтъ дома.

—Очень бы радъ видѣшь ее. Впрочемъ посѣщеніе мое касается собственно до васъ. Миѣ сказали, что вы нездоровы, и я готовъ служить вамъ.

—Я точно спрадаю. Очень давно уже, какъ я чувствую себя нездоровымъ; впрочемъ, по своей нѣжности, жена моя кажется увеличиваетъ опасность болѣзни.

На всѣ мои медицинскіе вопросы онъ отвѣчалъ ясно, точно и проспо; эти отвѣпы дѣлали честь его уму и, надо сознашья, его твердости. Давно уже развилась въ немъ болѣзнь печени; сидячая, изнурительная жизнь усилила опасность. Со всѣми подробностями разсказалъ онъ миѣ несчастное приключеніе, о которомъ слышала я уже отъ жены его. Увы! несчастный быстро шель къ чахоткѣ; и хотя очевидно было, что исполненіе совѣтовъ моихъ невозможно или по крайней-мѣрѣ затруднительно по его состоянию, однако я предложилъ ему перемѣну воздуха и пупешествіе, какъ единственное средство, могущее пособить ему. Въ эту минуту вошла г-жа Элліотъ.

—Вхашъ въ Италію! вскричала она.

Тутъ они взглянули другъ на друга, и жема вся перемѣнилась въ лицѣ. Въ этомъ обоюдномъ взглядѣ я прочиталъ всю безнадежную горестъ ихъ положенія, всѣ спрада-

нія ихъ другъ за друга, всю пытку нищеты, болѣзни, крайности. Всего болѣе терзала меня спрдадальческая спыдливостъ молодого человѣка, все еще желавшаго скрыть свою бѣдность: бѣдность, величайшее преступленіе въ глазахъ свѣта! Этотъ блондинъ, улыбающійся ребенокъ, вперившій на меня свои большіе, черные глаза, этотъ ребенокъ, единственныи предметъ утѣшенія и надежды, брошенный въ эту мрачную, безотрадную жизнь; эти двѣ судьбы, опрокинутыя вверхъ дномъ, сорванныя съ своихъ корней: явленіе, къ несчастію, такъ обыкновенное въ наше время; эта добродѣтель, гибнущая безъ всякаго вниманія и участія; самоотверженіе никѣмъ не знаемое; величіе какому подобнаго въ силѣ и красотѣ не найти на полѣ битвы; эта чудная семейная драма, безъ слезъ, даже почти безъ словъ, гдѣ дѣйствовали любящія, громкая, покорная женщина, улыбающееся дитя, и отецъ умирающій еще во вѣпѣхъ лѣтъ; гордость нищеты, но гордость благородная; и посреди ея смерть, приближающаяся во всемъ ужасѣ: то было зрѣлище невыносимое; сцена тихая, безъ криковъ, безъ бѣшенства!... Какъ могъ я, послѣ всего этого, принять плашу за мое посѣщеніе, и какъ-же опять отказать отъ ней? Нѣтъ, щекопливѣ гордости, какъ гордость

честной нищеты! Оплазъ долженъ былъ оскорбить ихъ! Какъ рѣшиться на такую жестокость? Не далѣе какъ на-канунѣ, одинъ чрезвычайно богатый человекъ изъ графства Эссекскаго, почти нищенски разставался съ гинеею, которая слѣдовала мнѣ за визитъ. Опуская ее въ мою руку, онъ чувствовалъ такое спраданіе, какъ будто перялъ послѣднюю каплю своей крови. Мнѣ было стыдно за него. Теперь я не зналъ, какъ отказаться отъ денегъ. Я боялся заславить ихъ подумавъ, что подаю имъ милостыню Христа-ради. Къ счастью, ребенокъ, играя, подошелъ ко мнѣ; я взялъ его на колѣна, и всунулъ ему въ рученку свѣшлую гинеею, которою онъ и началъ потчасъ играть. Г. Эллиотъ поблѣднѣлъ и хотѣлъ было говорить; глаза жены его наполнились слезами. Я поспѣшно удалился, она проводила меня взглядомъ... Лѣтописи нищеты, лѣтописи спрадавія! кто-то напишетъ васъ, какъ должно?...

Съ тѣхъ поръ я часто посѣщалъ ихъ. Но какого труда стоило мнѣ выиграть ихъ полную довѣренность? Безпрестанная работа губила молодого человека; работа, которая, какъ я видѣлъ, не вознаграждалась соразмѣрною платою. Какъ могъ я посоветовать ему успокоиться, взявъ отдыхъ? Это значило обречь его на смерть. Работать или уми-

реть: въ этой дилеммѣ заключалась вся его жизнь! Г-жу Эллиотъ я заспавалъ часто за шипшентъ, слишкомъ богатымъ для собственнаго ихъ употребленія. Она работала также съ необычайною дѣятельностію и рвеніемъ.

Разъ, когда она занималась такимъ образомъ, я сказалъ ей:

— Въ первые годы моей женишбы, и моя жена работала, какъ вы теперь.

Она подняла голову, выпустила изъ рукъ иголу, и нѣсколько минушъ смопрѣла на меня изумленными взорами; попомъ залилась слезами. Мы все были еще не такъ коропки, чинобъ я могъ получить дозволеніе проникнуть въ подробности ихъ бѣдспвенной судьбы. Не прежде какъ по прошествіи мѣсяца, когда здоровье ея мужа видимо спановилось хуже, я выпросилъ, или лучше вынудилъ у ней признаніе, которое будетъ изложено въ слѣдующемъ разсказѣ. Кто бы вы ни были, не чинайте этого разсказа, если вы презираете подробности частной жизни, ея каждодневными спраданіями, ея мѣлыми бѣдспвіями, которыя, увы! супъ едва-ли не величайшія бѣдспвія челоѣчеспва!

Вина опцовъ губитъ дѣшей. Это несправедливостъ рока, но несправедливостъ вѣчная, неизбежная. Генрихъ Эллиотъ, кавалерійскій полковникъ, челоѣкъ достойный и храбрый,

только по несчастію записной игрокъ, за-
спрѣмился въ 1812 году послѣ большого про-
игрыша. Единственнаго наслѣдство, оставлен-
ное имъ сыну Евгению Эллиоту, воспитывав-
шемуся въ Кембриджѣ, были огромные долги
и обезпеченное имя. Мать Евгенія умерла
еще за полгода до самоубійства мужа, на
чердакѣ. Евгений походилъ на нее: онъ имѣлъ
всю ея нѣжность, самоопроверженіе, предан-
ность, эту силу души, исполненную крѣп-
кой покорности, которую въ свѣтѣ такъ
часто принимаютъ за робость. Въ двадца-
лѣтіе онъ долженъ былъ продать свои кни-
ги, опказаться отъ ученія, покинуть сво-
ихъ товарищей, отречься отъ всѣхъ привы-
чекъ и удовольствій высшаго круга, къ ко-
нторому себя готовилъ, и опредѣлился кон-
торщикомъ въ торговый домъ Фредерика Гал-
лорея и Ко., возлѣ Люгеша. И шунъ еще надо
было нѣсколько значительныхъ рекомендацій
и сильныхъ ходатайствъ, чтобы доставить
ему это ничтожное мѣсто, оставлявшее
впродолженіе дня только часъ обѣда для ош-
дыха. Огромная переписка, веденіе счетовъ
книгъ, безпрестанные развѣзды, и за все
шестидесятъ гиней въ годъ, маленькая
комнатка въ прѣпчѣмъ этажѣ въ предмѣ-
стіи, плохой обѣдъ; ни одного друга, попо-
мучаго у бѣдняка нѣтъ друзей; слабое здо-

ровье, еще болѣе разспроиваемое многосложною, утомительною работою; присовокупяше къ тому мѣлкую, нестерпимую пиранію, прогрессиивно возрастающую въ своей силѣ и жесткости по мѣрѣ нисхожденія отъ высшихъ словъ общества; холодность, невниманіе, презрѣніе поварихей къ новичку, воспитанному для большаго свѣта, принесшему съ собой въ контору другія привычки и другой образъ мыслей: такова была жизнь Элліота въ продолженіе года. Онъ однако не унывалъ, думая побѣдить равнодушіе ревностью, ненависть добродушіемъ. И въ-самомъ-дѣлѣ ему прибавили жалованья, замѣшивъ, что онъ былъ полезенъ другимъ. Такъ дающъ больше корму лошади, приносящей больше выгоды хозяину. Прибавляясь по немогу, окладъ его дошелъ до девяносто фунтовъ стерлинговъ въ годъ, на чемъ наконецъ и остановился.

Г. Галлорей, хозяинъ торговаго дома, былъ не такъ глупъ, чѣмъ принималъ участіе въ томъ бы про него было; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ оптимичныхъ коммерческихъ головъ, для которыхъ люди не люди, а средства, которыми надо пользоваться какъ можно дешевле. Мудрено-ли, что онъ не обратилъ вниманія на Евгенія Элліота. Портретъ г. Галлорея былъ портретъ всего его сословія: представлявшъ себѣ толстую фи-

гуру, квадратную въ оконечностяхъ, округленную и выпуклую въ серединѣ, съ курчавыми сѣдыми волосами, маленькимъ кругловатымъ лбомъ, съ косплевою головой, на которой нарисовано было крупными буквами: «вагышъ». Какъ негоціантъ, онъ былъ человекъ не безъ достоинства: умѣлъ растопыравать, выжидать, всѣмъ пользоваться; быть дерзкимъ при удачѣ, увертливымъ въ неудачѣ, льстецомъ тому, въ комъ имѣлъ надобность, тираномъ для того, кто въ немъ нуждался. Сперва мальчикомъ на посылкахъ, потомъ мальчикомъ при насѣ, онъ умѣлъ, благодаря своей неутомимой искапелельности, опдѣлаться отъ толпы. Сдѣлавшись капиталистомъ, онъ кончилъ тѣмъ, что женился на вдовѣ своего папроча; вдова скоро умерла, и оставила ему единственную дочь, прелестную дѣвушку. Этой единственной дочерью онъ намѣренъ былъ также воспользоваться, но ужъ не для корысти, а для честолюбія, выдавъ ее замужъ за какого-нибудь аристократа, котораго бы въ фамилію Голморей внесъ маіоратъ перснва и знаменашость предковъ. Почему и прилагалъ особенное попеченіе о воспитаніи Маріи.

Однажды этотъ великій человекъ, предменъ всеобщей зависпи, выходя изъ кареты у Биржи, оступился, упалъ на мостовую

вую и повредилъ себѣ ногу очень опасно. Медики осудили его пролежать больше девяти мѣсяцевъ въ постелѣ; наказаніе невыносимое для человѣка горячаго, жаднаго, неугомоннаго, неспособнаго заниматься ни книгами, ни размышленіемъ, мучившагося безпрестанными опасеніями, что кто-нибудь изъ соперниковъ перебьетъ у него какую-нибудь важную добычу, что его болѣзнь подастъ поводъ его прикащикамъ не радѣть о своихъ должностяхъ, или даже обворовать его безнаказанно. Дочь ходила за нимъ во все это время. Эллиоту, какъ самому дѣлательно-му и трудолюбивому изъ прикащиковъ, поручено было, всякой день въ восемь часовъ утра, приходишь къ нему за приказаніями, ѣздишь по комиссіямъ въ Сиди, приносишь прихода-расходную книгу съ должнымъ благоговѣніемъ. Это удвоило занятія молодого человѣка, ни увеличивъ нисколько жалованья. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ больше нежели когда-либо подвергался несноснымъ капризамъ причудливаго, раздражительнаго болѣнаго, который ежеминутно выходилъ изъ себя и не имѣлъ никакихъ причинъ щадить человѣка, совершенно отъ него зависѣвшаго и получавшаго въ годъ девяносто несчастныхъ фунтовъ стерлинговъ.

По странному спеченію обстоятельствъ

дочь купца и Евгений были знакомы еще въ то время, когда послѣдній гошпвился заняшь мѣсто въ обществѣ, гдѣ ожидали его богатство и счастье. На нѣкоторыхъ загородныхъ праздникахъ, ему случалось даже быть самымъ услужливымъ кавалеромъ молодой Маріи. Онъ не напоминалъ ей послѣ эпотъ, зная, что богатство и бѣдность раздѣлены неизмѣримою бездною. Но Марія узнала его. Грубый, наглый, оскорбительный тонъ, которымъ г. Галлорей давалъ приказанія своему прикащику, обрушивая на него при каждомъ словѣ всю тяжесть своего купеческаго барства, возбудилъ въ душѣ дѣвушки чувство невольнаго состраданія. Возстаніе противъ несправедливостей и обидъ, чпимыхъ свѣтомъ, принадлежипъ къ лучшимъ чувствованіямъ женщины. Эпотъ несчастный молодой человекъ, худой, блѣдный, испитой, выпянуый въ спруну передъ эпимъ денежнымъ, вельможею, закидываемый тысячью грубыхъ вопросовъ, оскорбляемый тысячью нестерпимыхъ наглостей, и между-тѣмъ принужденный своимъ положеніемъ хранить покорное безмолвіе, тѣмъ болѣе казался достойнымъ участія Маріи, что судьба гошпвила ему совсѣмъ не то назначеніе. Несравненно выше своего пирана воспитаніемъ и душевными качествами, онъ имѣлъ благород-

ную наружность и вооружался самымъ героическимъ перпѣвѣмъ. Марія замыпила все это.

Такъ-какъ отецъ кромѣ дочери никого не подпускалъ къ своей постели, то она по неволѣ была всегда тупъ, когда онъ давалъ приказанія прикащику; и его варварское обращеніе перазало ея душу. У ней не было матери; сшаруха шепка, прежде завѣдывавшая домашнимъ хозяйствомъ, лежала разбитая параличемъ. Г. Галлорей не только былъ такъ же грубъ и жестокъ съ нею, какъ и со всѣми; онъ даже скоро далъ ей почувствовать, что не имѣешь правъ на ея уваженіе: грустный, тяжкій инстинктъ дѣвскаго презрѣнія; это ужасное чувство, которое, уничтожая естественную привязанность, превращаетъ ее въ простой долгъ, тѣмъ болѣе увеличивало нѣжность ея сердца, просившаго себѣ пищи, опоры. Бѣдная дѣвушка не читала романовъ, въ театръ ѣздила рѣдко; она и не подозрѣвала, что сердце ее привязывалось безъ ея вѣдома; этою молодой челоѣкъ — она думала, что только жалѣешь объ немъ, уважаешь его — а она уже его любила!... Съ своими грубыми чувствами, желѣзнымъ характеромъ и той глупой самонадѣянностью, которую даютъ деньги, Галлорей былъ совершенно слѣпъ. Опасность, которой подвергалъ онъ моло-

ныхъ людей, была ему вовсе незнакома. И дочь его была шутъ, вѣчно шутъ, слушая скромныя донесенія молодаго прикащика, его крошкѣй и твердый голосъ, вмѣстѣ съ дикими окриками отца, какъ-будто нарочно чтобы видѣть все разстояніе, отдѣлявшее ихъ одинъ отъ другаго. Эллиоту не приходило даже въ голову, чтобы Марія могла принимать въ немъ какое-нибудь участіе—пѣмъ болѣе любилъ его!... Его—такого бѣдняка! Она — такая богачка! Но каждодневныя свиданія, продолжавшіеся часа по два, сближали невольно эти два существа, столько жъ сходныя характерами и воспитаніемъ, сколько различныя по сословію и судьбѣ, а отецъ и не думалъ о послѣдствіяхъ этого сближенія.

Однажды, когда Эллиотъ принесъ къ хозяину письма, онъ грубо вырвалъ ихъ изъ его рукъ. Блѣдный, измученный, едва держась на ногахъ, стоялъ передъ нимъ молодой человекъ, какъ солдатъ на караулѣ.

— Башюпка! сказала Марія, г. Эллиотъ кажется очень усталъ. Не прикажете-ли подать ему спаканъ вина.

— Хорошо, отвѣчалъ машинально отецъ, пожирая глазами письмо, возбуждившее въ немъ сильное и непріятное ощущеніе. Дѣло шло о привозѣ большаго количества аравій-

ской комеди, которыми разрушалась самая выгодная монополия, давно уже и съ большими издержками забираемая имъ въ свои руки. Тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ барыша или убытка зависѣли отъ этого обстоятельства. И потому очень было естественно, что спаканъ вина, поднесенный пренещущею рукою его дочери Евгенію Эллиоту, не причинилъ ему ни малѣйшаго развлеченія. Сдѣлавъ поклонъ Маріи, Эллиотъ нагнулся взять спаканъ, и тогда изъ глазъ Маріи брызнулъ какой-то магнетическій блескъ, навсегда рѣшившій всю жизнь ихъ. Сама испугавшись, Марія невольно опустила глаза. Она отошла вдругъ къ окну, обернувшись спиною къ Евгенію. Эллиотъ оспался на мѣстѣ, погруженный въ мечтаніи. Смущеніе одного и изумленіе другой равно ускользнули отъ вниманія спарика; потому что дѣло шло больше чѣмъ о крови въ его жилахъ, объ апоплексическомъ ударѣ его кассъ. Наконецъ онъ вскричалъ громовымъ голосомъ:

— Пюпипръ мой, Марія; принеси скорѣе пюпипръ!

— Но, батюшка, вы не сказали....

Она не помнила что говорила; упоенная мечтами, она не понимала простаго приказанія отца.

— Съ ума что-ли ты сошла, а-ль оглохла!

заревѣлъ старый Галлорей. Цюпишрь, говорю тебѣ !..

Онъ и не думалъ , что этъ пять минушъ , въпродолженіе которыхъ умъ его погруженъ былъ въ фунсахъ сперминговъ, барышахъ и убыткахъ, чѣмобъ этъ пять минушъ завязали драму , которая должна была паразитъ всю его жизнь, опрокинуть всѣ его намѣренія. Наскоро набросалъ онъ множество писемъ , подозвалъ къ себѣ Элліота, надавалъ ему на ухо множество пайныхъ порученій , которыхъ не лзя было выполнитьъ въ одинъ день , и потомъ схватилъ его за плечи и шолкнулъ , подтверждая бышь какъ можно поспѣшнѣе и угрожая гнѣвомъ въ случаѣ упущенія или медленности.

Когда медики позволили г. Галлорею выходить, зло уже было сдѣлано. Учасіе, принимаемое дѣвушкою въ судьбѣ молодого чело-вѣка, побѣдило ея врожденную заспѣнчивость и спыдливость. Говоря по совѣсти, это не лзя было назвать любовною интригою; тутъ не было ни обольщенія со стороны Элліота , ни романическаго увлеченія со стороны Маріи. Ежедневныя встрѣчи другъ съ другомъ въ одномъ и томъ же положеніи, совершенное одиночество дѣвушки , коростъ къ которой самъ отецъ по неблаго-разумію давалъ поводъ — все это дѣлало

ихъ день ото дня необходимѣ другъ для друга. Таинственная цѣпь связала ихъ существованіе. Оба, жертвы одной и той же жестокости, спадальцы одного и того же дикаго, неумолимаго характера, сосѣди въ церкви, когда г. Галлорей, уѣзжая на дачу въ Гемпсидъ, оставлялъ дочь въ Лондонѣ для очистки нѣкопыхъ счетовъ и управленія домомъ, нечувствительно, невольно, они уступили влеченію рока, ихъ соединявшаго. Слѣдствіемъ всего этого была одна изъ ихъ сильныхъ, неразрывныхъ связей, которыхъ не можетъ разрушить судьба, и которыя создаются не волею людей. Въ одно воскресенье, Евгенийъ Элліотъ, выходя изъ церкви, увидѣлъ дѣвицу Галлорей одну, подошелъ къ ней, предложилъ ей свою руку и проводилъ до дому. Къ счастью, отецъ не видалъ ихъ; иначе это не прошло бы даромъ. Сердца ихъ, давно соединенныя чувствомъ, наконецъ поняли взаимно другъ друга.

Не безъ борьбы, не безъ внутреннихъ упрековъ, не безъ страха и раскаянія, молодые люди предалися влеченію своего рока. Такъ прошелъ годъ. Выздоровленіе отца прекратило ежедневныя ихъ сношенія; горечь внезапной разлуки ускорила взаимную довѣренность, дополъ робкую и неполную. Однимъ словомъ, прежде, нежели малѣйшее

подозрѣніе могло поселиться въ умѣ г. Галлорея, между ними существовала уже дѣятельная переписка. Разъ вечеромъ, въ среду, шаги толстаго негоціанта были легче обыкновеннаго; гримаса веселой улыбки красовалась на его устахъ. Съ блистающимъ радостью видомъ, сѣлъ онъ за столъ подлѣ дочери, нѣжно на нее посматривая и мигая по-временамъ своими косыми, пусклыми глазами. Вся эта мимика не ускользнула отъ Маріи, копорая приписывала ее какой-нибудь удавшейся спекуляціи. Но за десертомъ, когда дочь хотѣла выдти, отецъ, поднеся къ губамъ полный спаканъ поршвейну, сказалъ ей:

—Есть славная у меня новость, Марія! чудесная новость! Сегодня былъ про тебя разговоръ на биржѣ.

И выпивъ спаканъ, онъ продолжалъ сластить губами, какъ будто вдвойнѣ наслаждаясь и вкусомъ вина и прелестію новости, о копорой хотѣлъ говорить.

—Про меня, батюшка, на биржѣ? возразила Марія. Чтѣ можетъ быть общаго между мною и биржею?

—Чтѣ можетъ быть общаго, чтѣ можетъ быть общаго? повторилъ отецъ, нередразнивая ее. Молодой дѣвушкѣ выдти замужъ — я думаю, это вещь весьма общая — очень естественная, надѣюсь...

—Вы всегда шупите, батюшка! вскричала дѣвушка, и сама не помня что дѣлаетъ, поднесла спаканъ ко рту и выпила его разомъ.

—Шучу? совсѣмъ нѣтъ! Дѣло слишкомъ далеко пущено, и мнѣ нечего шупить съ тобою...

— Слишкомъ далеко...

— Ну, да! рѣшено, заключено, кончено, ударено по рукамъ. Торгъ — торгъ, слово — слово: шупъ полковатъ больше нечего. Ты мнѣ дочь, или не дочь. Я ужь давно ищу тебѣ хорошаго мужа! Теперь нашель, слава Богу! Партія превосходная, клянусь чesтью! Ты будешь виконтессою, Марія.... И, какъ скоро на дверцахъ твоей кареты заблещитъ гербъ виконтессы — тогда баспа! Лавку по боку... Я прекращаю торговлю... Пора ужь и отдохнуть... Ну, что ты на это скажешь?

—Что я скажу? машинально повторила дѣвушка, дрожащими руками перебирая уголки своего батистоваго платка.

Лицо ея было блѣднѣе снѣга, всѣ члены шрепепали.

—Что это съ тобой? отчего ты такъ поблѣднѣла? чего испугалась? А? Да говори-же? Можетъ-быть я немножко поспѣшилъ, какъ говаривала покойная швоя

мань. Слишкомъ кругло высказалъ все? Ну, да чтожь дѣлать? Вѣдь ужъ все кончено! Воротишь не лзя.

Марія хотѣла вспать; но она была такъ слаба, что опять упала на стулъ, поблѣднѣвъ еще больше. Тогда отецъ, подвинувшись къ ней ближе, одной рукой взялъ ее за подбородокъ, другой за маленькія ея ручки, и сказалъ:

—Что это какъ холодны у тебя руки! Ну перестань же ребячиться!.. Марія! вѣдь это глупо... Ну да ошвѣчай же мнѣ!.. Полно! полно! Можно-ли такъ испугаться шушки?.. Или я ужъ пошушилъ слишкомъ неосторожно...

—Такъ это была шушка... милый батюшка? вскричала дѣвушка, вскочивъ съ своего мѣста и остановивъ на немъ пылающій, неподвижный взоръ.

Потомъ, упавши снова на стулъ, она совершенно лишилась чувствъ. На громкій крикъ сбѣжалась шолпа слугъ; дѣвушку опнесли въ ея комнату. Отецъ тѣмъ болѣе принималъ участія въ ея здоровьѣ, что видѣлъ ужъ въ ней виконтессу. Онъ находилъ однако совершенно излишними всѣ этъ дѣвичьи гримасы и внушенію посылалъ ихъ къ чорту. Но имѣлъ ли онъ право пускать такимъ образомъ дочь свою въ оборотъ? Вопросъ

эпошъ никогда не приходилъ ему въ голову... Эпо все равно, что спрашиваю, имѣлъ ли онъ право требовать выдачи по предъявленному векселю съ своего Ломбард-Спришскаго банкира.

Волненіе Маріи продолжалось цѣлую ночь. Она не выходила къ завтраку; за обѣдомъ ничего не ѣла. По-ветеру удалось ей написать къ Элліопу письмо, хотя очень не связанное, но вполне объясняющее, что случилось наканунѣ. Расположеніе духа отца, которое было мрачно поутру, значительно сдѣлалось хуже впечатеніе дня.

— Чортъ возьми! Да чтожь все это значить? вскричалъ онъ къ концу десерта. Что за глупости дѣлаючися съ побою со вчерашняго вечера?..

— Вамъ самимъ извѣстно, батюшка, что вчера вечеромъ вы мнѣ наговорили такихъ вещей, которыя должны были мнѣ показаться очень странными. . .

— Странными... Это что за новости? Выйди за-мужъ странно? Дѣвушка для-того и создана!.. Ну, поговоримъ же теперь не шутя, продолжалъ онъ, смягчая голосъ и рѣшаясь на эпошъ разъ прибѣгнуть къ тактикѣ.

— Это мнѣ точно показалось очень странно, батюшка! Съ вами я такъ счастлива. . .

Бѣдная дѣвушка, въ свою очередь, должна

была выкинуть эту невинную дипломатическую хитрость.

— Со мной не лъзя-жь тебѣ вѣчно жить, милая. Надо приспособиться. Замужство — очистка двойнаго счета. Ну, поговоримъ же серьезно. Чпѣ бы ты сказала, еслибъ я вчера не шутилъ съ тобою?..

— Но, батюшка...

— *Но батюшка, но батюшка...* Я не хочу сморѣть на всѣ эти гримасы; мнѣ не нужно это жеманство.

Онъ остановился и выпилъ медленно спаканъ мадеры.

— Слыхала ли ты о виконтѣ Жеральдинѣ Скемплетѣ?

— Я читала объ немъ раза два или три въ журналахъ... Записной игрокъ—кажется?

Этотъ дипломатическій вопросъ сопровожденъ былъ самымъ пвердымъ и самымъ спокойнымъ взглядомъ. Она попала на этотъ разъ мѣтко.

— Поди!.. закричалъ взбѣсившійся спарикъ, вертя судорожно свою часовую цѣпочку съ огромными привѣсками. Это ложь, гнуснѣйшая ложь; журналы опъявленные лгуны! Лордъ Скемплетъ человекъ свѣтской, молодой, хорошей фамилии, чудной малой; онъ обѣдаетъ у меня будущее воскресенье.

— У васъ?

— Ну да, у меня! Развѣ я не воленъ пригласить виконпа къ себѣ обѣдать, когда мнѣ это вздумается... даже купишь ихъ полдюжины, если мнѣ этого захочется! прибавилъ онъ, засунувъ руки въ карманы, какъ будто у него сидѣли тамъ всѣ возможные виконпы на свѣтѣ...

— Только надо, батюшка, чѣмъ они этого стоили, отвѣчала дѣвушка, вставши, облокотясь ему на плечо и цѣлуя его: надо, чѣмъ они стоили вашихъ денегъ. Признаюсь, я лучше желала-бы видѣть у васъ какого-нибудь почтеннаго негоціанта, чѣмъ сотню эпихъ виконповъ, которые не стоятъ ничего кромѣ презрѣнія, и которые насъ такъ презираютъ—насъ бѣдныхъ торговыхъ людей...

— Бѣдныхъ торговыхъ людей! — Бѣдныхъ торговыхъ людей!... А вѣдь это правда... Въ самомъ дѣлѣ, ты говоришь правду!.. Гм!..

И допивая стаканъ мадеры, купецъ принялъ на себя гордый и торжественный видъ, какъ будто онъ былъ царствующій дожъ Венеціи.

Всѣ эти дипломатическія хитрости разлетѣлись въ прахъ предъ непоколебимой рѣшимостью отца. Дженни, горничная Маріи, получила приказъ заняться серьезно туалетомъ своей барышни, не жалѣя никакихъ расходовъ. «Докажемъ этимъ господамъ, повторялъ

онъ, что и мы, бѣдные торговые люди, имѣемъ хорошенькихъ дочерей». Виконшъ Скемплетъ, аристократъ разорившійся за рулетикою и экарпе, нашелъ для себя очень недурнымъ получить, въ придачу къ хорошенькой и хорошо воспитанной дѣвушкѣ, сотню тысячъ фунтовъ стерлинговъ чистогану, которые очень могли пригодиться для поддержки его придцати-двухъ лѣтъ, проведенныхъ во всякомъ развратѣ, при кучѣ долговъ и совершенномъ безденежѣ; почему и явился вѣрно въ назначенный часъ. Онъ ухаживалъ за Маріей, какъ дѣлаютъ какое-нибудь дѣло, какъ выполняютъ какую-нибудь формальность. Обѣдъ былъ скученъ. На припорныя любезности дѣвушка отвѣчала холоднымъ молчаніемъ, на изысканныя, напаянныя вѣжливостіи, безчувственнымъ равнодушіемъ. Этошъ соблазнитель - виконшъ, этошъ свѣтскій, паркетный человѣкъ, былъ разбитъ въ прахъ молоденькою мѣщанкой; только надежда на блестящее приданое могла укропить въ немъ досаду оскорбленнаго самолюбія. Съ героическимъ мужествомъ продолжалъ онъ надѣлать ей своими бесполезными любезностями, припвораясь, что не примѣчаетъ презрѣнія, ему оказываемаго, которое едва прикрывалось легкимъ покровомъ приличія. Онъ не унывалъ. Отецъ, сбитый тактикой своей

дочери и боясь больше всего, чтобы виконп-ская корона не ускользнула изъ его рукъ , разсыпался передъ лордомъ Скемплетомъ , чтобъ скрыть опъ него хоть сколько - нибудь истину. Онъ спарался всячески доказывать ему, что дочь его очень застѣнчива, что *это обыкновенное дуратество молодыхъ двѣушекъ, на которое не надо обращать вниманія.* Упомясь этой борьбой, Марія, чтобъ только освободиться опъ несносныхъ мукъ виконпа , гошова была сама высказать всю истину , еслибъ неожиданный случай совершенно другимъ , хотя не менѣ драматическимъ образомъ , не избавилъ ее опъ этой тягостной откровенности.

Въ полдни, въ то время какъ Марія , вмѣстѣ съ горничной своей дѣлала закупки въ магазинъ Голборна , отецъ ея , съ ноппариусомъ своимъ г. Джефреемъ , человекомъ почтеннымъ и важнымъ , совершенно неожиданно воропился домой. До сихъ поръ не видано было , чтобъ онъ такъ рано уходилъ изъ Сиши. Онъ былъ внѣ себя , брови нависли , лобъ весь сморщился , губы дергало опъ ярости. Онъ бросился прямо въ комнату дочери , принесъ къ себѣ ея пюппиръ , разбилъ его въ дребезги и , вынувъ опшуда связку писемъ , подалъ ихъ ноппариусу. Г. Джефрей надѣлъ очки , пробѣжалъ гла-

зами эту связку бумагъ, и пошлѣ важно, величественнымъ голосомъ служителя законовъ, началъ чипать пламенную переписку любовниковъ: это былъ секретъ открытый опцомъ Маріи. Съ сжатыми кулаками, напружившимися жилами, волосами поднявшимися дыбомъ и неподвижными глазами, слушалъ его г. Галлорей. Дверь отворилась, вошла Марія. Дрожа опъ ярости, но не раскрывая губъ, показавъ онъ на бумаги, разбросанныя по столу, и на разбитый пюпитръ. Испустивъ громкій крикъ, дѣвушка упала безъ чувствъ на полъ. Нотаріусъ Джеффри имѣлъ человѣческія чувства; онъ бросился къ ней на помощь, и спарался успокоить ее сколько могъ. Ее вынесли. Но онъ не могъ упишить гнѣва опца, слишкомъ поздно узнавшаго свою глупость. Сблизить двухъ молодыхъ людей, и самому своей рукой приготовить такую бѣду на свою голову!

Какъ была открыта тайна переписки Элліота и Маріи? Всѣ предположенія молодыхъ людей на этотъ счетъ были напрасны; всего вѣроятнѣе казалось, что горничная, домога имъ помогавшая, разочла лучше обезпечить себя прощенье измѣною.

На другой день, Элліотъ получилъ приказаніе явиться къ своему наптрону, ровно въ полдень. Онъ и не подозрѣвалъ, что его ожи-

дало. Впрочемъ, мрачный и свирѣпый видъ привратника, холодная встрѣча слуги, показались ему зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Эти люди всегда бывають вѣрными пелераграфами, по которымъ можно чипать напередъ хорошее или дурное расположеніе господина. Войдя въ кабинетъ г. Галлорея, онъ увидѣлъ его почтенную особу, сидящую за большимъ столомъ, заваленнымъ бумагами. Подъ него стоялъ ношариусъ.

— А! закричалъ купецъ, устрема на Элліота сверкающіе взоры. Наконецъ ты попался; всѣ подлости твои вышли наружу!

— Подлости! повторилъ Элліонтъ, поблѣднѣвши.

— Да, несчастный, да! подлости.... И онъ грозилъ сжатымъ кулакомъ Евгенію.

— Ради Бога успокойшесь! сказалъ ему потихоньку Джеффрей. Потомъ, обращаясь къ Элліоту, прибавилъ спрогимъ голосомъ: Вамъ конечно, сударь, извѣстна слишкомъ справедливая причина смущенія, въ которомъ находите вы г. Галлорея.

Элліонтъ наклонилъ голову, не отвѣчая ни слова, и казалось ждалъ дальнѣйшаго объясненія.

— О подлецъ! О разбойникъ! продолжалъ Галлорей. Отецъ твой былъ такой же мо-

шенникъ какъ ты!... Онъ уходилъ самъ себя.... Туда и шебъ дорога....

Молодой человѣкъ сдѣлался блѣднѣе мертвеца; онъ стоялъ выпуча глаза; пошомъ обратился къ Джеффрию, какъ будто умоляя его прекратить эту безчеловѣчную пышку. Въ-самомъ-дѣлѣ, повѣренный шепнулъ нѣсколько словъ на ухо г. Галлорей, и шопъ вдругъ замолчалъ, какъ будто испугавшись сказанныхъ имъ словъ.

— Не угодно-ли вамъ присѣсть, г. Эллиотъ! сказалъ Джефрей съ кротостію.

Эллиотъ, руки котораго судорожно мяти шляпу, въ нихъ находившуюся, не пронулся съ мѣста.

— Не забывайте, государь мой, продолжалъ повѣренный, что г. Галлорей находится теперь въ особенномъ положеніи, и что вы, милоспивый государь, тому причиною.

— А! ты могъ подумать, что дочь моя достанется тебѣ! Тебѣ! заревѣлъ снова г. Галлорей, подымаясь со стула. Чортъ возьми! Какъ будто меня ужъ нѣтъ на свѣтѣ! Какъ будто я не буду умѣть опрокинуть всѣ твои гнусныя намѣренія....

— Вы не можете никакъ думать серьезно, продолжалъ ношаріусъ, съ шюю же спокойною важностію, чтобъ дѣвица Галлорей мо

гла и должна была соединиться съ вами: это очевидно.

— Что значать всѣ эти допросы, и этакъ необыкновенный тонъ, которымъ говорятъ со мной? ... Развѣ я сказала что-нибудь, что могло-бы дать поводъ....

— Избавьте себя отъ труда скрывать напрасно истину. Вотъ письма вашей руки, которыя какъ не лзя лучше объясняютъ ваши чувства. Намъ все извѣстно.

— Очень хорошо, сударь, письма эти—по крайней-мѣрѣ я такъ думаю—писаны мною, къ дѣвицѣ Галлорей! ... Какъ ни горько положеніе, въ которомъ я теперь нахожусь, и хотя по обстоятельствамъ моимъ я конечно не долженъ и смѣть думать о рукѣ этой дѣвушки, ничто однако не удержитъ меня признаться, что я люблю ее, и люблю любовью вѣчною, которая кончится развѣ съ моею жизнью.

— Прошу покорно! О подлець! О мошенникъ! ...

И вскочивъ внѣ себя, г. Галлорей началъ бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, осыпая Евгенія проклятіями и ругательствами, повторяя которыя мы находимъ здѣсь неприличнымъ. Нотариусъ опять, наклонясь къ нему на ухо, повторилъ съ твердостью нѣсколько словъ, заспавившихъ спарика сно-

ва опустились въ кресла. Сложъ руки и распянувшись на спинкѣ креселъ, онъ продолжалъ глухо шептать ругательства.

— Вы видите, государь мой, продолжалъ Джеффрей, до какого несчастія, до какихъ спраданій довели вы моего кліента, поступками больше чѣмъ вѣпреными — я не называю ихъ иначе. Сердечно желалъ-бы я, чѣмъ вы успѣли еще отказатьсь отъ вашихъ безразсудныхъ намѣреній. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ вашихъ писемъ, мы имѣемъ причины опасаться, что дѣвица Галлорей съ нѣкоторой снисходительностью выслушивала ваши увѣренія въ эпоху легкомысленной спраспи и предавалась надеждамъ, которыя ни чѣмъ не могутъ быть оправданы; да, сударь — ничѣмъ, вы должны согласиться въ этомъ: ни вашими лѣтами, ни званіемъ, ни состояніемъ, ни будущностью, ни воспитаніемъ, ни происхожденіемъ....

— Откиньте два послѣдніе слова! съ швердстію прервалъ его Элміонъ.

— Ты! вскричалъ отецъ, не будучи въ состояніи удерживаться. Ты, мой работникъ!... мой лакей!... ты, нищій!...

Элміонъ замолчалъ. Нотаріусъ, вѣроятно оскорбленный крайнимъ хладнокровіемъ и почти обиднымъ спокойствіемъ молодого человека, продолжалъ съ нѣкоторой досадой:

ТЕЛЕСК. XXXIV.

23

— Не будемъ спорить о словахъ. Дѣло, которое занимаесть насъ теперь слишкомъ важно; здѣсь не мѣсто толковать о подобныхъ бездѣлкахъ. И честь и здравый смыслъ запрещающъ вамъ, милостивый государь, усиливаться исполнить ваше намѣреніе, намѣреніе предосудительное, незаконное, сумасшедшее, нелѣпое во всѣхъ отношеніяхъ, однимъ словомъ невозможное. Во всякомъ случаѣ, г. Галлорей твердо рѣшился принять мѣры, чтобъ дѣло это не простиралось далѣе....

— Да! да! я рѣшился на это, клянусь Богомъ!...

И между-тѣмъ онъ пожиралъ глазами молодого человѣка. Съ удивленіемъ смотрѣлъ г. Джеффрей на его спокойную твердость.

— Чего хотите вы отъ меня? сказалъ наконецъ Евгений. Скажите, чего вы хотите?

— Вы должны немедленно отказаться отъ всякихъ искаженій касательно дѣвицы Галлорей, возвратить ей всѣ ея письма, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать честное слово прекратить всякую переписку и не имѣть болѣе съ ней никакихъ сношеній. Съ своей стороны мы предлагаемъ вамъ мѣсто за границей, мѣсто превосходное, надежное; сверхъ того пять-сотъ фунтовъ стерлинговъ го-

доваго дохода, обезпеченнаго на всю вашу жизньъ.

— Да, да! прибавилъ отецъ: пять-сопъ фунтовъ сперлинговъ! Я это обещаю.

И что-то просительное, умоляющее, разлилось въ этихъ послѣднихъ словахъ.

Но такъ-какъ Элліопъ не шогался съ мѣста и не говорилъ ни слова, то нопаріусъ, усугубивъ свое краснорѣчіе, обратилъ вниманіе молодаго человѣка на крайность, которой подвергнется дѣвица Галлорей въ случаѣ замужства съ нимъ; на недоспапачность ея личнаго имущества, которое, по самой большой мѣрѣ, не можетъ превышать шестисопъ фунтовъ сперлинговъ годоваго дохода; на ужасную будущность, ожидающую ихъ обоихъ, въ наказаніе за неблагодарность дѣвушки и за дерзость молодаго человѣка: однимъ словомъ на вѣрную неизбѣжную гибель его и ея, въ случаѣ безразсуднаго упрямства.

Тяжко, глубоко вздохнулъ Элліопъ; и эппопъ вздохъ, возспановивъ жизненныя его силы и возвративъ ему всю энергію души, привелъ его въ возможность опивѣчать пономъ печальнымъ, но твердымъ. Г. Галлорей наклонился къ нему, разинувъ ротъ, выплянувъ шею, чпобъ не пропустилъ ни одного слова.

— На всѣ ваши слова, началъ молодой че-

ловѣкъ, отвѣтъ мой самый коропкій. Какъ бы вы ни спарались переполковывать мои намѣренія и чернить мои поступки; какой дурной свѣтъ ни бросаютъ на меня обстоятельства: никогда, никакой бесчестной мысли не было и не будетъ въ моей душѣ. Я вашъ прикащикъ — это правда... слѣжу у васъ на жалованьи — это также правда.... отецъ мой былъ несчастливъ.... и это опять правда.... слишкомъ правда....

Онъ остановился на нѣсколько минутъ; крупный потъ спруился по лицу г. Галлорей; глаза Евгенія налились слезами; вооружась новыми силами, молодой человѣкъ продолжалъ:

— Но что нужно!... Упреки ваши горьки; я заслужилъ ихъ, и вы не пощадили меня.... Долго боролся я съ пожирающею меня страстью — но все было напрасно. Дѣвица Галлорей знала о моемъ крайнемъ состоянн; ей извѣстно было кино я; она могла внимательно разсмотрѣть меня, Эта дѣвушка полюбила меня — конечно неблагоприятно — за-то съ героическимъ самоотверженіемъ. Я раздѣлилъ ея чувства. Я поступилъ дурно, я виноватъ — это я знаю и чувствую. Обвиняйте, браньте меня: я готовъ сносить все терпѣливо. Если она разлюбитъ меня, и это я ене-

су терпѣливо. Но когда она находить меня достойнымъ своей любви—(и глаза его шутъ засверкали) — я не буду ни сколько подлъ, ни сколько низокъ, государь мой, чтобъ пожертвовать моею привязанностью какимъ бы то ни было выгодамъ, и никогда не откажусь отъ даннаго ей слова....

— О! о! заревѣлъ снова отецъ....

Это восклицаніе сопровождалось ужаснѣйшимъ припадкомъ ярости. Самыя неистовыя ругательства, въ продолженіе минутой десяти сыпались на молодого человѣка.

Задыхаясь отъ бѣшенства, старикъ едва могъ говорить, оспанавливался каждую секунду, чтобъ перевести духъ: въ его безсвязныхъ рѣчахъ нестройно мѣшались всѣ возможные ругательные эпитеты, всѣ хулы и проклятія, какія только содержатся въ словарь бѣшеннаго изступленія.

— А! сказалъ онъ наконецъ.... Мерзавецъ!... Подлецъ!... Волочиться.... волочиться за моей дочерью.... жениться на ней... погубить ее.... обокрасть.... Онъ.... Пустякъ попробуешь.... пусть попробуешь.... посмотришь.... Обокрасть старика.... обокрасть его.... Попробуйте только.... попробуйте обла.... Мое завѣщаніе, моя послѣдняя воля извѣстны моему нотаріусу.... А если ты похипишь у меня дочь, если ты похи-

пишь ее.... О! клянусь, околѣешь въ больницѣ или на улицѣ. Нѣтъ ей ничего.... Ни ей, ни вашимъ дѣтямъ.... Ни пенса, ни чепверши пенса не получите вы изъ моего наслѣдства.... Увидишь, увидишь самъ.... Мошенникъ!...

И судорожно захохотавъ, щелкая громко пальцами передъ глазами молодого человѣка, какъ поспильонъ своимъ бичемъ, онъ проревѣлъ въ заключеніе: Вонъ съ глазъ моихъ, вонъ! Спупай, женись на ней, если хочешь.... Женись, я совѣтую тебѣ.

Оглушенный всѣмъ происходившимъ, Эллиотъ вышелъ, самъ не зная куда идетъ; у подъѣзда кабріолетъ лорда Скемплеа чуть чуть не раздавилъ его. Ему однако не откакали опъ мѣста, какъ онъ ожидалъ.

Но спустя недѣли двѣ, изъ кассы дома вдругъ пропало пятнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Поднялась ужасная тревога. Двери тотчасъ заперли, позвали полицію, начали обыскивать прикащиковъ. Въ конторкѣ Евгенія Эллиота нашли эти пятнадцать тысячъ. Обвиненный въ кражѣ и мошенничествѣ, несчастный опведенъ былъ къ судѣ для допроса, а пошѣмъ опправленъ въ тюрьму.

Мы найдемъ его скоро въ Ньюгетѣ, среди изверговъ общесѣва, запятнанныхъ всѣми пороками и пресупленіями, соспарѣвшихся въ развратѣ и позорѣ,...

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

АВГУСТЪ ЦЕЗАРЬ.

(окончаніе.)

Августъ предпринялъ возстановленіе древняго Рима со всею его іерархіею. Ему хотѣлось, чтобъ шло римскаго гражданина не было расточаемо какъ прежде, чтобы столица міра не наполнялась опсѣдомъ провинцій. Въ театрѣ, онъ хотѣлъ воскресить всѣ древнія опличія, предоставилъ первую скамью сенаторамъ, слѣдующія всадникамъ, отдѣлилъ женатыхъ отъ холостыхъ, взрослыхъ отъ дѣшей, гражданъ отъ вольноопущенниковъ, римлянъ отъ иностранцевъ, людей въ плащахъ отъ людей въ тогахъ. Однажды онъ увидѣлъ цѣлое собраніе, одѣтое въ презрѣнную *poenula*, одежду походившую на

погу. «Вотъ, воскликнулъ онъ, иронически произнося слова поэта,

«Romanos rerum dominos gentemque togatam!»

Это еще не все; надо было возстановить древнюю римскую нравственность; обуздать роскошь, опасную особенно потому что тогда не было промышленности; воздвигнуть храмы, усилить власть и значеніе первосвященниковъ, освятить бракъ, выходившій по-видимому изъ моды: во всемъ этомъ древній Римъ пославлялъ свою силу; и въ самомъ дѣлѣ, какія могли быть другія начала его могущества?

Но этому - то именно и противопоставился настоящій вѣкъ съ наибольшимъ упорствомъ. Августъ обогащалъ коллегии жрецовъ, осыпалъ дарами весталокъ, и между-тѣмъ самихъ весталокъ взять было не гдѣ. Ни одинъ римскій гражданинъ не предлагалъ своей дочери на праздное мѣсто: прибѣгли къ дочерямъ вольноотпущенныхъ. Разгнѣванный Августъ клялся, что пожертвовалъ бы своими внуками, если бы онѣ не устарѣли: Юлія, замѣнили ему, была бы чудесная весталка.

Но жеспочаящая язва того времени была безбрачная жизнь. Древность не знала или не чувствовала нужды гибельнаго закона Мальюсуса; она больше всего боялась уменьшенія населенности въ государствѣ; суружество,

хотя совсѣмъ не было игомъ пляжнимъ и, можетъ быть, потому именно что слишкомъ мало имѣло вѣсу, считалось однако игомъ невыносимымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, мѣсяцовъ, бросали жену, бросали мужа, и всушпали въ новый бракъ. Цезарь имѣлъ шрехъ женъ, у Августа было ихъ чепыре или пять; каждый изъ членовъ его семейства былъ женатъ пять или шесть разъ; но холостая жизнь считалась еще удобнѣе; ведя за собою распушество, уменьшеніе промышленности, эгоистическую роскошь богатыхъ фамилій, она безлюдла Италію.

Уже при концѣ жизни, когда политика его получила прочность, Августъ осмѣлился испросить у Сената законы, извѣспвые намъ только въ отрывкахъ, но которыхъ совокупность представляла систему, которая въ наше время показалась-бы довольно странною. Всилу этихъ законовъ, холостяки поспавлялись на-равнѣ съ илошами, которые не могли ни получать имѣній по завѣщаніямъ, ни исполнять какую-либо должность: званіе супруга и опца возводилось на спепенъ доспоинства, освобождавшего опъ всѣхъ пягоспнныхъ обязанностей, дававшего право на всѣ милоспи. Такимъ образомъ, съ одной стороны, возобновлены были спаринные законы прошивъ прелюбодѣянія, оспановленъ

разводъ; съ другой, браку возвращено уваженіе и обязательность: это все, что могли сдѣлать законы для нравовъ въ тѣсномъ кругу своей власти.

На всѣ эти заботы, объ офиціальному возстановленіи древняго Рима, оплинулся хоромъ сеннименпальныхъ чувствъ, надеждъ, воспопговъ и похвалъ, весь оркестръ лести того времени, весь поэпическій дворъ Цезаря. Не должно дивипсья, что Августъ не боялся воспоминаній древней истопріи, что онъ дозволялъ своимъ поэпамъ славипъ героическую кончину и дикое мужество Капопа, что предметами ихъ пѣсней были земледѣіе древнихъ Сабинянъ, лѣтописи Рима квинринскаго, вся миеологія языческаго Рима; что онъ прощалъ Типу-Ливіу его сочувствіе къ аристократической свободѣ древняго Рима, и довольствовался тѣмъ, что называлъ его въ шушку помпеяниномъ; въ-самомъ-дѣлѣ онъ нисколько не думалъ защищать партію Цезаря.

Но удивиптельно, какъ всѣ оспроумцы, всѣ блестящія головы того времени согласились, каждый по-своему способствовать этому религіозному и нравственному возстановленію, кошораго Августъ хотѣлъ, какъ захопмили всѣ другіе въ подобныхъ обстоипельствахъ; ибо, волею или не волею, а онъ, и всякой другой, не могли дѣйствовать иначе.

Тогда - какъ онъ читалъ въ Сенатѣ рѣчь старика Метелла *«de prole creanda»*, (доказательство, какъ спары уже были тогда старые нравы, какъ давно жаловались на ихъ упадокъ), тогда-какъ записывалъ на мѣдной доскѣ, которая была дневникомъ его публичной жизни: «я предложилъ республикѣ забытые примѣры нашихъ предковъ», его Гораций и Овидій дѣлались тоже настоящими римлянами. «Сынъ Ромула, взывали они, если ты невинный не хочешь заплакнуть за преступленія твоихъ предковъ, возобнови разрушенные храмы твоихъ боговъ, ихъ спашуи законченныя дымомъ: покорись богамъ, ты уже царствуешь надъ міромъ; забывъ ихъ, ты призвалъ ужасныя бѣдствія на злополучную Италію. Эрицина, улыбающаяся Венера, мать нашего Цезаря; цѣломудренная Діана, дающая вѣрнымъ супругамъ славныхъ дѣшей; Аполлонъ, богъ солнца, да не увидишь ты въ своемъ теченіи ничего прекраснѣе нашего Рима! Боги всемогущіе, если Римъ есть ваше созданіе, ниспослите чистые нравы послушной юности; спароси дайте мирный покой; сынамъ Ромула даруйте могущество, многочадіе и славу. Уже вѣра, миръ, древняя скромность и древнее цѣломудріе возвратились къ намъ вмѣстѣ съ доблестію, столь долго пренебрегаемою; до-

мы сдѣлались чистыми, нѣтъ больше прелюбодѣянiя; законы и нравы прекрапили безчестное распушство; пресупленiя не оспаются безъ наказанiя, и матери хваляся дѣтьми похожими на ихъ супруговъ!»

Липерапура, говорятъ, есть выраженiе общества: умный мужчина или женщина, выдумавшій эту фразу, вѣрно, не имѣлъ въ виду того папріархальнаго чистосердечiя липерапуры, шой аркадской влаповѣтной поэзіи, которыми опличалось время Августа. Тогда какъ Италiя, изнуренная междоусобiями, не имѣла рукъ для воздѣлыванiя полей и для прокормленiя своихъ блуждающихъ жителей, когда не многіе оспававшіеся въ ней земледѣльцы были выгоняемы изъ своихъ хижинъ ценсуріонами, города Эпзурiи пылали и села ея пустѣли, тогда липерапура воспѣвала въ сладостномъ умиленіи:

Tityre, tu patulae recubans sub tegmine fagi....

Воптъ какъ липерапура выражаетъ общество!

Если вы хотише знать, что это былъ за вѣкъ, посмотрише, что происходило между имъ и Августомъ: непрерывная борьба! Паприции, съ давнихъ временъ привыкшіе считать сладкую свободу безбрачной жизни своимъ нерушимымъ правомъ, испускали кри-

ки ужаса при видѣ новыхъ законовъ, которые имъ предписывали; во время публичныхъ игръ, всадники приспавали къ Августу съ просьбою смягчить ихъ, и для оправданія своей холостой жизни, нагло указывали на примѣръ весталокъ. «Если вы ссылаетесь на ихъ примѣръ, то живите какъ онѣ», отвѣчалъ Августъ: потомъ указалъ на сыновей Германика, гордость его семейства и надежду имперіи. Однакожъ не мѣя было не уступить кой-чего Сенату, который не могъ привыкнуть ни къ чистотѣ весталокъ, ни къ цѣломудренной общесемейности Германика.

Эпохъ законъ противъ холостой жизни, носившій имя двухъ холостыхъ консуловъ, былъ, въ числѣ многихъ другихъ, доказательствомъ безсилія власти надъ нравами. Августъ долженъ былъ наконецъ уступить разврату своего времени, а при Тиверіи эти прекрасные законы, о которыхъ Монтеスキю опзывается съ такою похвалою, были измѣнены формально. Какъ это справедливо, что нѣтъ времени и мѣста, которыя не умѣли-бы отступить того, что имъ нравится! Знаменитый нахлѣбникъ Августа, его придворный поэтъ Гораций, удивительно какъ воспѣвалъ хвалы «супружескому закону», скорбѣлъ и сѣновалъ о «пресуп-

номъ вѣкъ, не стыдившемся осквернять узы брака, связь семействъ, чистоту древней крови Рима; онъ прославлялъ громко Римъ, возвращенный къ голопому вѣку закономъ Паппіо-Паппейскимъ (имена двухъ холостыхъ консуловъ); но его угодливостъ Августу не выходила за предѣлы словъ, и славя суровую добродѣтель Германскихъ женъ, твердыхъ противъ искушеній ловкаго соблазнила, онъ самъ не измѣнялъ ни прекрасной Хлоѣ, ни вѣроломной Баринѣ, ни вѣпреницѣ Лидіи, ни сколькою другимъ прекраснымъ дочерямъ Азіи, которыми наполненъ былъ Римъ, которыя заспавляли шрепешать маперей за своихъ сыновей, и отрывали супруга отъ молодой жены.

Да и самъ Августъ, эпотъ обновишель общественной жизни, эпотъ префектъ нравовъ (*magister morum*), какъ его величали торжественно—кому не извѣстны его супружества и разводы? Кто не зналъ Клавдіи, этого ребенка, на кошоромъ онъ женился изъ политики, и отослалъ отъ себя въ потъ же почти день, разсорившись съ тещей; Ливіи, кошорую онъ опиялъ у мужа еще беременную? Кто не зналъ, что онъ принудилъ Тиберія развестись съ своей женой, также беременной, чтобы замѣститъ ее Юліей, своей внучкой? Кому не извѣстны были всѣ эти

браки, которые онъ клеилъ и разрывалъ по своей волѣ въ своемъ безспыдномъ семействѣ? Не рукоплескали-ль на театрѣ намѣкамъ на его нравы; не помнили-ль безпутствъ его юности, не читали-ль самыхъ непристойныхъ упрековъ, высказанныхъ ему Антоніемъ въ письмѣ почти дружескомъ? И не памятно ли было всякому, что эпипотъ благоспивый воспановишель религіи игралъ самъ роль Аполлона въ пощунскомъ фарсѣ, гдѣ его друзья и придворные представляли пародію на весь Олимпъ?

Въ то самое время, какъ Августъ уже престарѣлый, при концѣ своего неслыханно счастливаго царствованія, прудился надъ реформою нравовъ, чьи имена повторяла толпа на театрѣ, чьи имена читала въ аффишахъ на форумѣ? Любовниковъ обѣихъ Юлій, его внуки и дочери; безпорядки ихъ были всѣмъ извѣсны, только одинъ Августъ не зналъ еще объ нихъ. И какъ ему было знать? Онъ воспиталъ ихъ, какъ древнихъ римлянъ, заспавлялъ прясъ шерсть и сидѣлъ дома (*domi mansit, lanam fecit*); приказывалъ вести журналъ своихъ занятій и слованъ, для того чтобы приучить ихъ къ порядку; до того удалялъ отъ нихъ всѣхъ постороннихъ мужчинъ, что писалъ однажды къ молодому паприцію: «ты имѣлъ нескромность

посѣпипишъ мою дочь въ Байѣ.» Самъ давалъ начальное образованіе своимъ внукамъ включительно съ плаваньемъ и азбукой; даже (спиранная вещь) спарался выучипъ ихъ подписывашься подъ свою руку. Безъ нихъ не садился за столъ; дорогою, онѣ шли передъ нимъ или ѣхали верхомъ за его носилками. Усыновленіями, разводами, браками, самовластвуютъ въ семьѣ своей какъ и въ республикѣ, онъ на-досугъ наслаждался устройствомъ и утвержденіемъ своей династіи.

Но судьба злобно вмѣшивалась во всѣ подобныя распоряженія; эшо подже что семейные договоры въ новыхъ государствахъ. Смерть и безчестіе водворились въ династіи Цезарей.

Потерявъ двухъ внуковъ впечатленіе осьмнадцати мѣсяцовъ, Августъ былъ принужденъ казнить смертію ихъ задушевнаго наперсника; запереть своего усыновленнаго сына Агриппу, душу низкую и наглую; приговорить къ смерти одного изъ самыхъ любимыхъ своихъ оппущенниковъ, за то что онъ обольщалъ римлянокъ. Но ничто не огорчало его такъ, какъ безпорядки обѣихъ Юлій; онъ жаловался на нихъ Сенату, не самъ лично, а письмомъ, черезъ квестора; онъ не смѣлъ никому явиться на глаза, рѣшался-было убить свою дочь: оппущеница ея, замѣшанная въ

безпутствахъ своей госпожи, повѣсилась съ опчаяніи. «Лучшебы мнѣ быть опцемъ эпой Фебы!» говорилъ Августъ. Его дочь, сосланная на островъ, была, по его приказанію, лишена всѣхъ удовольствій жизни, всякаго сообщенія со свѣтомъ; ее не иначе можно было видѣть, какъ взявъ опъ него позволеніе съ подробнымъ описаніемъ посѣтителя, его лѣтъ, вида и даже *особыхъ примѣтъ*, какъ бываешь въ нашихъ паспортахъ, *quibus corporis notis vel cicatricibus*; такъ онъ боялся, чтобы кто нибудь изъ ея любовниковъ не прокрался къ ней. Внука его, послѣ своего осужденія, родила; онъ запретилъ воспитывать ребенка. Эти двѣ женщины и Агриппа были мукой его жизни. Онъ имѣлъ пвердоспѣ исключитъ ихъ своимъ завѣщаніемъ даже изъ своей могилы, и когда народъ, меньше спрогій и меньше римлянинъ чѣмъ онъ, осмѣлился, черезъ нять лѣтъ, проситъ имъ прощенія, онъ опвѣчалъ ругательною фразою: «желаю вамъ такихъже женъ и такихъже дочерей.» Такъ проходилъ печальный конецъ эшого прекраснаго царствованія, такъ издыхала эта болѣзненная спароспѣ, вспупившая въ неравную борьбу съ своимъ временемъ и вооружившая Августа прошивъ своей спраны, своего семейства, самого себя. Цезарь и Августъ, попеременно, слишкомъ увлекались

двумя противоположными началами: Цезарь, не сознавая силы въ римскомъ духѣ хотѣлъ сдѣлать Римъ космополисомъ, сдѣлавъ его греческимъ, гальскимъ, испанскимъ, чѣмъ угодно, но только не римскимъ; онъ позорилъ себя, издѣвался надъ его поспановленіями, поступалъ съ нимъ, какъ Бонапартъ послѣ 18 брюмера съ недозрѣлою республикою III года. Августъ, какъ это всегда бываеиъ, выразилъ реакцію этому движенію: сдѣлался ультра-римляниномъ; возстановлялъ аристократію, такъ глубоко падшую; хотѣлъ возобновить, если не вѣру, то по крайней мѣрѣ храмы, сдѣлавъ Римъ римскимъ, такъ какъ гораздо прежде замышлялъ Силла.

Не должно однакожъ обманывать себя: надо сознать удивительное могущество этого римскаго духа. Происхождение и мѣстность, давшіе характеръ и существенную индивидуальность небольшому италійскому племени, поселившемуся въ Тибрскихъ болотахъ, произвели конечно одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій человѣческой природы. Эта аристократія нераздѣльная, деспотическая, наследственная, но въ тоже время безпрестанно пополняемая, обновляемая изъ рядовъ черни, правительственная форма, могущая, безъ сомнѣнія, скорѣе всѣхъ прочихъ дать ходу вещей характеръ величія, возрастанія и проч-

ности, родилась отъ тогоже общаго римскаго характера всегда одинаго и пождественнаго самому себѣ, но одареннаго припомъ величайшею силою отвлеченія и всасыванія (*absorption*). Все это было опчасти въ аристокраціи Англійской, въ дворянствѣ Венеціанскомъ, въ сенатѣ Бернскомъ, долгожизненныхъ и сильныхъ постановленіяхъ, попому-что онѣ, совмѣщая въ себѣ единство человѣка, не имѣли его кратковременности.

Но римская аристокрація не существовала уже въ то время, о которомъ мы говоримъ. Самыя знашныя фамиліи угасли или разорились отъ долговъ; во время Клавдія не было уже почти и тѣхъ, которые возвышены были Цезаремъ и Августомъ. Атмосфера этой эпохи, подобно атмосферѣ нашего времени, была убійственна для всякой аристокраціи; патриціанскія фамиліи смѣшивались съ массою народа и возвращались снова въ состояніе, изъ котораго вышли. Одинъ изъ Скавровъ порговалъ угольемъ, точно какъ до ихъ возвышенія, назадъ тому вѣка три; Цециліи сдѣлались мясниками. Это обратное движеніе фамилій, вещь удивительная и любопытная. Сверхъ-того не доставало великой основы римскихъ постановленій, вѣры религіозной. Религіозный переворотъ этого вѣка, не объясненъ еще достаточно;

время и мѣсто не позволяютъ намъ разсмотрѣть его здѣсь подробно, хотя онъ и составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій духа человѣческаго. Скажемъ только здѣсь—и это заслуживаетъ глубочайшаго изслѣдованія—скажемъ, что древность всегда видѣла въ религіи не догматъ, а обычай; не испину отвлеченную и общую, а законъ страны, одну изъ стихій національности. Вслѣдствіе того, когда весь міръ соединился въ одно цѣлое, управляемое одними законами, когда враждебность народовъ замѣнилась союзомъ взаимныхъ обязанностей, національности пали, а вмѣстѣ съ ними пали и самыя религіи; грекъ потерялъ свое вѣрованіе, переставши быть грекомъ; римлянинъ лишился своихъ боговъ, когда его Римъ спалъ космополисомъ. Отсюдова скептицизмъ и невѣріе во времена Цезаря.

Во время Августа (и это естественное слѣдствіе) началась реакція. Августъ хотѣлъ сдѣлать ее римскою, но это было невозможно. Она была безахарактерна, неопредѣленна, безмѣсна. Когда всѣ націи сближались между собою гражданскимъ бытомъ и мыслию, тогда понятіе о богѣ Римскомъ и богѣ Греческомъ, вѣра въ Юпитера Олимпійскаго и Юпитера Капитолійскаго, догматъ о національности боговъ, столь

простодушно выраженный въ молитвѣ, или лучше, въ неуважительномъ обращеніи Римлянъ къ богамъ осажденнаго города: «Богъ этого города, муцина ли ты, или женщина, выходи изъ города и спупай съ нами!» все это очевидно сдѣлалось совершенною нелѣпостію. Въмѣсто національныхъ боговъ, искали боговъ всего человѣческаго рода; брали ихъ изъ Египта, Сиріи, Іудеи; заимствовали оповсюду то божество, то повѣрье, то обрядъ очищенія, то молитву. Этопъ вѣкъ былъ самый суевѣрный. Историки не могли написать двухъ страницъ, безъ предвѣщанія, безъ сновидѣнія. Римъ вѣрилъ всему, исключая римскихъ боговъ.

И не смотря на всѣ приведенные нами факты, заслуживающіе полнѣйшаго развѣснп, римское имя, римскія постановленія, могущество, которое онѣ придали этой извѣденной червями машинѣ, этому дереву безъ корня, державшемуся собственною своею тяжестію, все это продолжалось долѣе, нежели можно было предположить по выводамъ разума. Все это держалось чепыре вѣка, пропивъ враговъ всякаго рода, пропивъ варваровъ и народовъ составлявшихъ имперію, пропивъ философіи, прошивъ христіанства; такъ много тушь было

первоначальной доблести, силы, постоянства и жизни. Удивительное созданіе человѣческаго ума! Лишенный своего начала, не одушевляемый своимъ духомъ, безъ аристократіи, бывшей его цѣлю, безъ вѣры, служившей ему основаніемъ, Римъ аристократіи священнослужительской споялъ еще долго; былъ во второй разъ царемъ міра и оставилъ среднимъ вѣкамъ свои памятники, свой языкъ, свое право.

Это оттого что сенатъ, столь униженный, несмотря на усилія Августа поднятъ его, все еще сознавалъ себя наследникомъ древней аристократіи, умѣлъ вселять къ себѣ почтеніе съ помощію воспоминаній. Это оттого что народъ столь низкій, вѣтреный, выродившійся, народъ цирка, театра, хотѣлъ еще быть царемъ-народомъ, не рѣдко бунтовалъ, повелѣвалъ Цезарями, освистывалъ ихъ или рукоплескалъ имъ какъ актерамъ, возвѣщалъ имъ свою волю среди гримасъ шуповъ и сраженій гладиаторовъ, и выгнанный изъ форума царилъ еще на театрѣ. Это оттого что легіоны (предметъ споящій особеннаго изученія) соснавлиали среди народа особенный народъ, римскій по-своему, имѣвшій свою вѣру и богослуженіе, поклонявшійся своимъ орламъ, которымъ, какъ

вы. знаете, приносили жертвы. Въ войскѣ служили часто цѣлую жизнь и иногда сынъ поступалъ на мѣсто отца: насоящая военная нація, изъ которой, до послѣднихъ дней имперіи, выходили люди римскаго закала: Пробы, Спилликовы, люди грубые, суровые, старинные, часто варвары по произхожденію, но римляне по сердцу. Наконецъ опшого что въ послѣдствіи самыя провинціи, пораженныя такимъ величіемъ и столькими воспоминаніями, глядѣли не столько съ ненавистію, сколько съ завистію, боязнію и удивленіемъ, на зданіе лишенное основанія римской національности, и старались, не разрушить его, но проникнуть въ него. Такъ боролись въ имперіи римская древность съ новыми нравами, національность возстановленная Августомъ съ космополитизмомъ, введеннымъ Цезаремъ. Римъ былъ такъ великъ, имя его было такъ сильно, что ничего не находили лучше какъ быть римляниномъ, только-бы это не стѣсняло (таковъ патриотизмъ многихъ странъ и эпохъ), только-бы по-прежнему были роскошный столъ, дорогая посуда и прелестницы. Всякой дѣлался римляниномъ, когда дѣло шло только о томъ, чтобы носить пурпурную одежду, подобно консулу, сжигать нѣсколько ладану у подножія Капитолійскаго Юпите-

ра, и выставлѣть при похоронной процессіи запыленные изображенія своихъ предковъ.

Но надобно было идти далѣе; чѣмъ дать средствъ жить, богатые должны были рѣшиться жить подобно имъ. А здѣсь все было устремлено на одну роскошь. Древній Римъ спорилъ съ Римомъ космополитическимъ только объ оловянной и золотой посудѣ, о шерстяномъ и шелковомъ плащѣ (которое считалось безчестнымъ для мужчины, *ne vestis serica viros fœdaret*), уважать или обольщать римскую женщину; (а обольщать вольноотпущенницъ и чужестранокъ всегда было позволено), объ уменьшеніи за столомъ фазановъ, объ обѣдѣ въ 200 сесперцій (38 фр. бо су), какъ предписалъ Августъ, и объ обѣдѣ въ 400,000 сесперцій, какъ дѣлалъ Вителлій.

Чѣмъ понять все это, необходимо полное знаніе всей древности. Роскошь для ней не могла быть, какъ у насъ, обмѣномъ труда и богатства между классомъ рабочимъ и классомъ достаточнымъ; не могла быть больше или меньше полезною для государства, выгодною для низкаго класса, и вмѣстѣ съ собою приносить вознагражденіе за зло, которое можетъ причинить. У древнихъ рабочій классъ состоялъ изъ рабовъ, получавшіе изъ милости ничтожную плату за свои труды; они не

могли соразмѣрять ни цѣнѣ, ни произведеній своихъ съ потребностями и обстоятельствомъ ; ихъ не одушевляло ни соперничество, ни мужество, даруемое свободою, ни надежда на приобрѣтеніе благосостоянія. Тѣмъ, что мы называемъ промышленностію, было службою раба господину, домашнею должностію, исполняемою по насилію. Тѣмъ, что мы называемъ торговлею, у римлянъ было ростовщичествомъ, разорительнымъ для бѣднаго. Свободная промышленность появилась съ образованіемъ христіанскихъ общинъ (corporations) въ XI вѣкѣ; новѣйшая торговля началась съ крестовыхъ походовъ.

При этомъ состояніи вещей, земледѣліе составляло единственный источникъ продовольствія для свободнаго и низкаго класса; но все, что отдавали роскоши, опинали у земледѣлія, и число рабовъ, увеличиваясь вмѣстѣ съ другими родами роскоши, сдѣлало то, что большая часть италійскихъ полей обрабатывалась только ими. Слѣдовательно, законы противъ расточительности не были ни безполезны, ни необдуманны; слѣдовательно не должно считать поэтическою декламаціей ни выходокъ писателей противъ роскоши, ни усилій законодателей обуздать ее, ни стараній ввести строгіе обычаи, даже людей, которые сами не слѣдовали имъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая участь ожидала свободный классъ народа въ Импаліи? Съ одной стороны междоусобныя войны лишили его полей, или, доведя до бѣдности, надолго дѣлали его неспособнымъ обрабатывать ихъ; съ другой стороны, богачь воздѣлывалъ свои поля рабами, или превращалъ ихъ въ парки, виллы, сады. Старыя импаліянскія поколѣнія, къ концу республики, вытѣснялись отовсюду. Эти несчастные поступали въ легіоны и шли на край свѣта, чтобъ положить тамъ свои кости, или пасли скудные стада на Аппенинахъ, и часто, не зарабатывая болѣе одной кожи для прикрытія тѣла, они взбирались на вершины еще пустыниѣйшія, блуждали изъ одного кантона въ другой и жили разбоями (вопъ родоначальники всѣхъ *banditti* ущелій Абруццо). Этимъ — по людямъ и такой же древній импаліянецъ какъ и они, Капилина, человекъ хитрый, подавъ сигналъ къ освобожденію; важность этого заговора, содѣланнаго нѣсколькими молодыми людьми противъ римской имперіи, объясняется только существованіемъ этихъ людей и ужасомъ ихъ положенія. Счастливейшіе приходили въ Римъ, чтобы жить тушъ жизнію народа римскаго, праздно, питаясь милостынею: но не всѣмъ же идти въ Римъ. Вся эта Импа-лія, занятая премо или чепырьма тысячами

богачей, всадниковъ и сенаторовъ, двумя или тремя милліонами плебейцевъ въ самомъ Римѣ, однимъ, а можетъ быть и двумя милліонамъ свободныхъ земледѣльцевъ, безчисленнымъ и безименнымъ, множествомъ чужестранцевъ, невольниковъ, вольноотпущенныхъ, варваровъ, солдатъ, ростовщиковъ, Жидовъ, Халдеевъ, волхвовъ Египетскихъ, а больше всего Грековъ (Græculi), искавшихъ счастья всѣми способами, и которые всѣ, за недостаткомъ другаго опечесства, почитали Ишалою и опечесствомъ и кормилицею; вся эта прекрасная спрана дошла наконецъ до того, что не могла удовлетворить своимъ главныхъ потребностямъ, вынуждена была заимствовать хлѣбъ у Сициліи; потомъ, когда Сицилія обѣднѣла, у Египта; потомъ, по истощеніи Египта, съ береговъ Африканскихъ.

Вотъ какому злу хотѣлъ помочь Августъ. Его судьба была одна изъ самыхъ полныхъ; Свободный и мирный власнители образованной вселенной, онъ дожилъ до новаго поколѣнія, безъ древнихъ воспоминаній, заступившаго мѣсто поколѣнія, разбишаго при Фарсалахъ и Акціумѣ. Его царствованіе было время покоя между войною народною и пиранами, мгновеніе, когда исчезли всѣ старыя партіи, не замѣнивъ себя новою, когда всѣ завоеванные народы признали себя завоеванными.

ми, когда всѣ народы варваровъ были опшѣснены; какъ будто міру надобно было успокоиться, чтобы приготовить къ новому порядку судебъ, или будто Виргилій имѣлъ причину привѣтствовать новый вѣкъ Сивиллинъ и нарождавшіеся мѣсяцы великой години. Августъ затворилъ храмъ Януса, и богъ въ первый разъ даровалъ миръ всему образованному западу.

Увѣнчанный славою, Августъ весело разбѣжалъ по островамъ Неаполитанскаго залива (тогда еще прекраснѣйшаго, потому-что Везувій не забросалъ еще лавою береговъ его), отдыхалъ въ роскошныхъ городахъ, слушалъ лести и поэмы, съ тихою радостію старика смотрѣлъ на веселое греческое юношество въ гимназіяхъ, разговаривалъ, шутилъ, какъ вдругъ болѣзнь дала ему почувствовать приближеніе смерти. Онъ възялъ тогда зеркало, поправилъ волосы, и, обратившись къ друзьямъ, сказалъ имъ, какъ актеръ при концѣ спектакля: «Не правда-ли, что я хорошо сыгралъ всю миму моей жизни? Будете-жь довольны и рукоплещите!»

Чтобы понять римскихъ императоровъ, надо хорошенько изучить Августа и Тиберія. Первый далъ имперіи законную форму, создалъ, такъ-сказать, ея публичное право; послѣдній далъ ей дѣйствительную силу, потому-что

оставивъ римскія преданія и преднамѣренное Августомъ, онъ искалъ другихъ основаній власти единого. Одинъ Тиверій и его полипика дѣлающъ понятными невѣроятное могущество и неимовѣрную безбоязненность его преемниковъ.

Шампаньи.

(REVUE DE DEUX MONDES).

МНѢНІЕ ИНОСТРАНЦА

о

РУССКОМЪ ПРАВЛЕНІИ *

Лондонъ, 1 іюля.

Наступилъ другой мѣсяцъ, а по истеченіи трехъ я долженъ возвратиться. Вчера я пробѣжалъ глазами пятнадцать томовъ «Посланныхъ Писемъ», а иногда сижу цѣлый день за однимъ томомъ, и вѣрно не справится мнѣ въ это короткое время съ предназначеннымъ изученіемъ Англіи, не смотря на похвалы моей дѣятельности. Гораздо счастливѣе меня Французской юристъ г. И., котораго я видѣлъ вчера у Г.; онъ предположилъ изучить только Англійскіе суды, и черезъ четырнадцать дней возвратиться въ свое отечество.

* Заимствовано изъ любопытной книги Раумера: «England im Jahre 1835» (Англія въ 1835 году), возбужденней вниманіе всей просвѣщенной Европы. *Изд.*

Я разговаривалъ здѣсь съ Русскими и Нѣмцами. Они превозносятъ постановленія своихъ родинъ до того, что все англійское кажется имъ превращеннымъ и нелѣпымъ. Такой способъ сужденія совершенно противенъ моей исторической природѣ; по крайней мѣрѣ мнѣ нужно гораздо многостороннѣйшее разсмотрѣніе и изложеніе, чтобы дознаться откуда и какъ происпекло хорошее или недостаточное и въ какомъ соотношеніи находится оно съ прочими предметами. Напримѣръ въроштерпимости въ Россіи гораздо болѣе чѣмъ въ Англіи; но тамъ она не есть слѣдствіе одного высшаго сознанія, напрошивъ исшекаетъ изъ многихъ основаній, кошорые Англичане допустили бы охотно напримѣръ въ Ост-Индіи, но только не въ Ирландіи.

Трудно опредѣлить, какой изъ европейскихъ народовъ снисходителѣнѣе въ своихъ сужденіяхъ о прочихъ. По моему, надо начать съ изученія ихъ и никакъ не судить до тѣхъ поръ пока ихъ не узнаешь. Въ этомъ отношеніи Германцы нѣкогда были прилежные другихъ; но описанія ихъ зашечнены часто сухимъ педантизмомъ или искусственною, поверхностною геніальностью. Если Французы напишутъ поболѣ книгъ подобныхъ Кузеневой «о Прусской учебной системѣ», никто не осмѣлился упрекать ихъ въ неосновательности.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Русскіе шеперь счастливые многихъ народовъ Европы: они имѣютъ именно такую конституцію, какая имъ нужна. Какъ конституцію? воскликнуть многіе; да

у нихъ нѣтъ никакой конспигуціи! — Конечно у нихъ нѣтъ ни камеръ, ни формъ избираемыхъ, ни положенія отдѣляющаго состоянія для избираемыхъ, ни правой, ни лѣвой стороны, ни средней паршии, ни праваго, ни лѣваго центра; но у нихъ есть (что требуется въ полишкѣ, точно также какъ и въ математикѣ) свой центръ, и эшотъ центръ ихъ императоръ! Учрежденіе совѣщательнаго сейма, составленіе общаго законоположенія, одной церкви для всей Россійской Имперіи и для всѣхъ ея народовъ, все это и подобное тому безумно и невозможно. Формы другихъ старѣйшихъ и простѣйшихъ государствъ для этой разнообразной массы народовъ, религій, степеней образованія и ш. д. непримѣнимы. Чтобы связать это разнородное цѣлое необходимъ одинъ мужъ, и эшотъ мужъ являющійся въ полномъ смыслѣ этого слова по шѣлу и духу въ особѣ царствующаго Императора. Нѣтъ никакого сомнѣнія что въ немъ соединены великія государственныя способности, повелительная и въ тоже время привлекательная наружность, удивительная дѣятельность, дивная сила воли и непреодолимое мужество. Последний приговоръ произнесетъ исторія, когда узнаешь, что онъ во все продолженіе своей жизни почиталъ священною свободу независимыхъ народовъ и желалъ болѣе ихъ дружбы, чѣмъ покоренія. Конечно одно личное ручательство болѣе или менѣе зависитъ всегда отъ продолженія жизни ручающаго; но мнѣ кажется что конспигуція Императора Николая шакова, что я гошовъ взялъ акцію ско-

рѣе на нее, нежели на жизненность многихъ другихъ бумажныхъ конспиршцій.

Конечно, полищика не можешь и не должна основываться на одной только личности, даже и потому что при всякой личности бываютъ тысячи другихъ отношеній, имѣющихъ сильное вліяніе. Здѣсь спрашиваютъ меня часто: кто порушится у васъ въ Пруссіи, что по смерти короля не уничтожатся ваши похвальные учрежденія и права? На это я могъ-бы отвѣчать: его наслѣдникъ; потому-что мнѣ извѣстно, что съ его головой, съ его сердцемъ, предполагаемый переворотъ къ противоположности совершенно не возможенъ. Но положимъ, что будущій король Пруссіи не зналъ-бы ни народа своего, ни своего времени, то и тутъ не будетъ ужъ никакой возможности водворить силою другую народность, возстановить прошлое время, или перескочить вдругъ въ будущее. Мы вѣримъ лицамъ и дѣлу. Уже невозможно ввести снова въ Пруссію ни вербовку, ни десятину, ни уничтожить вѣроуверчивость, школы, университеты и т. д. Будущъ изслѣдывать, развивать, преобразовывать темныя и свѣтлыя стороны стараго и новаго, но никогда не станушъ возбуждать насильственнаго потрясенія ни въ прямомъ, ни въ обратномъ направленіи.

Тутъ проявляется истинное понятіе о правѣ, которое такъ часто вводило въ заблужденіе. Во имя права дѣлалось не менѣе зла, камъ и во имя власши. Не показываетъ-ли намъ часто повторяемая пословица: «*fiat justitia et pereat mundus!*» что

духа права не понимаютъ и ограничиваютъ его мертвящей буквой? Истинное право сохраняетъ мірозданіе: оно есть дыханіе живущихъ, а не гробъ для погибшихъ. Это безуміе развилось прежде всего изъ ошибочнаго мнѣнія, что право удерживаетъ свой характеръ только постоянною однородностію и недвижностію. Забываютъ, что высочайшая задача законодательства эпимъ уничтожается совершенно, и остается только законопримѣненіе и судопроизводство. Вторая изъ главныхъ ошибокъ состоитъ въ безусловной власти, которую присвоивало себѣ право публичное надъ правомъ частнымъ или на оборотъ. Справно, что многіе защитники Германскихъ постановленій среднихъ вѣковъ готовы ввести безусловное частное право временъ Римской имперіи, хотя оно и не согласуется совершенно съ живостію государственнаго права эпимъ вѣковъ. Это согласуется совершенно съ баснею Галлера, будто государство состояло тогда или когда-то изъ ипота безчисленнаго множества маленькихъ договоровъ, которые подобно Эпикуровымъ атомамъ двигались взадъ и впередъ *ad libitum* и такимъ образомъ производили всѣ чудеса развитія человечества. Эпи господа полагаютъ право въ бытіи и сохраненіи этого атомическаго хаоса и приписываютъ произволу всякаго начинающаго безграничную силу на цѣлую вѣчность. Если-бы какой нибудь почипатель Венеры «*Vulgivaga*» за двѣ тысячи лѣтъ соорудилъ зданіе для чествованія своей богини, то по эпимъ системе

мѣ преобразовать его въ христіанское училище было-бы противузаконно, противно праву учрежденія. Это смѣшно и безумно. Но развѣ менте смѣшно, что въ Англіи есть училища греческаго языка, въ которыхъ, сообразно волѣ основателя, преподають языкъ эпошь неизмѣнно по грамматикѣ, которая тогда была лучшею, а теперь стала самую худшею? Развѣ не также смѣшно и безумно громогласно требовать вознагражденія за каждое ничтожное лишеніе, неизбежное при всякомъ новомъ законодательствѣ, не обращая вниманія на огромныя выгоды, представляемыя новымъ развитіемъ? —

Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ перемѣняюсь и я и силы мои и права. Если я теряю радости юности, взмѣтъъ возрастають плоды мужественнаго возраста; если я не приму въ соображеніе послѣдняго, родящагося безполезныя, противуестественныя жалобы. Народъ (это доказала Французская революція) опказывающій въ уваженіи своимъ предшественникамъ, будетъ отброшенъ и самъ какъ растеніе, не имѣющее корня; народъ, который живетъ только въ прошедшемъ, превратится, какъ Лопова жена, въ солянкую статую. . . .

УНИВЕРСИТЕТЪ НА БУМАГЪ ,

БЕЗЪ ЧТЕНІЙ , БЕЗЪ КЛАССОВЪ ,

БЕЗЪ СТУДЕНТОВЪ .

Новое любопытное явленіе въ литературно-ученомъ мірѣ представляетъ, основанный въ нынѣшнемъ году, въ Парижѣ, журналъ, подъ именемъ «Католическаго Университета» (L'UNIVERSITÉ CATHOLIQUE) *. Такое названіе дано ему не добромъ, не по прихоти редакціи, не для того чѣмъ бы пощеголять изобрѣтательностью и пустить пыль въ глаза подписчикамъ. Журналъ этотъ имѣетъ цѣлью замѣнить для Франціи дѣйствительный университетъ, въ которомъ бы высшее преподаваніе наукъ основывалось на религіозно-католическихъ началахъ, проникнуто было христіанскимъ духомъ. Сколько по необыкновенности такого явленія, угрожающаго замѣнить живой голосъ преподавателей печатными листами и доставивши

* Извѣстіе о выходѣ этого журнала было помѣщено въ «Мольѣ» N 4.

возможность проходить полный курсъ университетскаго ученія дома, въ кабинетѣ, въ вольтеровскихъ креслахъ, сполько и потому, что духъ и направленіе новаго журнала университета представляють разительное доказательство могущества религіозной реакціи въ нынѣшней Франціи, предспавляемъ здѣсь «программу курсовъ на первый семестръ» нынѣшняго года, устроенную весьма любопытнымъ и замѣчательнымъ образомъ.

«Католическій Университетъ» раздѣляется на пять факультетовъ: I) факультетъ наукъ религіозныхъ и философическихъ; II) факультетъ наукъ общественныхъ (*sociales*); III) факультетъ литературы и искусствъ; IV) факультетъ наукъ фізіологическихъ, физическихъ и математическихъ; V) факультетъ наукъ историческихъ.

ФАКУЛЬТЕТЪ НАУКЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ
И ФИЛОСОФИЧЕСКИХЪ.

Этотъ факультетъ раздѣляется на два отдѣленія. Первое заключаетъ въ себѣ науки собственно религіозныя, относящіяся къ изученію Священнаго Писанія; преданій, догматовъ, правоученія, обрядовъ, каноническаго права, церковной исторіи и церковнаго краснорѣчія. Второе содержитъ науки собственно философическія, разсматриваемыя умозрительно и практически, но во всѣхъ случаяхъ въ непосредственной связи съ религіею.

Сотрудниками по этому факультету объявлены: аббатъ де-Женудъ, аббатъ Жербе, аббатъ

Фуассъ , аббатъ Жюстъ , Ріамбургъ бывшій президентъ Дижонскаго королевскаго суда , аббатъ де-Салини , аббатъ де-Скорбіакъ .

На первый семестръ предположены слѣдующіе курсы :

I. курсъ священнаго писанія. Профессоръ аббатъ де-Женудъ. Эпохъ курсъ будетъ состоятъ изъ толкованій на книгу Бытія , посвященныхъ вособенности опроверженію всѣхъ возраженій противъ Моисеева повѣствованія , на основаніи различныхъ открытій по разнымъ отраслямъ человѣческихъ наукъ.

II. курсъ вступительный въ изученіе христіанскихъ истинъ. Преподаватель аббатъ Жербе. Здѣсь на первый годъ объявлено изложеніе истинъ , приготовляющихъ къ уразумѣнію христіанско-католическаго ученія о «таинствѣ покаянія» , по слѣдующей программѣ :

Предварительныя размышленія.

Противоположность христіанства раціонализму относительно понятія о настоящемъ состояніи человѣческаго рода. Раціонализмъ признаетъ его въ состояніи здоровья; христіанство , въ состояніи поврежденія и болѣзни.

Психологическіе и фізіологическіе выводы изъ фактовъ , доказывающіе , что человѣкъ находится теперь не въ первобытномъ , нормальномъ состояніи. Исслѣдованіе древнихъ преданій по этому предмету , характеръ и свойства духовнаго поврежденія. Заключение. Въ повѣствованіи Моисея находится ключъ въ исторіи человѣчества.

Средства для исцѣленія духовнаго поврежденія природы человѣческой. Признаніе въ просупиѣхъ и умерщвленіе чувствъ преславляютъ въ себѣ два средства, соотвѣтствующія двумъ главнымъ свойствамъ поврежденія: гордости и сладострастію. Указаніе этихъ средствъ въ самой первой главѣ Бытія. Ученіе и пошановленія іудейской синагоги въ этомъ отношеніи.

Понятія и обычаи древности касательно «очищенія». Заблужденія смѣшанныя съ истиной.

Составъ таинства покаянія: раскаяніе, исповѣдь, очистительныя дѣйствія (эпимиміи). Намнолическое преданіе относительно всѣхъ этихъ пунктовъ. Возраженія. Ошѣшы.

Вліяніе исповѣди на познаніе и врачеваніе души: христіанство создало духовную медицину.

Внѣшнія дѣйствія покаянія, воздержаніе, посты. Смыслъ и важность этихъ нравственныхъ лечебныхъ средствъ.

Индугенція. Какъ содѣйствуютъ онѣ духовному здравію? Милосшыя.

Замѣчанія о важнѣйшихъ аскетическихъ сочиненіяхъ, въ ихъ отношеніи къ врачеванію душевныхъ болѣзней; и именно: о «Исповѣди» Св. Августина и «Лѣствицѣ» Св. Іоанна Лѣствичника, изъ первыхъ вѣковъ; о сочиненіяхъ Гуга и Ришарда Сен-Виншорскихъ, Св. Гильдегарды, Св. Бонавеншурѣ, изъ среднихъ вѣковъ; Св. Терезы, Св. Франциска де-Саль, Боскоэша и Фелелона, изъ новыхъ временъ.

Завлюченіе.

III. КУРСЪ РЕЛИГІОЗНАГО УЧЕНІЯ, ВЪ ЕГО ОСНОВАНІЯХЪ И ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ РАЗНЫМЪ ПРЕДМЕТАМЪ

человѣческихъ знаній. Преподаесть аббать де-Салини. Программа:

Общая идея курса. Раздѣленіе. Двѣ части.

Часть первая: «о религии въ ея основаніяхъ.»

Богъ, І. Хришосъ и Церковь, при слова обхемлющія собою всю религію. Три степени соотвѣствующихъ заблужденій: атеизмъ, деизмъ, ересь.

Предметъ и раздѣленіе первой части: утвердить А) противъ атеистовъ, бытіе Божіе; Б) противъ деистовъ, божественность І. Христа; В) противъ ерешниковъ, власть Церкви.

А) О бытіи Божіемъ, противъ атеистовъ:

Двойное опроверженіе Бога: въ словѣ и твореніяхъ.

Въ словѣ. Слово, которымъ Богъ благоволилъ открытъ себя, сохраняется въ преданіи, которое имѣетъ шаниа свойства, что атеистъ не можетъ отвергнуть его, развѣ отвергнетъ все преданіе.

Въ твореніяхъ. Два способа демонстраціи. Бытіе существъ конечныхъ не возможно иначе, какъ подъ условіемъ бытія существа безконечнаго. Безконечное могущество, премудрость и любовь проявляющіяся во всѣхъ событіяхъ міра физическаго и нравственнаго.

Б) О божественности І. Христа, противъ деистовъ:

Философы-деисты могутъ быть раздѣлены на три класса: или они отвергаютъ всякое отношеніе между Богомъ и человѣкомъ, всякую религію; или въ самомъ человѣкѣ признаютъ верховное начало вѣрованій и обязанностей; или наконецъ пребываютъ, чтобы это начало для каждаго человѣка опредѣлялось семейнымъ преданіемъ или по-

становленіемъ общесства, въ кошоромъ онъ родился. Изложеніе и опроверженіе всѣхъ эѣхъ шрехъ системъ.

Посольство І. Христа есть фактъ, кошорый, будучи разсмашриваемъ съ высшей точки зрѣнія, въ связи со всею исторіею человѣческаго, надъ кошорою онъ владычествуетъ, выше всякаго сомнѣнія; ибо всѣ времена дають ему свои свидѣтельсства.

Времена *предшествовавшія* І. Христу. Сугубое преданіе. Истинное и неподложное, сохранявшееся всегда чистымъ у Іудеевъ. Памятники этого преданія. Божественный характеръ книгъ Ветхаго Завета. Мѣсто, занимаемое народомъ іудейскимъ въ исторіи религіи. Какъ все бытіе его связывалось съ І. Христомъ. Пророчества. Преданія въ Іудеевъ, искаженные, невѣрные; но во всемъ томъ, что въ нихъ есть согласнаго, постояннаго, совершенно согласующіяся съ іудейскими преданіями.

Время *исполненія* божественнаго посольства І. Христа. Три рода свидѣтельствъ, подтверждающихъ чудесныя явленія, сопровождавшія пришествіе въ міръ Спасителя. Евангелисты и Апостолы. Мученики. Обращеніе языческаго міра.

Времена *послѣдовавшія*. Дѣло І. Христа есть дѣло божественное, по тому одному что прошло чрезъ осьмнадцать вѣковъ, въ продолженіе кошорыхъ подвергалось испытаніямъ, прошивъ кошорыхъ не усояло-бы никакое человѣческое дѣло. Евангеліе признанное закономъ божественнымъ у всѣхъ народовъ, кошорымъ проповѣдано. Величественное согласіе цѣлаго непрерывнаго ряда поколѣній, восходящаго до колыбели міра и свидѣтельствующа-

го о Бого-Человѣкѣ: свойство, котораго не можешь имѣть никакое обольщеніе; ибо обольстители дѣйствуютъ только на опредѣленное пространство и опредѣленное время; но І. Христосъ одинъ «вчера и днесъ, онѣже и во вѣки.»

В) О власти Церкви, прѣшивъ ерешиковъ:

Учрежденіе Церкви. Ея свойства. Составъ и управление. Необходимость единого, непреложнаго судилища. Взглядъ на различныя секты, вособенности на протестантизмъ. Протестантизмъ разрушаетъ христіанство.

IV. курсъ церковнаго краснорѣчія. Преподавателемъ объявленъ аббатъ Жюсть. Но программы еще не представлено.

ФАКУЛЬТЕТЪ НАУКЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ.

Здѣсь подразумѣваются всѣ науки, занимающіяся непосредственно организаціею общества. Онѣ раздѣлены на двѣ отрасли, впрочемъ тѣсно соединяющіяся подъ вліяніемъ религій: первая заключаетъ науки относящіяся къ идеѣ правды, которая есть нравственное основаніе законодательства; ко второй принадлежатъ науки, относящіяся къ идеѣ пользы, которая собственно есть предметъ политической экономіи.

Сотрудники по этому факультету: Беррье членъ Палаты Депутатовъ, К. де-Ку профессоръ политической экономіи въ Мехельнскомъ университетѣ (въ Бельгіи), Т. Фуассе адвокатъ, де-Лурдуэ, Пардессю бывшій совѣтникъ Кассационной Палаты, членъ Института, де-Реньвиль,

А. Руссо, виконтъ Альбанъ де Вильнёвъ-Баржемонъ бывшій префектъ департамента Норда.

На нынѣшній годъ объявлены:

1. курсъ политической экономіи. Преподаватель профессоръ де-Ку. Понятія его о наукѣ и преподаваніи ея изложены въ слѣдующей программѣ:

Политическая экономія есть наука, излагающая законы образованія, распредѣленія и умноженія народнаго богатства. Сначала, не развившись въполнѣ, она обняла только одну часть своей обширной области, обращая исключительное вниманіе на выгоды одного класса, класса занимающагося промышленностью въ большихъ размѣрахъ. Слѣдствиемъ того было, что богатство развилось; но оно дурно распредѣлялось, и основныя условія его существованія упущены были изъ виду. Одни разбогатѣли на счетъ другихъ, и общество, разбуженное ошъ своихъ мечтаній о благоденствіи кривыми нищеты, почувствовало, что оно гораздо больше потеряло въ безопасности, чѣмъ сколько приобрѣло въ изобиліи и богатствѣ.

Итакъ наука должна взять теперь новую дорогу и сдѣлать главнымъ предметомъ изслѣдованія распредѣленіе богатства, то-есть вопросъ о платѣ за работу. А такъ этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только чрезъ глубокое изслѣдованіе первоначальныхъ условій общественности, то политическая экономія уже раздѣлилась на двѣ различныя, и однако нераздѣлимые части, которыя въ послѣдствіи должны опять слиться въоедино, а именно на экономію общественную и экономію

распорядительную (reglementaire). До-сихѣ-порѣ одна послѣдняя называлась полишической экономіей. Первая должна изслѣдовать родошворныя причины богатства и общіе законы, управляющіе его распределеніемъ и умноженіемъ. Она разовѣсть и докажетъ слѣдующія положенія.

1) Существованіе богатства предполагаетъ предварительное существованіе какого-бы то ни было общества, а вѣра въ Бога, мстителя неправдъ и вознаградишеля правды, есть необходимое условіе всякой общественности.

2) Такъ-какъ эта вѣра есть у каждого богослуженія заимствуетъ особую форму, то каждое богослуженіе есть родошворное начало ошдѣльнаго общества, общества ограниченаго въ развитіи своего богатства свойствомъ богослуженія, отъ котораго оно произошло.

3) Философія невѣрія, до какой-бы степени совершенства ни была доведена, не можетъ ни создать общества, ни сохранять въ обществѣ, которыми владѣетъ, жизнь, полученную ими отъ первоначальныхъ вѣрованій.

4) По мѣрѣ какъ вѣрованія общественныя слабѣютъ, благосостояніе теряетъ свою прочностъ; и хотя иногда невѣріе сопровождается видимыми успѣхами, эти самые успѣхи влекутъ за собой разрушеніе всякаго богатства.

5) Общество, наиболѣе благопріятствующее развитію богатства, есть то, которое доставляетъ наиболѣе обезпеченія собственности, наиболѣе прочноти семейству, наиболѣе покровительствуетъ женщинѣ, наиболѣе благосостоянія бѣдному, словомъ то, гдѣ человѣкъ наиболѣе имѣетъ любви

къ себѣ подобнымъ и довѣренности къ ихъ взаимной любви.

6) Каждое общество выполняетъ эшѣ условія въ шой степени, въ какой дозволяетъ его богослуженіе, и эша степень зависитъ всегда отъ сходствъ эшого богослуженія съ католичесствомъ.

7) Католичество, одно, выполняетъ совершенно всѣ условія, принадлежащія богослуженію совершеннаго общества. Оно одно освобождаетъ рабочій классъ чрезъ чудесное посредство христіанскаго милосердія, жену, сына, гражданина чрезъ идею долга, основанную на любви.

8) Всѣ установленія, вся дисциплина католичества, отъ безбрачности духовенства до праздниковъ, имѣютъ результатомъ увеличеніе заработковъ, улучшеніе судьбы бѣднаго.

9) Первою причиною благосостоянія народовъ протестантскихъ было сокращеніе заработковъ; отсюда въ народахъ католическихъ упадокъ промышленности и даже земледѣлія, которыя впрочемъ не долго будутъ продолжаться.

10) Католическое общество заключаетъ въ себѣ наиболѣе элементовъ богатства, и эши элементы развиваются здѣсь въ свойственной имъ формѣ, чрезъ совокупное дѣйствіе земледѣлія, промышленности и торговли.

11) Земледѣліе производитъ первобытные матеріалы; промышленность ихъ обрабатываетъ; торговля мѣняетъ. Такимъ образомъ земледѣліе и промышленность созидаютъ цѣнности прямыя или дѣйствительныя, торговля рождаетъ цѣнности продажныя или непрямыя.

12) Между эшими двумя родами цѣнностей су-

ществуеѣтъ основное различіе. Оно происходиѣтъ особенно оѣтъ измѣненій, которыя съ одной стороны выпускъ бумажныхъ денегъ, съ другой успѣхи промышленности, производяѣтъ въ продажной цѣнности промышленныхъ издѣлій. Постоянное пониженіе цѣнъ на эѣтъ издѣлія скоро оѣтнимеѣтъ у промышленности важнѣйшую часть ея вліянія на богатство народовъ и тогда земледѣліе вступиѣтъ во всѣ свои права.

Программа второй части курса, содержащей экономію распорядительную, обещаѣна.

II. курсъ исторіи политической экономіи. Преподаватель виконтъ Альбанъ де-Вильнѣвъ-Варжемонъ. Программа:

1. Общія разсужденія о происхожденіи, опредѣленіи и цѣли политической экономіи. Различныя эпохи въ исторіи эѣтой науки.

2. *Эпоха первая.* Народы древніе. Народы пастушескіе: Арабы, Евреи. Народы земледѣльческіе: Египтяне. Народы торговые: Финикійяне, Карфагенцы. Политическая экономія Грековъ, Римлянъ.

3. Сочиненія древнихъ о экономіи общественной. Моисей. Аристотель. Платонъ. Ксенофонъ. О невольничествѣ. О собственности. О правѣ завоеванія. Законодательство древнихъ народовъ.

4. *Эпоха вторая.* Явленіе христіанства. Общежительныя начала. Монашынри и религіозныя общесѣтва. Земледѣліе. Начала милосынни и благотворительности. Новое законодательство. Право народовъ. Карлъ-Великій.

5. *Эпоха третья.* Крестовые походы. Феодальная система. Св. Людовикъ. Италійанскія респуб-

ливи. Венеція, Генуя, Флоренція. Голландія. Ганзеатическіе города. Ошарышіе Нового - Свѣша. Пошлины. Векселя.

6. *Эпоха четвертая.* Реформація. Войны религіозныя и національныя. Баконъ. Первые проблески новаго экономическаго ученія въ Италіи, Англіи, Франціи. Первые писатели о политической экономіи.

7. Канцлеръ л'Опишаль. Сюлли. Кольберъ. Мануфактуры. Машины. Коммерческій балансъ.

8. *Эпоха пятая.* Регеншство. Лау. Школа экономистовъ. Рене и его ученики. Монтескье. Вольтеръ. Руссо. Энциклопедисты.

9. *Эпоха шестая.* Адамъ-Смитъ и его ученики. Новая школа политической экономіи. Блескъ ея до революціи 1789 года. Во время революціи. Во время имперіи.

10. *Эпоха седьмая.* Политическая экономіи при реставраціи и до нашихъ временъ: во Франціи, Англіи, Италіи, Испаніи, Германіи, Россіи, и пр.

11. Результаты экономическихъ теорій школы англійской, или индустріализма. Чрезмѣрное умноженіе мануфактурнаго народонаселенія. Павперизмъ. Недовольство рабочихъ классовъ. Смуты. Торговые кризисы. Мальтусъ и его ученики.

12. *Эпоха осьмая.* Необходимость новой школы политической экономіи. Сен Симонизмъ. Фурьеризмъ. Суализмъ. Христіанство какъ единственное основаніе всякой политической экономіи. Сочиненія имѣющія цѣлю сообщити науку экономической больше нравственности, милосердія, справедливости. Будущность новой школы политической экономіи.

ФАКУЛЬТЕТЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Здѣсь предположено пять въ виду преимуще-
ственно христіанскую лишерашуру и христіан-
ское искусство. Сотрудниками объявлены: Э. Жур-
денъ, де-Казале профессоръ Мехельнскаго Като-
лическаго Университета, графъ К. де-Монпалам-
беръ перъ Франціи, Рио, Киприанъ Роберъ. На
первый годъ предположены слѣдующіе курсы :

1. курсъ общей исторіи литературы. Преподава-
тель де-Казале, по слѣдующей программѣ :

Общее введеніе. Подъ именемъ лишерашуры ра-
зумѣющся всѣ памятники мысли человѣческой.
Три главные отдѣла: лишерашура древняя; лише-
рашура христіанская, ошъ проповѣданія Евангелія
до эпохи возрожденія; лишерашура новая.

Часъ первая: «исторія древней литературы».

Происхожденіе языка. О письмѣ. Смѣшеніе язы-
ковъ и раздѣленіе народовъ. Идеи о божественномъ
назначеніи разныхъ націй. Постепенное развитіе
дѣятельности человѣческой. Мысль человѣка
остається соединенною съ Богомъ у Евреевъ; от-
дѣляется отъ него больше и больше у язычни-
ковъ. Пригошовленіе къ христіанству у шѣхъ и
другихъ. Назначеніе поэзіи, философіи.

Иудея. О еврейскомъ языкѣ. Древность книгъ
Моисея. Книги историческія. Псалмы и книги
мудрости. Пророки. Священное Писаніе разсма-
триваемое вошношеніи къ изяществу; его един-
ство, ошъ книги Бытія до книги Маккавеевъ; сим-
волическій и пророческій характеръ.

Индія. Древность ея цивилизаціи. О языкѣ сан-
скритскомъ, ошѣхъ языковъ европейскихъ. Веды.

Пураны. Магабхараша. Рамаяна. Законы Мену. Философскія системы Индіи. Литература собственно такъ называемая. Эпоха царя Викрамадишьи. Драматическая поэзія. Упадонб.

Китай. Характеръ языка и цивилизаціи. Пять Книговъ. Конфушзе. Лаотзе. Ментзе. Лирическая и драматическая поэзія Кишайцевъ. Историческія и философскія науки.

Персія. Языкъ Зендъ; его родство въ Санскритомъ. Древняя религія, преобразованная Зердустомъ. Зенд-Авеста. Эпическія преданія собранныя впослѣдствіи.

Взглядъ на восточные народы, не оставившіе памятникы литературы. Египтяне. Халдеи. Финикійяне. Отношенія разныхъ народовъ межъ собой.

Греція. Бя первобытная религія; первые жители. Троянская война. Эпопея Гомера, источникъ всей греческой литературы. Отношеніе и различіе ихъ отъ эпопей Индіи, Персіи и народовъ Германіи. Гезіодъ. Циклическіе поэты. Противоположность поклѣній іоническаго и дорическаго. Лирическая поэзія собственностью Дорійцевъ. Пиндаръ, полнѣйшій представитель этой поэзіи. Аэины; ихъ характеръ; роль въ войнѣ съ Персами. Драматическая поэзія. Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ. Историки: Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ. Ораторы: Исократъ, Лисій, Демосфенъ. Греческая философія. Школа іоническая, италійанская, элейская. Сократъ, Платонъ, Аристотель, Эпикуръ, Зенонъ. Исторія изящныхъ искусствъ въ Греціи. Греческая литература при Александрѣ. Школа и школа александрійская.

Римъ. Языкъ, религія, постановленія. Введеніе

ТЕЛЕСК. XXXIV.

26

греческой литературы. Плавт, Теренцій, Эний, Лукрецій, Катулл. Цицерон, Цезарь. Вбав Август. Виргилій, Гораций, Тибулл, Овидій, Саллюстій, Тит-Ливій. Сенека, Тацит. Солокупный упадок нравов, постановлений и литературы языческих, Начало христианства.

II. КУРСЪ ХРИСТИАНСКАГО ИСКУССТВА. Преподаватель Рю, по слѣдующей программѣ:

Различные способы представлять и осуществлять «изящное» у разныхъ народов. Разительное исключеніе, представляемое Евреями между всеми восточными народами. Въ какомъ смыслѣ можно допускать и отрицать искусство у Евреевъ.

Важность искусства въ исторіи Греціи, его отношенія къ міеамъ народной религіи. Важность теоріи изящнаго въ системахъ философовъ. Антигонизмъ Платона и Аристотеля: эстетическій идеализмъ и эстетическій реализмъ.

Причины предпочтенія, отданнаго Римлянами аристотелевской школѣ зрѣнія. Осверненіе всѣхъ отраслей искусства при императорахъ. Разборъ книгъ Плинія-Старшаго, содержащихъ исторію пластики и живописи.

Объ «изящномъ» въ его отношеніяхъ къ догматическому надѣнію и исполненію. Перевооротъ произведенный христианствомъ въ воображеніи человека, также какъ и въ сердцѣ; отсюда новое искусство съ другимъ началомъ, другою цѣлью и другими законами.

О вліяніи обращенія къ идоламъ на понятія первыхъ христіанъ; преувеличеніе ихъ у Тертуліана. Разногласія Отцевъ Церкви о наружности

Спасителя. Платоническое направлѣніе Ошцевъ Александріи. О важности этого вопроса для будущности искусства, и какъ рѣшили его для Западной Церкви С. Августинъ, С. Іеронимъ и многіе напы.

Особыя появленія Византійцевъ объ «изящномъ». Ихъ эстетика во отношеніи ко многимъ ересямъ, раздѣлявшимъ Востокъ. Гоненія иконоборцевъ. Возрастающій упадокъ въ идеяхъ и искусственныхъ произведеніяхъ.

Единство начала, единство направленія и слѣд. единство видовъ у всѣхъ народовъ Запады вѣченіе среднихъ вѣковъ. Въ школахъ Италіи, преданія занимающъ мѣсто теоріи. Ошнего власнъ Аристотеля, столь важная въ другихъ предметяхъ, во отношеніи къ эстетическимъ идеямъ была почти ничтожна. Платоническое направлѣніе Іоанна Эригены въ его большомъ сочиненіи «о раздѣленіи природы». Высокіе виды Гуго Сен-Викторскаго о единствѣ художника съ Богомъ; Ришара Сен-Викторскаго, о силѣ воображенія шворишь новое небо и новую землю, не менѣ любопытны.

Измѣненіе идей восторжествованіемъ Аристотеля; полнѣйшее измѣненіе переводомъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, удивленіемъ къ древнимъ статуямъ и барельефамъ. Вліяніе писателей на художниковъ и художниковъ на писателей въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ въ Италіи.

Языческая точка зрѣнія становившаяся господствующею почти во всѣхъ школахъ. Вліяніе Шамбре, Фелисьяна и Пюи на обществанный вкусъ во Франціи. Разборъ ихъ швореній, выражающихъ

эстетичну семнадцатаго вѣка; путешествія Кошона и Лаланда въ осмнадцатомъ. Идеи энциклопедистовъ объ «изящномъ.» Эстетична временъ Ронвенша и имперіи.

Вліяніе Хорегви, Кардучо, Спинозы, Пачено, Аршеги, въ Испаніи; разборъ ихъ сочиненій о живописи. Обзоръ бельгійскихъ писателей о томъ же предметѣ; языческая эстетика Лересса и его школы.

О просещаншизмѣ въ его отношеніяхъ къ теоріи «изящнаго.» Анализъ системъ, имѣвшихъ наиболѣе славы въ Англіи: Гогарша, Рейнольдса, Борна и Броуна, представившихъ Единбургской школы.

О мѣстѣ занимаемомъ эстетикой въ системахъ нѣмецкихъ философовъ. Эстетична Канша и Шеллннга. Взглядъ на Менгса, Гердера, Гёте, Шиллера и особенно на Фридриха Шлегеля, оставившихъ важнѣйшія сочиненія объ эстетикѣ и искусстввахъ.

**ФАКУЛЬТЕТЪ НАУКЪ ФИЗІОЛОГИЧЕСКИХЪ, ФИЗИЧЕСКИХЪ
И МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ.**

Сотрудники по этому важному факультету объявлены слѣдующіе: Бейль принадлежащій къ факультету Медицинскому, Бине бывший инспекторъ классовъ въ Политехнической Школѣ, профессоръ астрономіи во Французской коллегіи, Дедуи профессоръ физики при коллегіи Спанислава, Готье де Глобри профессоръ физики и химіи, Маржеренъ профессоръ геологіи въ Мехельнскомъ университетѣ, Рекамье членъ королевской Медицинской Академіи, бывший профессоръ Французской коллегіи и Медицинскаго факультета.

На нынѣшній годъ , преподаватель Маржеретъ объявилъ

курсъ геологии, по слѣдующей программѣ :

1. О наукѣ разсматриваемой вообще въ ея отношеніяхъ къ опировенію, и, вособенности, о геології относишельно книги Бытія. Положеніе геологической задачи.

2. Объ элементахъ земли. Значеніе нынѣшней химической системы. О воздухѣ, водѣ и огнѣ.

3. Положеніе земли; ея фигура и движеніе. Земной магнитизмъ.

4. Дѣйствіе воды и огня. Классификація земель. Общая формула состава земнаго шара.

5. Сравненіе дѣйствіи органическихъ существъ съ развитіемъ человѣческаго зародыша и съ рядомъ слоевъ земныхъ.

6. Шесть дней шворенія. Согласіе книги Бытія съ геологическими фактами.

7. О всемірномъ потопѣ. Свидѣтели этой катастрофы. Естественные хронометры. Приблизительное вычисленіе эпохи потопа.

8. Разсужденіе о чудѣ Іисуса Навина, и двойная ночь извѣстная древнимъ.

9. О центральномъ огнѣ. Волканы и землетрясенія.

10. Кришика различныхъ системъ объ образованіи земли. Невозможность рѣшенія задачи однимъ путемъ опыта и наблюденія.

11. Понятія Ошцевъ Церкви и нѣкоторыхъ богослововъ объ образованіи земли.

12. Отношенія человѣка къ землѣ и солнцу. О тяжести и свѣтѣ. Первобышній планъ земли. Уклоненіе отъ него. Всеобщее возстановленіе.

ФАКУЛЬТЕТЪ НАУКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Исторія входитьъ необходимою сѣхією во всѣ прочіе факультеты; посему историческія разсужденія будутъ имѣть мѣсто во всѣхъ изложенныхъ курсахъ. Впрочемъ важность и обширность этой отрасли знанія пребудетъ устройства особаго факультета, ей преимущественно посвященнаго. Сопрудниками по этому факультету: де-Казале профессоръ исторіи литературы въ Мехельнскомъ университетѣ, аббатъ Дуэръ профессоръ исторіи въ коллегіи Жюльи, Дюмонъ профессоръ исторіи въ коллегіи С. Людовика, Т. Фуассе адвокатъ, Франшель, графъ де-Монпаламберъ.

На нынѣшній годъ объявлены слѣдующіе курсы

1. курсъ исторіи Франціи. Преподаватель Эд. Дюмонъ. Программа:

1. Обращеніе языческаго міра. Императорская монархія. Составъ Церкви. Союзъ церкви съ властью гражданскою. Слѣдствія.

2. Общій взглядъ на Римское общество въ четвертомъ вѣкѣ. Состояніе Галліи вособенности. Самодержавіе императоровъ. Римское право. Уровень лицъ. Слабость Имперіи. Независимость и сила Церкви.

3. Нашествіе варваровъ. Паденіе Римскаго міра. Посредничество Церкви, покровительствующей побѣжденнымъ, понаряющей побѣдителей.

4. Водвореніе Франковъ. Кловисъ. Образованіе новаго гражданскаго общества. Смѣшеніе обычаевъ

римскихъ и германскихъ. Церковь, единственное святилище цивилизації.

5. Варварство германское прошивишя цивилизації при Меровингахъ.

6. Первый трудъ цивилизації разрушенъ. Варварство преодолеваетъ церковь въ Галліи. Паденіе разрушителей.

7. Средства возстановленія. Первенство Оспрайцевъ. Соединеніе Гериспалей съ папою. Церковь въ Англіи и Германіи.

8. Карлъ Маршель и Пепинъ. Переменная династія. Возвышеніе королевской власти. Независимость папскаго престола.

9. Карлъ Великій, завоеватель и законодатель. Второй опытъ цивилизації. Сосредоточеніе правленія. Искусственное единство.

10. Опшощенія гражданской власти иъ Церкви. Державное покровительство Карла Великаго, подобное Констанцинову.

11. Трудъ Карла Великаго разрушенъ. Второе нашествіе варваровъ. Начало паденія Каролинговъ. Церковь освобождается отъ власти императоровъ.

12. Паденіе Каролинговъ. Происхожденіе феодализма. Положеніе Церкви единственно основывающейся на папѣ. Такъ называемые «Декрешали».

II. курсъ ученой и гражданской истогіи въ ковъ католическихъ. Преподаватель графъ де-Мончадамберъ. Объявленная имъ программа отличается оригинальностью взгляда и обширностью развитія:

Предварительныя изслѣдованія:

Чшѡ должно разумѣшь подѣ «вѣками напѡлическими.»

Эшо время , прошеншее ошъ Карла-Великаго , шворца свѣтской независимости папскаго престола и осѡвашила Священной Римской Имперіи, до реформаціи.

Изложишь оплчишительныя свойства эшихъ вѣковъ.

Объяснишь, какиѡмъ образомъ вшорженіе язычества при Медичисахъ, называемое «возрожденіемъ», имѣло шакіяже дѣйствія на общественную и ученую организацію народовъ напѡлическихъ, какія реформація на прѡтестантовъ.

Покажашъ существованіе общаго заговора прѡтестантскихъ писателей и философовъ прѡтивъ славы вѣковъ напѡлическихъ.

Чшѡ напѡлическіе писатели были сами игрушкою и невольными соучастниками эшого заговора.

Необходимость возстановишь вѣ общемъ мнѣніи эши вѣка, вопервыхъ чшѡбъ ошдать должную справедливость истинѣ, вовторыхъ для пользы нынѣшней напѡлической полишкы.

Чшѡ забвеніе и презрѣніе исторіи вѣковъ напѡлическихъ было одной изъ главнѣйшихъ причинъ торжества ереси и нечестія вѣ послѣднія времена.

Оскорбленіе, кошорое наносятъ напѡличесшву, представляя варварскими и невѣжественными шѣ вѣка, когда оно одно царшвовало надъ всѣми европейскими народами, когда церковь была основой и средѡшчіемъ обществѡ.

Основное разлічіе между напѡлическимъ взгля-

домъ на средніе вѣка и изученіемъ одной ихъ матеріальной стороны, называемой «романтизмомъ».

Общая идея курса :

Цѣль курса : изучить общественное состояніе вѣковъ наполовинныхъ въ оставленныхъ ими памятникахъ искусства и литературы ; открыть чрезъ то и привести въ формулы чувствованія и идеи христіанскихъ народовъ, пока они оставались вѣрны Церкви.

Покажешь, что никогда не было такого полного сходства между литературою и обществомъ, какъ въ средніе вѣка. Невозможность раздѣлять ихъ исторію. Взаимное отраженіе ихъ другъ въ другъ. Удивительная народность произведеній искусства и литературы въ это время. Безкорыстіе и ревность писателей и художниковъ для народа. Знаменитые анонимы : великія готическія кафедралы , равно какъ и великія эпопеи , принадлежатъ безименнымъ. Обиліе народныхъ пѣсенъ. Все дѣлалось для народа и съ народомъ.

Противоположность съ состояніемъ умственного образованія послѣ реформации и такъ называемаго возрожденія. Покажешь, какъ въ это время единство замѣнилось личностью , начало любви началось критическимъ ; отсюда общее ошущеніе вдохновенія и истинной поэзіи въ три послѣдніе вѣка.

Изложишь , какъ реформация разорвала вдругъ гармоническое единство и мысли и общества. Философія англійско - французская довершаетъ ея дѣло и превращаетъ въ прахъ сокрушенное. Та и другая имѣютъ главнымъ помощникомъ новый вкусъ, классическій или языческій.

Славное и плодотворное постоянство католическаго вдохновенія въ снранѣ, долѣе всѣхъ укрывавшейся отъ эстетич. вліяній, въ Испаніи, до временъ нашествія и на нее философіи. Кальдеронъ и Мурильо.

Немощица плодотворность и удивительная вѣковѣчность созданій и формъ вѣковъ католическихъ; слѣды существованія ихъ и у другихъ народовъ: драматическія представленія въ Верхней-Германіи, и пр.

Христианство, возобновляя общество, возобновляетъ вмѣстѣ всѣ выраженія общества; отсюда введеніе совершенно новыхъ элементовъ во всѣ формы искусства.

Необходимость разобрать эти новые элементы, и отличить отъ нихъ: 1) древніе мѣстныя элементы, принадлежавшіе разнымъ народамъ Европы до ихъ обращенія къ вѣрѣ; 2) подражанія классической древности, также очень древнія.

Обозначить преобладаніе элементовъ, введенныхъ христианствомъ, во всѣхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ.

Обозрѣніе этихъ элементовъ и идей изъ нихъ происшедшихъ. Самыя новыя и самыя возвышенныя изъ нихъ заключаются въ созданіяхъ поэзіи и искусства относящихся къ Маріи. Особенное разсужденіе объ этомъ предметѣ.

Опроверженіе теоріи послѣдняго вѣка, который, по истинишувальной ненависти къ христианству, приписывалъ Сарацинамъ происхожденіе готической архитектуры и рыцарскихъ эпопей.

Доказать, что всякое первобытное и вдохновенное выраженіе человѣческой мысли есть по-

эзія; отсюда отсушствіе прозы собственно таибъ называемой въ вѣнахъ католическихъ и совершенное пождество поэзіи съ мыслию народовъ шѣхъ временъ.

Основное раздѣленіе поэзіи на «поэзію слова и письма» или «лишерашуру», и на «поэзію изобразительную» или «изящныя искуства».

Раздѣленіе поэзіи слова и письма въковъ католическихъ на чешыре ошдѣла:

1. Поэзія *священная и всемірная*, въ легендахъ и преданіяхъ религіозныхъ;
2. Поэзія *національная*, въ эпопеяхъ и пѣсняхъ народа;
3. Поэзія *личная*, въ поемахъ лирическихъ, одическихъ, драматическихъ;
4. Поэзія *аскетическая*, въ мисшическихъ писателяхъ.

Тождественный характеръ поэзіи у всѣхъ католическихъ народовъ. Доказать бышіе истиннаго и единственнаго возможнаго космополишизма въ «христіанствѣ» и разрушеніе его протестантизмомъ и философіею невѣрія.

Общеніе идей происходящее отъ общенія върваній и постановленій. Союзъ воображеній и сердець въ святилищѣ религіи. Тѣже циклы и шѣжа лица вездѣ: Марія, С. Георгій, Карлъ Великій, Аршуръ, и пр.

Обозначить пришомъ и существованіе національныхъ различій: вѣчное разнообразіе въ этомъ высокомъ единствѣ.

Оширыть различные характеры и особыя формы католической поэзіи у главныхъ поколѣній Европы, наковы:

Французы,
Испанцы,
Италіянцы,
Англичане,
Германцы,
Славяне (Богемцы).

Установишь первородство французской поэзии особенно въ религіозной эпопеѣ, чрезъ скорѣйшее слияніе народныхъ преданій съ преданіями христіанства.

Первая часть курса: «поэзія слова или литература».

Отдѣлъ I. *Легенды и преданія религіозныя:*

О легендѣ какъ о высшей поэзіи. Это самая цѣлѣбная ошрасль преданія, того живошворнаго древа поэзіи, кошораго корень въ душѣ всѣхъ народовъ, кошорое держится и питаешся вѣрою.

Внутренняя связь легенды съ исторіей нравовъ и обычаевъ, равно какъ съ исторіей искусства; не возможно понять безъ ней ни шу, ни другую. Несправедливое и виновное пренебреженіе, оказываемое ей самыми католическими писателями въ послѣдніе вѣка.

Непрерывность и повсюдность легенды. Только чрезъ нее поэзія можеть нисходишь до самыхъ низшихъ классовъ общества и преникаться въ нихъ всею своею цѣлостью.

Выбстѣ съ тѣмъ она насаешся и объемлетъ самыя сокровеннѣйшія глубины мисии. Величайшіе богословскіе писатели суть тѣ, о кошорыхъ наиболѣе ошалось легендъ: С. Григорій, С. Бернардь, Албертъ-Великій, и пр.

Показать, какъ легенда соединяетъ оба края

рода человѣческаго и производитъ въ мысли и воображеніи шже бршство людей предъ Богомъ, какое религія производитъ въ вѣрованіяхъ и обязанностяхъ.

Разсмотрѣніе легенды во всѣхъ ея формахъ и національных развитіяхъ.

Ошдѣль II. *Эпическая поэзія* :

Различные подражанія:

1. Эпопеи *чисто-религіозныя* или легенды приведенныя въ размѣры эпопеи. Цикль св. Гралаа, величественнѣйшая и священнѣйшая изъ всѣхъ. Особое разсмотрѣніе.

2. Эпопеи *національныя* или *рыцарскія*, гдѣ религія ошождешворяется съ политическими борьбами и рыцарскими приключеніями. Цикль Карла-Великаго. Цикль Круглаго-Сшоло. Романсы Сида. Гельденбухъ.

3. Эпопеи *народныя* или *историческія* поэмы составленныя и разсказываемыя народомъ въ послѣднія времена среднихъ вѣковъ.

4. Эпопеи *романическія* или *любовныя*, гдѣ религія являеишя шлько изрѣдка, и ш во борьбѣ съ человѣческими спрасшями. Тристанъ и Изѣ. Показашъ постепенное перерожденіе эшого рода до Аріосшова язычества.

Два первые вида эпопеи возведены на высшую шпень въ одной поэмѣ Данша.

Ошдѣль III. *Поэзія лирическая, элегическая, драматическая* :

Многосложность памяшниковъ, превосходящая всѣ прочіе ошдѣлы. Они могутъ разсашривашься

1. Вошшошеніи къ авшорамъ :

Труверы и шрубадурь,

Менеспрели (англійскіе),

Миннезенгеры и мейсперзенгеры,

Народъ вообще, какъ создашель и хранишель
своихъ собсвенныхъ поэмъ;

2. Вошношеніи къ предметамъ:

Чисто-религіозные,

Историческіе,

Любовные,

Саширическіе.

Введеніе мірскаго элемеиша въ оба послѣдніе
разряда.

Ошдѣлъ IV. *Поэзія аскетическая*:

Писашели, называемые «мисшическими», раз-
смаширивающіеся тольно съ лишературной или по-
этической почвы зрѣнія. Показашъ, какъ сочине-
ніа ихъ, хошя и въ прозѣ, заключающъ высочай-
шую и блисшашельнѣйшую поэзію. Подробное раз-
смышрѣніе важнѣйшихъ между ними, каковы:

С. Бернарды,

С. Гильдегарда,

С. Гершруда,

С. Францисъ Ассизскій,

С. Бонавеншура,

С. Енашерина Сиенская,

Б. Генрихъ Сузо,

С. Енашерина Генуезская.

Въ эшомъ ошдѣлѣ вдохиовеніе нашолическихъ
зрѣиовъ сохраниаешся гораздо долѣе: С. Тереза, С.
Францисъ де-Саль, Пор-Рояль, Фенелонъ.

Вторая часть нурса: «поэзіа изобразительная
или изящныа искусство».

Показашъ совокупное развишіе искусства, поэзіи
собсвенно называемой и общества.

Первенство архитектуры надъ всѣми другими родами искусства, по ея характеру преимущественно гіерархическому, по ея вѣковѣчности, по тому что она есть дѣло народа для народа. Сходство архитектуры съ легендою.

Опытъ «христіанской символики» или изъясненіе всѣхъ формъ и предметовъ, употреблявшихся въ христіанскомъ искусствѣ, преимущественно въ архитектурѣ.

Полное изученіе «кафедрали», какъ храма христіанскаго по-превосходству, въ ея существенныхъ и нормальныхъ частяхъ, равно какъ въ наимѣняемыхъ подробностяхъ, со всѣми принадлежностями, монастыремъ, кладбищами, и пр.

Показашь совершенную правильность и глубокое значеніе всѣхъ формъ, по наружности такъ своихъ и странныхъ.

Постепенное развитіе формъ, употребляемыхъ христіанскою архитектурою.

Совершенная соотвѣстственность между эѣми формами и современными формами поэзіи. Совокупное и постепенное введеніе въ эту и въ другую языческаго элемента подъ формой классической. Узы, которыми всѣ искусства соединяются съ архитектурой по ихъ употребленію въ храмѣ:

Скульптура,

Живопись,

Музыка.

Наконецъ особое приваженіе о «поэзіи природы», или нашолическомъ символизмѣ, одушевлявшемъ любовь и изученіе природы, особенно расшиштельной. Связь гошическихъ формъ архитектуры съ расшиштельными.

Три послѣдніе отдѣла первой и всю вторую часть курса предполагается пройти въ слѣдующіе семестры. Послѣ чего преподаватель намѣренъ перейти къ изученію историческихъ фактовъ, внутренней и домашней жизни, равно какъ общественнаго устройства вѣковъ католическихъ.

Не лзя не согласиться, что все это устройство журнала-университета представляетъ любопытный образецъ единства духа, цѣли и средствъ, къ какому должны бы стремились и дѣйствительные университеты, чтобы совершить вполне свое высокое назначеніе. Истина одна, знаніе одно, умъ одинъ; и науки, не смотря на свое разнообразіе, должны составить одно стройное цѣлое; такъ-какъ въ организмѣ всѣ различныя отправленія составляютъ одну стройную жизнь.

Въ переводѣ перваго изъ «Философическихъ Писемъ къ Гжѣ ...» вкрались слѣдующія ошибки, которыя просимъ поправить самихъ чинашелей:

стр.	срок.	напечатано:	читай:
278	12	вась обязывали	вы были обязаны
287	24	принесешь свою пользу	сбудется
303	7	религіозной	духовной
308	22	общее	общественное

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

Печаташь позволяешь. Москва. 1836 года, сентября 29 дня.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

МОЛВА.

МОСКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Подвергаясь опасности снова подвергнуться г. Бѣлинскаго неучтивостямъ защитника Московскаго театра, г. популярнаго содѣльника Ивана Елдокимова сына Покровскаго, не знаю писать-ли мнѣ еще о театръ? Но такъ и быть: скажу нѣсколько словъ о «возобновленіи» большаго Петровскаго театра.

Петровскій театръ, прекрасный снаружи, имѣлъ внутри недоспапки всѣмъ извѣстныя. Въ немъ было темно, холодно, глухо и скучно. Тѣ, до кого сіе касалось можетъ, приняли дѣйствительныя мѣры къ усилію подобныя неудобствъ общественнаго удовольствія; и для того чтобы было свѣтлѣе, театръ по-

крыть бѣлымъ цвѣтомъ и прибавлено лампъ; чтобъ было теплѣе, повѣсили при входѣ въ кресла сукно, сдѣлали въ разныхъ мѣстахъ двойныя и тройныя двери; чтобъ было слышнѣе, убавили аван-сцену, ибо замѣчено, что чѣмъ далѣе опѣ зрителиа говоришь актеръ, тѣмъ публикѣ пріятнѣе; а чтобы не было скучно—не знаю еще что сдѣлано. Непосвященный въ тайны закулисной механики, не зная что и какъ передѣлано на сценѣ, вѣрю, что все на свѣтъ къ лучшему, и потому могу говорить только о внѣшней опдѣлкѣ внутренности театральнѣй. При первомъ взглядѣ вы поражены, вы обняты огромнымъ бѣлымъ полушаромъ, на которомъ легкими, золотистыми узорами размѣчены ярусы ложъ, все выше и выше, легче и легче, и наконецъ все это сливается въ куполъ, гдѣ рисунокъ сплывается въ чистую, легкую пикань, плакъ-что вы пополюка надъ собою не чувствуете. Прелесно! Свѣтлѣе вдвое, число огней увеличено, и близка отражаетъ каждый лучъ свѣта, куда-бы ни запалъ онъ; свѣтъ оспанаавливается только на зрителяхъ; и потому они виднѣе, ярче, рельефнѣе, особливо въ ложахъ; *avis aux dames!* Занавѣсь поже прекрасна: это золотистая рама, въ которую вспавлены облака, легкія, воздушныя, летучія. Корошкѣ, при первомъ взглядѣ театрѣ прелесно. Но взглянувъ, вы начинаете его разсматривать, и спѣя среди креселъ, следовательно въ лучшемъ мѣстѣ для общаго вида театра, вы поражаетесь безобразіемъ узора вчасности. Что это за амурѣ, что за рожи, что за вазы? Это декорационная живопись, красота которой основана на оппическомъ законѣ сцены, не имѣющемъ мѣста въ ея; и

потому рисунокъ прекрасенъ, но исполненіе грубо, аляповато. Можетъ - быть, г. популярный соавтникъ Иванъ Евдокимовъ сынъ Покровскій, такой-же присяжный знапоть живописи какъ и сцены, будетъ возражать намъ. Предупреждаемъ его благородіе, что еслибы онъ писалъ не только на ушломъ листкѣ «Съверной Пчелы», но и на листѣ «высшаго» достоинства, опивчашъ ему будемъ ясно и вразумительно. Вотъ наше заключеніе о новой опдѣлкѣ театра: жаль что прекрасный рисунокъ его исполненъ съ такою жестикоспїю, грубоспїю и неоппечпливоспїю!

А спектакль для ошкрытія? Балетъ и водевиль! Эмблеммы театра Московскаго. Говорить-ли объ нихъ? Прыгали все по-прежнему съ пѣмъ же чувспвомъ и смысломъ; гжа Рыпина играла съ поюже неушомноспїю. Скажише, какъ ее доспаептъ, какъ не упоминся она, играя чуть-ли не черезъ день; почему-бы ей не данъ помощницу, которая могла-бы образоваться въ ея школѣ, и со временемъ замѣнить ее; ибо, какъ ни безсмертенъ талантъ, а все надоть когда нибудь опдохнуть и хопъ въ сорокъ лѣтъ переспашъ играть невинности?

А. Б. В.

БИБЛІОГРАФІЯ.

— Государственная Вышняя Торговля 1835 года въ разныхъ ея видахъ. СПб. 1836.

Какъ не благодарить нашего попечительнаго правительсва, которое не только обращаетъ дѣятельное вниманіе на нашу промышленность, но и результаты

ся приводишь для насъ въ порядокъ; предлагаетъ намъ ихъ уясненными, въ видахъ цѣломъ и дробномъ, раздѣленными по названіямъ произведеній, шажкамъ и наконецъ по землямъ и государствамъ! Не намъ упрекать правительство наше въ невниманіи къ народной дѣятельности; кто не убѣжденъ въ заботливости его о всемъ, чѣмъ доходитъ по эпохъ часамъ до его свѣдѣнія, въ готовности его споспѣшествовать всякому полезному дѣлу? Намъ остается только оправдывать его желанія: учиться, учиться, думать болѣе, и вѣрить что не слѣпое подражаніе уравнило насъ съ Европою, а свой умъ, своя опытность, свое разсужденіе. «Виды Внѣшней Торговли» касаются не одного торгующаго класса: всякой; кому дорога Россія, кто понимаетъ, что только образованіемъ и трудомъ пріобрѣтается богатство народное, найдетъ въ «Видахъ Внѣшней Торговли» факты важные. Онъ увидитъ въ нихъ движеніе промышленности народа русскаго, узнаетъ какъ и чѣмъ болѣе занимается онъ, куда направлена его дѣятельность: ибо характеръ внѣшней торговли показывается состояніе промышленности внутренней. Конечно, въ сравненіи съ нѣкоторыми европейскими государствами и транспортомъ Россіи, явленія нашей производимости еще очень не важны, еще движенія русскіхъ капиталовъ не могутъ обращаться на себя большаго вниманія; но посмотрите на ходъ промышленности нашей впечатлѣніе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, и васъ изумитъ ея распространеніе, увеличеніе капиталовъ, ея непрерывно усиливающаяся дѣятельность, и это потому, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ Россія сдѣлала шагъ о-

громный въ своемъ образованіи. Въ какомъ, напримѣръ, жалкомъ состояніи были у насъ шерстяныя и бумажныя мануфактуры лѣтъ за пятнадцать; о прядильняхъ едва знали тогда; а теперь хотя наши тонкія и среднія сукна далеко еще не могутъ соперничать съ иностранными, но въ сравненіи съ сукнами за пятнадцать лѣтъ, шагъ великъ удивительно. Можно утвердительно сказать, что теперь характеръ внутренней промышленности нашей есть преимущественно мануфактурный: народъ словно проснулся отъ сна, бросаясь въ фабрики, заводы, прядильни. Давно-ли можно было упрекнуть насъ въ недостаткѣ единодушія, общительности; и въ одинъ прошлый годъ сколько успроилось компаній, товариществъ!

Соображая привозъ за нѣсколько лѣтъ, видимъ, что онъ постепенно увеличивается въ издѣліяхъ шелковыхъ и особенно въ бумажныхъ. Не смотря на это, привозъ хлопчатой бумаги усилился удивительно: въ 1833 году привезено было 139,032, а въ 1835 — 222,425 пудъ. Это одно показываетъ, какъ велико развитіе нашихъ фабрикъ и какъ усилилось потребленіе. На Кяхтѣ заслуживаетъ особенное вниманіе опускъ за границу бумажныхъ нашихъ издѣлій и суконъ: въ 1833 году сукна русскихъ фабрикъ вывезено было въ Китай на 447,176 руб., а въ 1835 на 716,268 руб. Иностранныхъ суконъ не вывезено пуда ни одного куска. Бумажныхъ издѣлій русскихъ фабрикъ въ 1833 году вывезено въ Китай на 272,307 руб., а въ 1835 на 730,250 р. За русскій плизъ нѣкоторыхъ фабрикъ теперь платять дороже чѣмъ за англійскій, потому что русскій плизъ лучше. Конечно, взявъ въ расчетъ де-

шевиэпу у насъ труда и предметовъ потребления и потомъ пошлину и прочіе расходы на плить англійскій, видно, что мы ушли еще не далеко; но, по-вѣроятію, шагъ важенъ. Привозъ шерстяныхъ издѣлій уменьшается съ каждымъ годомъ; это доказываетъ, что эта отрасль мануфактурной производительно-сти, особенно сукна, получила у насъ преимущественное развитіе. Всего въ 1835 г. вывезено было за границу товаровъ на 227,724,438 руб. изъ-за границы, ввезено на 222,766,065 руб.; следовательно оппускъ превышаетъ привозъ только на 4,958,373 р. «Если сумма оппуска нашихъ товаровъ за границу, сказано въ предисловіи къ «Вѣдамъ Вѣстной Торговли, не увеличилась въ сравненіи съ прежними годами, то главнѣйшую причину сего приписать должно бывшему у насъ недоспазку въ хлѣбныхъ запасахъ; ибо въ 1832 году и прежде того оппускалось у насъ въ Европу одной пшеницы болѣе 1,900,000 чепверт. а въ 1835 году вывезено было оной только 700,000, т. е. 1,200,000 чепвертей менѣе, что уменьшило нашъ оппускъ цѣною, по крайней мѣрѣ, на 20 милліоновъ рублей.» Изъ этого видно, что неурожай 1833 года не остался безъ вліянія на общую народную производимость; такъ какъ наиболѣе поспрадали отъ него губерніи хлѣбопашныя, то это невыгодное вліяніе ограничилось особенно хлѣбною торговлею. Оппускная наша торговля особенно увеличилась въ холстахъ и прочихъ льняныхъ издѣліяхъ, которыхъ въ 1833 опущено было за границу на 2,721,367 р., а въ 1835 на 3,859,472 р., и въ лѣсныхъ товарахъ, опущенныхъ за границу въ 1833 на 7,069,278, а въ 1835 на

9,150,978 р. Сала вывозятся съ каждымъ годомъ меньше, отчасти потому-что въ Англіи много замѣнилъ его газъ. Смотри вообще на предметы нашего вывоза, видимъ большею частію или первобытныя произведенія природы или грубыя издѣлія рукъ, но что дѣлать? общество идетъ впередъ не скачками, а тихо и оспорожно: ему надобно сначала пообразоваться, обзавестись хорошенько мануфактурами, а изящная и дешевая выдѣлка тканей пріобрѣтается не скоро.

Вообще въ 1835 году:

Отпущено въ Англію на 90,293,377 р.; главные предметы отпуска: сало (на 30 милліоновъ), ленъ, пенька, льняное семя и невыдѣланные кожи.

Изъ Англіи намъ привезено на 71,360,613 р.; главные предметы привоза: прядая бумага (на 34,414,439), бумажныя и шерстяныя издѣлія, бумага хлопчатая, индиго и соль (!).

Послѣ Англіи по количеству баланса слѣдуетъ Турція, куда вывезено было всего на 22,967,195 р. Главный предметъ вывоза хлѣбъ (на 7,722,726 р.) и овечья шерсть.

Изъ Турціи привезено было на 13,584,334 р.; главные предметы привоза: вино, фрукты и деревянное масло.

Въ Америку отпущено было на 13,030,372 р.; главные предметы отпуска: ленъ, желѣзо, полошно парусное.

Изъ Америки привезено къ намъ на 26,505,691 р., въ томъ числѣ одного сахарнаго песку на 23,018,746.

Во Францію отпущено на 8,280,921 р.; главный предметъ отпуска мѣдъ (на 3,622,131 р.)

Изъ Франціи привезено къ намъ на 14,437,944 р. въ томъ числѣ однихъ винъ слишкомъ на 7 милліоновъ (шампанскаго на 4,480,755). Шелковыхъ издѣлій показано только на 12,202. Не опечатка-ли это?

Табаку курительнаго всего привезено было на 5,077,587.

Весь балансъ торговли нашей съ Персією про-
спирается до 9 милліоновъ р.; вывозъ 2,299,320, при-
возъ 6,701,036; въ томъ числѣ издѣлій бумажныхъ на
3,478,924. Этого мало для Россіи. Армяне совсѣмъ
ошибли у русскихъ торговлю въ Персіи. Закупая боль-
шія парши чаевъ, бумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій
на Лейпцигскихъ ярмаркахъ, они отправляютъ ихъ
черезъ Трапезунтъ въ Персію. Русскимъ трудно бо-
роться съ ними въ торговлѣ персидской. Добропа-
шваровъ, опчаспи дешевизна, и потомъ знаніе языка
и обычаевъ страны, все это на споронъ Армянъ. Мы
умалчиваемъ о дѣятельности Англіи, и о томъ,
что теперь въ рѣдкомъ персидскомъ городѣ нѣтъ ан-
глійскихъ конторъ, дѣлающихъ персидскимъ купцамъ
кредитъ огромный.

Вообще, соображая за нѣсколько лѣтъ видъ торгов-
ли нашей, мы видимъ дѣятельность народа безпре-
спанно усиливающуюся, капиталы размножающіеся.
Россія еще хорошенъко не оглядѣлась, только начи-
наетъ сознавать промышленныя силы свои; дайте
срокъ, дайте немножко поучиться русскому народу,
погда онъ стумѣетъ распорядиться и своею дѣятель-
ностію и безчисленными средсвами, какія вмѣщаетъ
въ себя Россія. Порадуемся между - тѣмъ, видя, что
торговая система наша, принесшая уже столько поль-

зы Россіи, тверда, и правительство не думаетъ измѣнять ее.

Пошлины и прочихъ таможенныхъ сборовъ поступило въ 1835 году 78,444,451 р. 89 коп. Издержки на содержаніе всего таможеннаго управленія составляютъ 8 $\frac{0}{100}$.

Выписываемъ нѣкоторые постановленія, изданныя въ пользу торговли въ 1835 году

Дарованное въ 1833 году право купцамъ претъей гильдіи производить опускную торговлю по европейской сухопутной границѣ продолжено до 1840.

Въ Ростовѣ и Бердянскѣ учреждены двѣ таможенные заставы для облегченія опускной торговли и для распространенія торгова Ногайскихъ и Молочайскихъ колоній и другихъ сосѣдственныхъ мѣстъ.

Крестьянамъ Западной Сибири, торгующимъ по свидѣтельству претъяго разряда, разрѣшено право заграничной торговли, предоставленное купцамъ претъей гильдіи.

Въ Кяхтѣ открыто училище Кипайскаго языка, въ которое поступило первоначально двадцать чепыре ученика изъ купческаго и мѣщанскаго сословій. Изъ этихъ и прочихъ постановленій видимъ, что правительство непрерывно старается облегчать способы нашей внѣшней торговли.

(Б).

— *Сераніоновы Братья. Собраніе повѣстей и сказокъ. Сочиненіе Э. Т. А. Гоффмана. Переводъ съ нѣмецкаго И. Безсомыкина. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1836. Восемь томовъ.*

I—240; II—418; III—187; IV—296; V—248;
VI—297; VII—314; VIII—321. (12).

Порадуйтесь, Гофманъ не умеръ! Знаете? поэтъ Гофманъ, которъй недавно рассказывалъ вамъ о «Недобротъ-Госпѣ»; Гофманнъ, съ которымъ такъ тѣсно сблизилъ васъ живая, увлекающая повѣсть о его жизни и сочиненіяхъ: онъ живъ!—Смерть его казалась мнѣ всегда сомнительной; недоконченныя біографіи Крейцера и Копа Мурра пѣли меня темною надеждою на продолженіе, и воистину надежда моя сбылась: Гофманъ почтно не умеръ. Распустивъ ложный слухъ о своей смерти, онъ потихоньку ухалъ изъ Берлина въ Россію, и поселившись гдѣ-то въ опдаленномъ, безвѣспномъ углу обширнаго царства, спалъ учился по-русски. Наконецъ онъ выучился, и первое сочиненіе, которымъ онъ подарилъ нашу липературу, вышло подъ названіемъ пославленнымъ въ заглавіи эшой рецензіи. Не дивитесь новой *штукой* Гофмана, мало-ли *штуки* дѣлалъ онъ въ жизнь свою; чѣмъ онъ не былъ: и юристомъ и декораторомъ и журналистомъ и спѣннымъ живописцемъ? Опчегеже не быть ему русскимъ липераторомъ? Да и чѣмъ было дѣлать ему въ Германіи? Когда онъ вздумалъ сыграть фарсъ своей смерти въ Берлинѣ, идеальная Тевтонія уже начинала соблазняться реальностью: Менцель уже писалъ, и Гейне въ университетской аудиторіи почилъ на А. В. Шлегеля оспрошъ, которыми осыпаетъ теперь закоснѣлую идеальность своихъ любезныхъ пѣмцевъ. Въ Россіи Гофманъ думалъ найти болѣе пищи для своей фантазіи, и почто фантазія его окрѣ-

ла, возвысилась, распрянулась, слиясь въ восьми помахъ удержавшись на одной идее, но вмѣстѣ съ тѣмъ одичала, подѣ сумрачнымъ холодомъ нашего неба, и вылилась созданиємъ великимъ, но ужасающимъ, поминательнымъ, нечеловѣческимъ, въ которомъ сначала до конца, каждая фраза обдаешь васъ гробовымъ холодомъ. По мѣрѣ силъ, я поспараюсь передать вамъ впечатлѣніе эпохи новаго шворенія Гофмана. По заглавію можно принять эти восемь помовъ за переводъ на русскій языкъ извѣстнаго сочиненія Гоффманна «Серационовы-Брашья»; но начните читать: съ первыхъ страницъ морозъ пробѣжитъ по кожѣ; кажется, тѣже люди, тѣже слова, но они смотрятъ на васъ какъ-то странно, ихъ слова, ихъ движенія пугаютъ васъ какъ взглядъ «недоброго-гостя». Нѣтъ это не переводъ; ктоже можетъ такъ переводить? Это что-то другое.

Читайте дальше, и вы выкинете въ основную мысль новаго созданія Гофмана, мысль глубокую, но страшную, одну изъ тѣхъ мыслей, отъ которыхъ волосы свѣдуютъ въ одну ночь. Это мысль о безсиліи чловѣка, это какая-то страшная судьба, которая въ видѣ дикой русской фразы заковываетъ всякое свѣтлое чувство, всякую теплую мысль, которыми Гоффманъ такъ богатъ, въ какія-то безобразныя, ледяныя формы. Лопарій, Кипріанъ, Сильвестръ, *Федоръ*, *Викентій* (такъ пишутся эти имена въ русскихъ «Серационовыхъ-Брашьяхъ») все старые знакомцы ваши; но эти добродушные мечшатели, эти ослепые комористы, сплываютъ передъ вами какъ рядъ ледяныхъ сплотовъ, и сквозь шероховатую прозрачность коры, ихъ

милая улыбка пугаетъ васъ, какъ предсмертная гримаса. О спрашно! спрашно!

Шутки въ спорону: скажите, г. переводчикъ Гоффмана, имѣли-ль вы мысль, копорую я приписалъ воскресшему Гоффману? Нѣтъ, вы не имѣли ея, вы оптекаетесь опъ ней, да и за чѣмъ имѣтъ вамъ такіа спрашныя мысли? Скажите-же, по какому праву исказили вы, изуродовали, во второй разъ умертвили Теодора? По какому праву потревожили вы прахъ его? И для чего-же? Для того чптобы сковать ему пѣсный, удушливый гробъ изъ непесаной прозы временъ Сумарокова, разцвѣченной фразеологіей г. Галича. Не совѣстно - ли, не грѣшно-ли? Помилуйте! Знаете-ли, чпто значить убить книгу (а вы вѣдь убили не одну книгу, а цѣлый рядъ превосходныхъ созданій)? Слушайте: «Книги вещи не мерпвыя... хорошая книга—это мысль високаго ума, сосредоточенная въ новой формѣ, переживающей обыкновенную жизнь. Преданія вѣковъ не замѣняютъ упращенной испины, потеря копорой можетъ быть пагубна для цѣлыхъ народовъ. Кто умерщвляетъ жизнь человека, сосредоточенную въ книгѣ, потъ совершаетъ болѣе нежели человекоубійство, потъ посягаетъ на самый разумъ въ его зѣирной сущности... слѣдовательно не на жизнь уже, а на безсмертіе.» Это говоритъ Мильмонтъ: повѣрьте хоть ему, если намъ не вѣрите, и раскайтесь.

Впрочемъ, слова вдохновеннаго поэта приведены здѣсь не для васъ только, но для всѣхъ переводчиковъ - передѣлывашелей, которые, Богъ въспъ по какому праву, искажаютъ, уродуютъ, обрѣзываютъ чу-

жія мысли: пусь прочшуть и ужаснупся! Чпб до вась касается, пожалуйста не переводите больше Гофмана. Не соблазняйпесь вашимъ знаніемъ нѣмецкаго языка (которое замѣпно изъ пресупнаго перевода вашего); эпго слишкомъ мало, для шго чпобы переводить Гофмана. Еслибы даже русскій языкъ былъ у вась сполько русскимъ, какъ у г. Полеваго, сполько гибкимъ, какъ у г. Марлинскаго, и шгда не соблазняйпесь, и эпго слишкомъ мало! Чпобъ переводить Гофмана, надо чувствоватъ шакже какъ онъ чувствовалъ, а для эпго надо шакже спрадашъ, шакже сумасбродить и бытъ гошову шакже умереть, какъ онъ спрадалъ, сумасбродилъ и умеръ. На это вы вѣрно не согласипесь? шакъ не берипесь же переводить Гофмана.

(В).

— *Іоанна Грей, королева англійская, павшая подъ стѣкироу палача. Романъ истор. XVI вѣка, соч. Бротта. Москва, въ тип. Лазарева. 1856. Четыре части: I—184; II—174; III—160; IV—186. (12).*

Судьба Іоанны Грей, сдѣлавшейся въ нѣсколько мѣсяцовъ королевой англійской, супругою, матерью, пресупницей, осужденною и погибшею отъ руки палача, эта судьба естъ драма высокая, въ которой она только жерпва невинная, а пружины ею двигатія коварство и злоба британской аристократіи, всегда близкой и алчной къ трону королевскому. Изъ шакго предмета можно написать романъ, и онъ можетъ быть прекрасенъ, если авторъ возьмется за дѣло и съ

умомъ испорика и съ чувствомъ поэта. За Вальшеръ-Скопшомъ, какъ за всякимъ необыкновеннымъ писаиелемъ, попянулась по всей Европѣ длинная вереница бездарныхъ подражателей. Гдѣ ихъ не было? они проникли даже въ Россію; не будемъ поминать покойниковъ. Изъ европейскихъ подражателей, г. Брошпъ есть самый посредственный, а пошому романъ его не заслуживаетъ никакого вниманія. Сколько прекраснаго изъ европейской литературы не переведено у насъ! И сколько переводовъ для сочиненій посредственныхъ! Ошчего эпо? Неношому-ли,

... что посредственность одна
Намъ по-плечу и не спрашна?

Переводчикъ Іоанны Грей, *нашей* подъ стѣкирою палата, кажется рѣшился только въ этомъ быть вѣрнымъ подлиннику. Переводъ его не упадетъ, пошому что лежитъ уже, и долго будетъ лежать подъ прилавками книгопродавцевъ; развѣ московскіе *афени* посадятъ его на пелѣгу и вывезутъ изъ столицы въ дальнія деревни, гдѣ ему суждено быть безвѣздно.

— *Игра судьбы или отецъ по неволѣ. Соч. А. Е-р-ова. Москва, въ тип. Степанова, 1836. Дѣтъ части: I—153; II—167. (12)*

У насъ въ Россіи, почти во всѣхъ губернскихъ городахъ, не говоримъ ужъ объ уездныхъ, есть особый классъ людей, называющихъ себя чиновниками. У нихъ

есть свой собственный миръ, свой языкъ, своя философія и наконецъ своя литература. Двѣ эти части безспорно принадлежащія къ произведеніямъ, услаждающимъ вкусъ и сердце этого міра; онѣ читаются единственно дочерьми или женами повывчиковъ, секретарей и другой приказной челяди. Не бывая въ ихъ обществѣ, мы не знаемъ позволяется ли намъ молодымъ людямъ, не нарушая приличія братья двѣ во время разговора за руки и обнимать ихъ при первомъ знакомствѣ, или все это напраслина взведенная на нихъ г. Е-р-вымъ. Во всякомъ случаѣ, пить безпрестанно водку, или говорить: *«разлапушка, разбестія, тридцать или четвертей, я разорву ей глотку»*—такія вещи, о которыхъ можно бы было и помолчать, еслибъ, по несчастію г. автору и удавалось ихъ слышать. Къ числу его должно сказать, что всѣ эти подробности описаны чрезвычайно плотно и опчепливо. Только эта *игра судьбы*, по нашему мнѣнію, есть весьма шрагическая игра здраваго смысла и логики съ грамматикою, попому-что: *«ласкала взорами красоты; быть достойну восхищеній; полно притворничать; поддразнивать чувства сладостными видѣніями; шаль, открывшая престолъ любви; попомъ эпопей престолъ любви притягивающій какъ магнитъ любви; и наконецъ словесный профессоръ, вмѣсто профессора словесности—все это врядъ ли не въ ссорѣ съ логикой и грамматикой. Право, мы посовѣтовали бы г. Е-р-ву походить въ университетъ на лекціи къ этому «словесному профессору»: авось либо, хоть намъ набрался онъ неможно грамматикки, въ которой кажепся очень нуждается».*

О содержаніи и говорить нечего. Это такая путаница, что и рассказать невозможно. Тутъ пропасть свашей, похищеній, обмѣновъ дѣшей и неожиданныхъ встрѣчъ, въ промежутки которыхъ дѣйствующія лица не переспаюшь обѣдать, пить чай, уживашъ и говорить неѣспашъ. Изданіе однако опрятно.

Да! совсѣмъ было забылъ сказать, что этошъ романчикъ или повѣсть, какъ мозаика, изукрашенъ спинами, спишками и эпиграфами—дурными и очень дурными. Есть выходка на журналистовъ. Вотъ она:

Какъ часто журналистъ иной
Премного много общается;
Онъ самъ журналъ расхвалишь свой:
Въ немъ по-то, по-то;—надуваетъ!..

— *Таблицы игоръ въ простыя шашки, служащія введеніемъ въ общую правильную игру въ шашки. Сочиненныя любителемъ цифръ. Москва, 1836, въ тип. Селивановскаго. (12). 48.*

Изъ предгованій любителя цифръ о цѣли и назначеніи этихъ таблицъ понять нельзя ничего; но можно догадаться о спраннымъ намѣреніи составить таблицы, по которымъ бы всякой могъ играть въ шашки на-вѣрную. Самъ авторъ долженъ играть плохо, и тому доказательство его таблицы. Онъ составлены только на придицашъ двѣ игры, которыя онъ разыгрываетъ положивъ непремѣнными условіями: 1) разспавить шашки по его волѣ, 2) начинать всегда бѣлому. И какъ разыгрыва-

есть? Совершенно механически. Уставивъ нѣсколько ша-шекъ онъ перебираетъ всѣ ходы, добирается до выигры-ша и записавъ ходы выдаетъ ихъ подъ громкимъ заглави-емъ введенія въ общую правильную игру! — Это бы ничего, ошибка извинительная; но самонадѣянность автора просто смѣшна. Онъ говоритъ: «вамъ, гг. ма-тематики, не должно казаться страннымъ или невоз-можнымъ подобное предпріятіе: сочинителю таблицъ нѣсколько извѣстно правило переложеній или сочета-ній, показанныхъ въ дифференціальныхъ и интег-ральныхъ вычисленіяхъ.» Видимое дѣло, что авторъ не имѣетъ и понятія о томъ, что пишетъ. Перело-женія и сочетанія вовсе не одно и то же, и попому нельзя говорить о нихъ «или»; а припомъ теорія ихъ находится въ началахъ такъ называемой высшей алгебры, а вовсе не въ дифференціальныхъ и интег-ральныхъ вычисленіяхъ, которыми любитель цифръ кажется хочетъ запугать людей менѣе его знающихъ. Да и то полно найдутся-ли такіе? Крипиковъ авторъ сравниваетъ съ «ослами, грызущимися и лежащимися передъ пустыми яслями.» Уступаемъ это любителю цифръ и соглашаемся, что сочиненіе его точно похо-же на пустыя ясли. И эпитъ любитель цифръ занимался девять лѣтъ! Вотъ мученикъ славныхъ ошибокъ!

— Бабушкины внуки или праздникъ въ селѣ Покровскомъ. Интермедія. Сочин. Ланскаго. Моск-ва, въ типогр. Эрнста, 1836. 52. (12).

— Бѣглецъ, повѣсть въ стихахъ А. Вельт-1836.

мана. Изд. 2, съ присовокупленіемъ пяти стихотвореній. Москва, въ тип. Семена, 1836. 74. (12).

— Красавица и чудовище, волшебная нравоучительная повесть. Переводъ съ англійскаго. Москва, въ типогр. Эрнста, 1836. 84. (16).

— Бракъ въ царствованіе Петра I. Историч. повесть начала XVIII столѣтія. Москва, въ тип. Кирилова, 1836. 36. (8).

Вопь мѣлкя, галантерейныя произведенія бѣдной литературы нашей, и припомь замѣчательнѣйшее изъ нихъ, «Бѣглець» г. Вельшмана, не естъ новостъ, а въпоре изданіе стараго его сочиненія. Чпбъ дѣлать? Чипать и сказать откровенно свое мнѣніе; но самолюбіе авпоровъ всегда гоппово завязать неприличную полемику и гордо спорипъ, чпо рецензентъ не правъ, чпо произведенія ихъ прекрасны, судя по молодости лѣтъ или слабости здоровья, какъ фанпазія юныхъ лѣтъ или какъ воспоминаніе старости. Болѣзни пѣла и души извиняюпъ конечно многое; но не винипеже и рецензентовъ, кспорые, пересматривая литературныхъ малолѣтконтъ, откровенно говорятъ имъ: ты кривъ, ты глухъ, ты...

«Бабушкины внучки». Естъ пословица: хороша дочка Аннушка, хвалипъ мапъ да бабушка; и полько въ силу этой пословицы можно было издапъ такуую книжонку—интермедію изъ русскихъ пѣсень, погово-

рокъ, пласокъ и грамматическихъ ошибокъ. Это праздникъ въ селѣ Покровскомъ—сочиненіе г. Ланскаго; каковыже должны быть будни села Покровскаго? Судите сами. И эту маленькую литературную нелѣпость г. Ланской списалъ почтѣ изъ «Россійскаго Оеатра» (зри: «Имянины добродѣтельнаго помѣщика»). Для чего же сдѣлано это извлеченіе изъ Оеатра Россійскаго? Вѣроятно по домашнимъ обстоятельствомъ. Но книжка напечатана, стоить два рубля, и слѣдовательно у автора въ виду была какая публика? Бѣдная публика, кто на тебя не поднимаетъ рукъ? даже бабушкинъ внучекъ!

«Бѣглець» съ пятью стихотвореніями А. Вельпмана явился вторымъ изданіемъ. Это старшее его произведеніе было напечатано сперва въ «Сынъ Отечества», пошомъ опдѣльно, теперь опять опдѣльно, и при немъ стихотворенія. Увѣряйте же, что у насъ нейдутъ книги. Онѣ бѣгутъ взапуски, наперегонъ, такъ - что послѣднее изданіе нагоняетъ описалое первое. . . Но шулки въ спорону, уважая вполне талантъ г. Вельпмана; мы должны ему сказать опкровенно: что «Бѣглець» есть самое слабде изъ его сочиненій, самое устарѣлое и пошлое по формѣ и содержанію. Оно теперь не во время, не кспати, оно запоздало, оно жалко какъ ребенокъ среди взрослыхъ. Содержаніе ничтожное; фразы, слова, и только, и припомъ общій недоспапокъ автора—ясный стихъ, темная мысль! Поэма, повѣсть стихотворная безъ мысли, безъ глубокой мысли, это игрушка, злоупотребленіе своего умѣнья, и только! Зачѣмъ тутъ эпъ «пяшь» стихотвореній? «Древняя Змья, Александръ Великій,

Мухамедъ, Бракъ и Тайна! Малоли чпбъ въ иной часъ напишется: не всеже можно бросать въ публику; но судя по премъ посвященнымъ стихамъ, видно авторъ придаеиъ какое-по значеніе изданію своей по-вѣсти. Эпо оиибка видимая. Недавно гдѣ-то прочли мы фразу, кошорая намъ очень понравилась: «posce te ipsum» (познай самого себя)! Умная фраза!

«Красавица и чудовище.» Эпо полько одно литературное чудовище съ скверными карпинками, которое если будупъ чыпаетъ дѣши, по ихъ поставяиъ въ уголь, а переводчика посадиъ за граммашку съ длиною указкою.

«Бракъ въ царствованіе Петра I», просто литературный бракъ, кошорый забракованъ здравымъ смысломъ.

Замѣчательно, чпо при книжки изъ вышеписанныхъ печатаны въ двухъ новыхъ Московскихъ типографіяхъ Эрнста и Кирилова. Судя по изданіямъ обѣ типографіи должны быть по близости Никольской площади и ра-бопаюиъ въ торгвые дни: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ. Да здравствуетъ промышленность! Въ Москвѣ есть кушарныя фабрики набоекъ, выбо-екъ, нанки; вопъ набойчатыя типографіи, кошорыя печатаюиъ нелѣпые узоры, на гнилой сѣрой бумагѣ, линючею краскою! Искусство книгопечатанія вышло на площадь, проситъ работы, печатаетъ Браки и Чудовища. Тѣнь Гуттенберга, гдѣ ны? — «Въ Германіи!!!» —

— *Таблицы логарифмовъ чиселъ и тригонометрическихъ линий. Сост. Лаландомъ. Издан*

стереотипное. Москва, въ типогр. Семена, 1836. (16).

Это маленькое изданіе Дидопа на шесць цифръ, напечатанное въ Парижѣ, къ которому присовокуплено русское предисловіе съ объясненіями и примѣрами; впрочемъ въ немъ не сказано ничего новаго. Изданіе полезное безспорно, и дѣлаетъ честь издашелю; жаль только что типографщикъ на заглавіи изданія стереотипнаго, сдѣланнаго въ Парижѣ, выставилъ свое имя. Если это ошибка — жаль, а если не ошибка — спыдно!

— *Басни и сказки К. Цимбалына. Въ пяти книгахъ (всѣ въ одной книжечкѣ). СПБ. въ типогр. Праца и комп. 1836. 198. (16). Съ эпиграфомъ:*

. . . А еслибъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ, охъ басни, смертъ моя,
Насмѣшки вѣчныя.

Судя по эпиграфу видно, что г. Цимбалынь не безъ претензій и басни свои относитъ къ разряду замѣчательныхъ. Онъ не ошибается. Изданіе опрятно, заглавіе голубое, обертка зеленая, и стихи безъ тѣры. Напримѣръ, вотъ басня «Соловей и Ворона», состоящая въ томъ, что ворона залѣзла въ клѣтку соловья и запѣла. Авторъ выводитъ изъ ней такое умное нравоученіе:

О вы, которые за все хватаются рады
При всей ничтожности своей,

Созданье пестушекъ всесильныхъ,
Вамъ, вамъ я эту басню въ подарокъ назначаю.

Вотъ еще правоученіе басни «Шестилипный Мальчикъ»:

Видалъ, къ несчастью, я довольно
Женатыхъ крошекъ въ виц-мундирахъ,
Которые, схвативши кое-какъ
Въ неплавцу креслъ—его вѣзмъ выставляютъ.
Видалъ я также очень часто,
Какъ малодушіе въ претоненькихъ очкахъ
(Раздутое гигантской спѣсью),
Картиной наряжась—души въ себѣ не чаешь.
Митюша подойди и кланяйся имъ милый,
Вѣдь это дяденьки твои!

Лучшею баснею автора кажется намъ «Пѣтухъ-
Пѣвецъ»:

Однажды пѣтуху лисица говорила,
Что онъ поетъ ужасно мило,
Что онъ чудеснѣйшій пѣвецъ,
И мой пѣтухъ вздурился наконецъ —
Безъ умолку поетъ и день и ночи;
Горланишь что ешь мочи;
Несешь такую чепуху,
Что всѣ дивятся пѣтуху!
Вотъ перпявъ день, другой — пѣтухъ не унываетъ,
А только пуще лишь зѣваетъ:
Все дальше мой пѣвецъ,
Ну такъ что ужъ перпѣвъ нѣтъ сиды наконецъ.
И чтожъ? хохлатому за всю его зашью
Свернули шаю.

Правду сказать: послѣ этакой басни невольно ска-
жешь:

На баснибъ я налегъ — охъ басни, смерть моя!

— Стихотворенія Христофора Тростина.
Москва, въ Универс. типогр. 1836. 31. (8).

Не плачь, Елегія!—довольно.
Теперь признаюсь я невольно
Въ своихъ неправедныхъ дѣлахъ,
Скажу я исповѣдь въ стихахъ. (9)

Повинную голову и мечъ не съчешъ, говорятъ пословица, и потому мы, видя раскаяніе автора не будемъ упрекать его за недоспашки, въ иныхъ мѣстахъ смысла, въ другихъ мѣтра, и вообще за ничтожность и пустошу, и посовѣтуемъ только въ другой разъ не писать, тѣмъ болѣе не печатать своей исповѣди. Это дѣло совѣсти, вы написали дурные списки, чувствуете это, раскаиваетесь, и прекрасно; заверните ими что-нибудь, и Апполонъ васъ помилуешь; зачѣмъ же ихъ печатать? Раскаяніе должно быть полное, а по...

(Б. В.)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Насъ просятъ изъ Петербурга увѣдомить публику, что «Отелло» Шекспира переведенъ съ подлинника и уже скоро будетъ приступлено къ печатанію его. Переводъ эпическою прозою, и по возможности близкій къ подлиннику. По крайней мѣрѣ переводчикъ желалъ передать Шекспира на русскій языкъ такъ какъ онъ есть, безъ малѣйшихъ измѣненій и пропусковъ, потому-что измѣненія и пропуски онъ считаетъ грѣхомъ во всякомъ переводѣ, а въ переводѣ Шекспира святошествомъ.

С М Ъ С Ь.

— Въ совѣтъ Золотурискаго кантона (въ Швейцаріи) возникло недавно чрезвычайно любопытное преніе по случаю просьбы пракпирщиковъ о разрѣшеніи танцовъ въ воскресные дни. Вотъ нѣкоторые изъ доводовъ обѣихъ сторонъ. *Противъ* танцовъ: «И безъ того много прыгунвъ въ нашемъ кантонѣ; какая необходимость увеличивать число ихъ!.. Конституція наша печется объ упроченіи религіи и нравовъ, и по и другое несомнѣнно съ танцами... Молодежь не заботится о танцахъ; они выгодны только для пракпирщиковъ... Позволеніе танцовать нарушило-бы равенство и конституцію... Гдѣ будетъ справедливость, если одни будутъ танцовать, тогда какъ другіе должны заниматься многотруднымъ выполненіемъ своихъ должностей?.. Лучше приучать руки къ оружію, нежели ноги къ прыжкамъ... Танцы развратили Грековъ и Римлянъ... Танцы изображеніе безпорядка; а послѣ революціи необходимъ порядокъ.» *За* танцы: «Если вы запретите танцы, молодые люди пойдутъ веселиться во Францію или въ Баденское герцогство со вредомъ для цѣлой Швейцаріи... Запрещеніе танцовать есть предразсудокъ піепистовъ... Если танцы вредны въ этотъ день, то вредны и во всякой другой.. Если позволять танцовать во всѣ воскресные дни, то позволеніемъ этимъ будутъ пользоваться умеренно, тогда какъ по рѣдкости дней, въ которые разрѣшается это наслажденіе, безпорядки неизбежны... Царь Давидъ плясалъ передъ кивотомъ; кно опровергаетъ законность танцевъ, опровергаетъ свидѣтельство книгъ священныя... Танцы одно изъ гра-

жданскихъ правъ человека... Не всѣ расподожены 'сидѣть подобно намъ на лавкахъ и говорить: я не люблю танцевъ!.. Танцы не только не производятъ безпорядка, напротивъ выражающъ порядокъ и гармонию, что доказалъ Платонъ въ своей «Республикѣ».— Просьба шпакширичниковъ исполнена и танцы разрешены большинствомъ двѣнадцати пяти голосовъ противъ двѣнадцати.

— Г. Токвиль, авторъ книги «о Демократіи въ Америкѣ» получилъ 10,000 фр. Монтионовской награды. Г. Токвиль удостоивается ея уже во второй разъ. Золотая медаль назначена г. Бомону за сочиненіе его «Марія или рабство Негровъ».

— Женщины Пенсильваніи представили на конгрессъ просьбу противъ разпространенія продажи вина и водки. Просьба эта въ 130 футовъ длины скрѣплена пятью тысячами подписей. Въ Нью-Йоркѣ составилось общество противъ табако-курения подъ предсѣдательствомъ доктора Смита-Войера. Въ этомъ обществѣ могутъ говорить только женщины.

— Берлинская библіотека увеличилась въ 1835 году 3,373 сочиненіями; въ числѣ ихъ есть много драгоценныхъ манускриптовъ и между прочими «Магабарапа» въ 9 томахъ in folio, самый полнѣйшій манускриптъ изъ всѣхъ существующихъ на твердой землѣ. Бонская пріобрѣла въ этомъ же году 1,928 сочиненій; Бреславская 1,390; Грейфвальдская 244; Галльская 346.

— Въ Английскихъ рудокопняхъ опрыли недавно на 1,100 футовъ отъ поверхности земли окаменѣлю

пальму, въ сплѣчемъ положеніи; корни ея проспираюпся въ землю на нѣсколько фузовъ, пень имѣеть до 36 дюймовъ въ діаметръ.

— Коммисія, учрежденная въ Парижѣ для опысканія документовъ для испоріи философін, обнародовала собраніе сочиненій Абелярда опысканныхъ въ различныхъ библіотекахъ провинцій. Между этими сочиненіями находилсѣ знаменитый манускриптъ подъ заглавіемъ «*Sic et Non*» (Да или Нѣтъ); къ этому творенію, напечатанному со всею типографическою роскошью, Кузенъ написалъ глубоко ученое введеніе, которое само по себѣ составляетъ особое чрезвычайно занимательное сочиненіе. Авторъ введенія разсматриваетъ съ самаго начала знаменитую распрю номиналистовъ и реалистовъ, которая отъ IX до XII столѣтія волновала міръ ученый и религіозный и въ которой попеременно являюпся имена Рабанъ-Мѣра, Росцелина, Св. Ансельма, Вильгельма де Шампо. Введеніе Кузена составляетъ почти полную испорію рожденія и развитія схоластической философін со времени Карла Великаго до Абелярда.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

— Ничего нѣтъ невозможнаго для моды, и вопъ почему видимъ бархатъ на соломенныхъ шляпкахъ, бархатныя лизере у кисейныхъ плащевъ, цвѣтъ розовой вишнѣ съ голубымъ, и другія спранныспи, которыя теперь уже не называютъ спранныспями, а модою. Расскажемъ здѣсь о нѣкоторыхъ нынѣшнихъ костюмахъ. Бѣлое плащье изъ органди, на которомъ вышипы шамбуромъ большія клѣпки въ

одну проводку алой шерстью; два волана у юбки обшиты бархатным алым лизере, и широкий бархатной пояс такогожъ цвѣта завязывается на боку съ длинными концами; рукава гладкіе отъ плечъ, на копорыхъ нашиты при буфы раздѣленные бархатными полосками, на копорыхъ приколоты по одному банпiku изъ бархата отъ локтя до кисти рукава въ обпашку, и сверхъ обшивки бархатныя браслеты; на шеѣ маленькой шарфъ кружевной; на головѣ по гренатовому цвѣтку надъ каждымъ вискомъ. Платья изъ шерстяной кисей по бѣлому или палевому полю съ голубыми, зелеными или розовыми узорами отдѣляющимися бархатнымъ лизере подъ цвѣтъ узоровъ, а редингопы обшиваютъ кругомъ широкимъ бархатнымъ бѣе. Редингопы изъ *roult de soie* голубаго, палеваго, суроваго съ черными полосками много носятъ запроспо и застегиваютъ бантами изъ ленца; такими же бантами завязываютъ рукава у кисти и у плечъ; спинка гладкая, а на полоскахъ ~~оладки въ видѣ вѣра~~. Платье кисейное зеленоватаго цвѣта, зашпканое черными цвѣточками, ~~оцѣдно воланомъ изъ черныхъ кружевъ~~, а на шеѣ накинута черная кружевная косынка. Шляпка изъ *paille de riz* съ вѣточками овса.

— Кисейныя платья очень нарядны, когда обшиты вокругъ всего подола сборчатою буфою, въ копорую продернута цвѣтная лента; буфа эша идетъ вверхъ въ родѣ фаршучка на гладкомъ корсажѣ; ее кладутъ въ видѣ V до самыхъ плечъ; на гладкихъ рукавахъ она положена въ три ряда, и самый послѣдній рядъ буфы дѣлается такъ широкъ, что служилъ вѣспо манжеты.

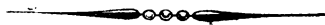
— Дамы маленькаго роста не рѣшаются употреблять воланы, а замѣняютъ ихъ сборчатыми буфами или *bouillons*; рединготы обшиваются ими въ прирѣда, обшивая также воротнички и опшвороты, изъ подъ кофторыхъ видна шемизетка съ оборочкою или гладенькая косыночка обшитая узенькимъ кружевомъ.

— Маленькіе чепчики съ длинными концами очень ндушъ, когда надѣта на шею узенькая черная бархотка, на кофторой повѣшенъ крестникъ или другая какая вещичка. Бантъ изъ лентъ, кофторыя употребляютъ для головы, прикалываютъ такъ низко на щекахъ, что съ ними серьги вовсе не нужны; шеперь щегольство обращено на разныя вещицы для бархата, кофрый носятъ на шеѣ. Опять прежніе шуалеты *à la Dubarry*, вышитые кисейные на розовой подкладкѣ и обшитые кружевами.

— Косыночки изъ органди *à la paysanne* складываются назадъ складками, такъ чтобъ шея была опкрыта, и придерживаются банпикомъ, а напередѣ складываются въ видъ вѣера и ндушъ подъ поясъ; по краямъ косыночки обшиваются шовнымъ кружевомъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Пеньюаръ кисейный вышитый съ продернутыми лентами. Прическа г. Нѣвилл.

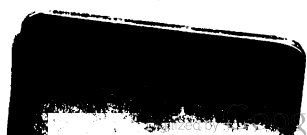

МОСКВА. въ типографіи Н. СТЕЦАНОВА.

Печатать позволяется. Москва, 15 сентября, 1836 года.

Цензоръ А. Болдыревъ.

X P

S_m12031

(1236)

3186245877